

ISSN 2619–0214

**НАСЛЕДИЕ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2020, том 3
№ 4

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2020, т. 3, № 4

ISSN 2619–0214 (Print)

**Международный научно-методический журнал
о культурном наследии**

Включен в каталог периодических изданий Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Размещается на платформах eLIBRARY.RU и КиберЛенинка

«Наследие и современность» – специализированное научное издание по проблемам сохранения и использования культурного наследия, выпускающееся на базе Казанского федерального университета. Журнал предоставляет возможность профессионального общения широкому кругу специалистов, становясь постоянным и надёжным источником информации о текущих научных исследованиях и разработках в сфере сохранения и использования культурного наследия, формирования различных типов историко-культурных территорий, развития Списка всемирного наследия ЮНЕСКО.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций соответствует следующим группам научных специальностей:

07. 00. 00 Исторические науки и археология

07.00.02 Отечественная история

24.00.00 Культурология

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

17.00.00 Искусствоведение

17.00.02 Музыкальное искусство

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

Информация об издании

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77 - 71548 от 13.11.2017

Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации, номер ISSN 2619-0214

Издается с 2018 года

Периодичность: 4 выпуска в год

Подписной индекс: 64981 в каталоге «Издания органов научно-технической информации» ОАО «Агентство «Роспечать» во всех отделениях «Почта России». Цена свободная.

Учредители:

Хайрутдинов Рамиль Равилович

Ситдиков Айрат Габитович

Издатель:

АНО «Институт культурного наследия»

Адрес: ул. Кремлевская, д. 10/15, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

Тел.: +7 (843) 221-33-21

Редакция:

Адрес: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420008

Email: worldheritage2018@mail.ru

Сайт: <https://nasledie.elpub.ru/jour>

Редактор-составитель выпуска М.Е. Кулешова

Редакционно-издательская группа:

Штеле Ольга Евгеньевна (ответственный секретарь) – кандидат географических наук, г. Москва, Российская Федерация

Мурашкина Светлана Игоревна (научный редактор) – кандидат географических наук, г. Москва, Российская Федерация

Витоль Евгений Владимирович (ответственный за выпуск) – г. Казань, Российская Федерация

16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валеев Рафаэль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности, заведующий кафедрой всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, вице-президент Российского Комитета Международного Совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), руководитель Поволжского отделения Кафедры ЮНЕСКО, г. Казань, Российская Федерация

ШЕФ-РЕДАКТОР

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, заведующий Центром комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Хайрутдинов Рамиль Равилович – кандидат исторических наук, доцент, директор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, директор НОЦ Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Василевич Георгий Николаевич – кандидат экономических наук, Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», с. Михайловское, Российская Федерация

Веденин Юрий Александрович – доктор географических наук, профессор, Институт географии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Герасимов Олег Михайлович – доктор искусствоведения, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Гордеева Татьяна Юрьевна – доктор культурологии, доцент, Казанская Государственная Консерватория имени Н.Г. Жиганова, г. Казань, Российская Федерация

Доде Звездана Владимировна – доктор исторических наук, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Иманкулов Джумаемель Джумабаевич – доктор архитектуры, профессор, Научно-исследовательский и проектный институт НИПИ Кыргызреставрация, г. Бишкек, Кыргызстан

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, г. Казань, Российская Федерация

Калужков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, Институт экологии человека Сибирского Отделения РАН, г. Кемерово, Российская Федерация

Лисович Инна Ивановна – доктор культурологии, профессор, Московский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Литвин Александр Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Маклыгин Александр Львович – доктор искусствоведения, профессор, Казанская Государственная Консерватория имени Н.Г. Жиганова, г. Казань, Российская Федерация

Мартьяненко Игорь Эдуардович – доктор юридических наук, профессор, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Миргалеев Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Российская Федерация

Мурашкина Светлана Игоревна – кандидат географических наук, Центр комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Мухаметзянова Флера Габдулбаровна – доктор педагогических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», г. Краснодар, Российская Федерация

Обыденнов Михаил Федорович – доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Панченко Ольга Львовна – кандидат социологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Пилипосян Ашот Сураевич – доктор исторических наук, Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна, г. Ереван, Армения

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Российская Федерация

Ситдииков Айрат Габитович – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Сулейманова-Валеева Гузель Фуадовна – доктор искусствоведения, профессор, Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Российская Федерация

Султанова Рауза Рифкатовна – доктор искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Российская Федерация

Тазетдинова Руфина Ринатовна – доктор философских наук, доцент, Казанское театральное училище, г. Казань, Российская Федерация

Фазлызянова Гузалия Ильгизовна – доктор культурологии, профессор, Российский университет дружбы народов; центр «Одаренность» Института непрерывного педагогического образования, г. Москва, Российская Федерация

Фахрутдинов Раиль Равилович – доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Фахрутдинова Анастасия Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Шкалина Галина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Штеле Ольга Евгеньевна – кандидат географических наук, Центр комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Яковлев Валерий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, Казанская Государственная Консерватория имени Н.Г. Жиганова, г. Казань, Российская Федерация

HERITAGE AND MODERN TIMES

2020, Vol. 3, No. 4

ISSN 2619–0214 (Print)

**International scientific-methodical journal
for cultural heritage issues**

Included in the Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Placed in the platforms of eLIBRARY.RU and CyberLeninka

"Heritage and Modern Times" is a specialized scientific publication on the problems of preserving and using cultural heritage, published on the basis of the Kazan Federal University. The journal provides an opportunity for professional communication to a wide range of specialists, becoming a permanent reliable source of information on current research and development in the field of preservation and use of cultural heritage, the formation of various types of historical and cultural territories, and the development of the World Heritage List.

The materials published in the journal have passed the peer review and expert selection procedure. The scientific content of publications corresponds to the following groups of scientific specialties:

07.00.00 Historical Sciences and Archeology

07.00.02 Domestic history

24.00.00 Culturology

24.00.01 Theory and history of culture

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

17.00.00 Art history

17.00.02 Musical art

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

Edition information:

Registration number and date of the decision to register with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77 - 71548 of 13.11.2017

Published since 2018

A frequency of 4 issues per year

Subscription index: 64981 in the catalog "Publications of scientific and technical information bodies" of JSC "Agency" Rospechat " in all branches of the " Russian Post". Free price

Founders:

Ramil Khairutdinov

Airat Sitdikov

Publisher:

ANO "Institute of Cultural Heritage"

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Tel.: +7 (843) 221-33-21

Editorial staff:

Address: 3, M. Mezhlauk str., off. 117, Kazan, Republic of Tatarstan., 420008, Russian Federation

Email: worldheritage2018@mail.ru

Website: <https://nasledie.elpub.ru/jour>

The compiling editor of the issue M. Kuleshova

Editorial and publishing group:

Olga Shteleva (Executive Secretary) – Ph.D. of Geography, Moscow, Russian Federation

Svetlana Murashkina (Scientific editor) – Ph.D. of Geography, Moscow, Russian Federation

Evgeniy Vitol (Responsible for the issue) – Kazan, Russian Federation

CHIEF EDITOR:

Rafael Valeev – Doctor of History, Professor, Deputy Director for Scientific, Head of the Department of World Cultural Heritage of the Institute of International Relations of the Kazan (Volga Region) Federal University, Vice-President of the Russian Committee of the International Council for the Protection of Monuments and Sites (ICOMOS), Head of the Volga Branch of the UNESCO Chair, Kazan, Russian Federation

CHEF EDITOR:

Pavel Shulgin – Ph.D. in Economics, Head of the Centre for Regional Programmes of Social and Cultural Development, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITOR:

Ramil Khairutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor, Director of the Institute of International Relations of the Kazan (Volga Region) Federal University, Director of the REC Resource Center for the Development of Islamic and Islamic Studies, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL TEAM

Georgy Vasilevich – Ph.D. in Economics, State Memorial Historical, Literary and Natural Landscape Museum-Reserve A.S. Pushkin "Mikhailovskoe", p. Mikhailovskoe, Russian Federation

Yuri Vedenin – Doctor of Geography, Professor, Institute of Geography Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Oleg Gerasimov – Doctor of Arts, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Tatyana Y. Gordeeva – Doctor of Culturology, Associate Professor, Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganova, Kazan, Russian Federation

Zvezdana Dode – Doctor of History, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dzhumamedel Imankulov – Doctor of Architecture, Professor, Scientific Research and Design Institute NIPI Kyrgyzrestavratsiya, Bishkek, Kyrgyzstan

Olga Kalimullina – Doctor of Pedagogics, Professor, Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, Kazan, Russian Federation

Vladimir Kalutskov – Doctor of Geography, Professor, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

Igor Kovtun – Doctor of History, Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation

Inna Lisovich – Doctor of Culturology, Professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Alexander Litvin – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Alexander L. Maklygin – Doctor of Arts, Professor, Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganova, Kazan, Russian Federation

Igor Martynenko – Doctor of Law, Professor, Grodno State University named after Yanka Kupala, Grodno, Belarus

Inur M. Mirgaleev – Ph.D. of History, Institute of History named after Sh. Mardzhani AS RT, Kazan, Russian Federation

Svetlana Murashkina – Ph.D. in Geography, Centre for Regional Programmes of Social and Cultural Development, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Flera Mukhametzyanova – Doctor of Pedagogics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Evgeniy Narozhny – Doctor of History, Non-Public Joint Stock Company (NAO) "Heritage of Kuban", Krasnodar, Russian Federation

Mikhail Obydenov – Doctor of History, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Olga Panchenko – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Ashot Piliposyan – Doctor of History, Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovyan, Yerevan, Armenia

Konstantin Rudenko – Doctor of History, Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation

Airat Sitdikov – Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of History, Professor, Institute of Archeology named after A. Khalikov AS RT; Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Guzel Suleimanova-Valeeva – Doctor of Arts, Professor, Institute of History named after Sh. Mardzhani AS RT, Kazan, Russian Federation

Rauza Sultanova – Doctor of Arts, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimova AS RT, Kazan, Russian Federation

Rufina Tazetdinova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kazan Theater School, Kazan, Russian Federation

Guzaliya Fazylzyanova – Doctor of Culturology, Professor, Peoples' Friendship University of Russia; Center "Giftedness" of the Institute of Continuing Pedagogical Education, Moscow, Russian Federation

Rail Fakhрутdinov – Doctor of History, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Anastasia Fakhрутdinova – Doctor of Pedagogics, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Galina Shkalina – Doctor of Culturology, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Olga Shtele -- Ph.D. in Geography, Centre for Regional Programmes of Social and Cultural Development, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Valery Yakovlev – Doctor of History, Professor, Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganova, Kazan, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора-составителя	7
-----------------------------------	---

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Родоман Б.Б. ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	10
Гайнутдинова А.Р. ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗОБЩЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПРИРОДЫ И КУЛЬТУРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНИЦИАТИВАХ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ	18
Исаченко Г.А., Исаченко Т.Е. РОЛЬ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	34

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Веденин Ю.А. МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ В КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СЕВЕРА: ПО СЛЕДАМ АЛЕКСАНДРА ШРЕНКА	52
---	----

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Новиков В.П. ЛАНДШАФТНЫЙ ПОДХОД В СОХРАНЕНИИ НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ «УТРА»	73
--	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Марсадолов Л.С. ДРЕВНИЕ АСТРОПУНКТЫ САЯНО-АЛТАЯ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ОБСЕРВАТОРИЙ И ИХ ЛАНДШАФТНЫЙ КОНТЕКСТ ...	93
Кулешова М.Е. УСАДЕБНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО: НА ПРИМЕРЕ «ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ» Л.Н. ТОЛСТОГО	109

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Штеле О.Е. Новая книга о культурном наследии: «ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ ЧУКОТКИ»	128
---	-----

CONTENTS

From the compiling editor	7
--	----------

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Rodoman B. RUSSIAN CULTURAL LANDSCAPE MAIN FEATURES	10
---	-----------

Gainutdinova A. INTERNATIONAL INITIATIVES OF BRIDGING THE SEPARATION BETWEEN NATURE AND CULTURE IN CULTURAL LANDSCAPES MANAGEMENT AND CONSERVATION	18
--	-----------

Isachenko G., Isachenko T. THE ROLE OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS IN THE FORMATION OF SAINT PETERSBURG CULTURAL LANDSCAPES	34
--	-----------

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Vedenin Yu. THE ROLE OF HISTORICAL ROUTE IN THE RUSSIAN NORTH CULTURAL AND LANDSCAPE SPACE: FOLLOWING ALEXANDER SCHRENK	52
--	-----------

MUSEUM SCIENCE, CONSERVATION AND RESTORATION OF HISTORICAL AND CULTURAL OBJECTS

Novikov V. LANDSCAPE APPROACH TO CONSERVATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR HERITAGE IN UGRA NATIONAL PARK	73
--	-----------

ART HISTORY

Marsadolov L. ANCIENT OBSERVATION ASTROPOINTS OF SAYAN-ALTAI AS PREDECESSORS OF ASTRONOMICAL OBSERVATORIES	93
---	-----------

Kuleshova M. RUSSIAN ESTATE AS A PROMISING UNESCO WORLD HERITAGE SITE: ON THE EXAMPLE OF LEO TOLSTOY'S "YASNAYA POLYANA"	109
---	------------

NEW BOOKS

Shtele O. A new book about cultural heritage "APPLIED ETHNOLOGY IN CHUKOTKA"	128
--	------------

Слово редактора-составителя

Культурные ландшафты в очередной раз становятся темой выпускаемого, заключительного в 2020 году, номера журнала. Культурный ландшафт, будучи рамочным концептом, способен тематически объединить очень разных по своим интересам авторов и весьма широкий спектр рассматриваемых культурных феноменов. В данном выпуске мы опять акцентируем внимание на природно-культурных взаимодействиях, поскольку именно они лежат в основе становления культурного ландшафта как такового. Этот, 2020-й год, оказавшийся столь сложным и неоднозначным, был годом 20-летия Европейской ландшафтной конвенции. К сожалению, юбилейные торжества и встречи по этому поводу не состоялись, что не отменяет огромную роль данной международной инициативы в решении проблем территориального/ландшафтного управления во многих европейских странах. Россия не является стороной конвенции, но идеи конвенции получают всё большее распространение, в числе которых – право на защиту ландшафта, ценности которого осмыслены и признаны обществом – право на ландшафтное наследие.

Наш выпуск открывается лаконично-тезисной статьёй Б.Б. Родомана, известного географа-теоретика, автора концепции поляризованной биосферы, разработки которого широко использовались в территориальном планировании на рубеже веков и по сей день не утратили своей актуальности. Автор выделяет несколько характерных особенностей ландшафтного обустройства России, связанных не только с природными факторами, но и политической историей страны. Немало видевший и испытывавший за свои неполные 90 лет, Борис Борисович представляет российский ландшафт не в радужных тонах, но ведь правда не всегда служит бальзамом.

В последние несколько лет заметно активизировалось взаимодействие между двумя основными консультантами Комитета Всемирного наследия – это Международный союз охраны природы (МСОП, или *IUCN*) и Международный совет по памятникам и достопримечательным местам (*ICOMOS*). Зона взаимодействия – культурные ландшафты. О последних инициативах в этой сфере читайте в статье А.Р. Гайнутдиновой. Появился интересный электронный ресурс – платформа ПАНОРАМА, где можно ознакомиться с последними проектами и представить собственный, если он соответствует парадигме континуальности и взаимообусловленности природных и культурных составляющих наследия. За этой чётко оформившейся тенденцией грядут изменения в методологии и техниках работы с объектами всемирного наследия.

Большой вклад в сохранение культурных ландшафтов, как городских, так и сельских, вносят особо охраняемые природные территории (ООПТ). Городским ООПТ на примере Санкт-Петербурга посвящена статья Г.А. Исаченко и Т.Е. Исаченко, давно и продуктивно исследующих природные предпосылки формирования культурных ландшафтов северной столицы. Практически все петербургские ООПТ, имеющие статус заказника или памятника природы, по факту являются культурными ландшафтами, поскольку включают в себя искусственные водоёмы, старинные парки, бывшие торфоразработки, фортификации, искусственные лесопосадки, сельскохозяйственные угодья и пр. Авторы указывают на проблемы ведомственной рассогласованности в управлении объектами природно-культурного генезиса, а также угрозу их урбанизации и градостроительного освоения, чему противостоит городское сообщество, осознавшее роль ООПТ в жизни города.

Цельный культурно-ландшафтный коридор может сформироваться вдоль исторического пути – один из таких путей из Архангельска в Мезень представлен в статье Ю.А. Веденина, постоянного и разнообразного в своих научных интересах автора журнала, который является ведущим в России исследователем культурно-ландшафтного наследия. Изучение и информационное наполнение исторических путей имеет большое прикладное значение для развития туризма. Выдержки из книги Александра Шренка, дополняемые сведениями о других исторических личностях и событиях, составляют сюжет интригующего путешествия, обладающего также дидактической нагрузкой. Комплексность научного мышления исследователя позапрошлого, XIX века, служит примером осознания неразрывных связей природы, культуры и общества.

Об уникальном опыте работы с военно-историческими ландшафтами в границах национального парка «Угра» повествует статья В.П. Новикова – первого директора этого парка, благодаря которому историко-культурные ландшафтные феномены были причислены к приоритетным объектам данного природоохранного учреждения. По реке Угре в Великую Отечественную войну было сформировано несколько советских плацдармов на занятом оккупантами берегу, существовали мощные оборонительные фортификации с немецкой стороны, и, более скромные, – с советской, их следы сохраняются в ландшафте. Этот ландшафт интерпретируется как обширный мемориальный музей, в статье обсуждаются проблемы его формирования, а также реконструкции и реставрации отдельных его элементов.

О предшественниках астрономических обсерваторий, древних астропунктах Саяно-Алтая, говорится в статье Л.С. Марсадолова. Интерпретация археологического наследия базируется, в том числе и на природном контексте, природные объекты нередко являются важными составляющими археологических комплексов. Древние астропункты – яркое

тому подтверждение. Тема археологического ландшафта в России осваивается с большим трудом, и тем большее значение имеют публикации, приближающие к её раскрытию. Кроме того, благодаря астрономическим функциям археологических ландшафтов может быть принципиально расширено представление об их границах – видимо, они должны включать и небосвод, и панорамы видимого горизонта помимо участка земной поверхности с астрономическими объектами.

Немало исследований посвящено усадебной культуре России, но публикаций об усадебных ландшафтах не слишком много. Яснополянскому усадебному ландшафту посвящена статья М.Е. Кулешовой. Автор обращает внимание, что в Списке всемирного наследия от России усадебная культура, которая в значительной мере определяет культурный образ страны, никак не представлена. Ясная Поляна рассматривается в качестве наиболее вероятного претендента на пополнение Списка. Кроме того, роль личности Л.Н. Толстого в мировой культуре достаточно велика, а эта личность черпала своё вдохновение из окружающей природы, творчески формировала ландшафт и наполняла его ассоциативными образами своих бессмертных произведений.

В заключение выпуска О.Е. Штеле знакомит нас с новой книгой – «Прикладная этнология Чукотки», посвящённой 125-летию экспедиции Н.Л. Гондатти. Её научный редактор и составитель – И.И. Крупник, с которым читатели журнала уже знакомы по его пионерным работам о ледовых культурных ландшафтах. Новая книга посвящена исследователям живой этнической культуры и её конкретным феноменам, а связь с живой культурой – неотъемлемая часть эволюционирующих ландшафтов

Журнал «Наследие и современность» выходит ежеквартально, предоставляя возможность профессионального общения для широкого круга специалистов, становясь постоянным и надёжным источником информации о текущих научных исследованиях и разработках в сфере сохранения и использования культурного наследия, формирования различных типов историко-культурных территорий, расширения Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО.

М.Е. Кулешова

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 911.53

ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Б.Б. Родоман

bbrodom@mail.ru

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются особенности российского культурного ландшафта, практически неизвестные зарубежной науке и мало изученные в России: своеобразный ритм ландшафта, формирование внутренней периферии, превращение административных границ в эконет, наличие культурно-исторических провинций.

Ключевые слова: ритм ландшафта, экологическая инверсия расселения, «зелёные изгороди» регионов, культурно-исторические провинции.

Для цитирования: Родоман Б.Б. Главные особенности российского культурного ландшафта. *Наследие и современность*. 2020;3(4):10–17.

Культурный ландшафт Средней полосы европейской части России между параллелями 52 и 62 градуса северной широты имеет свои характерные особенности, до настоящего времени недостаточно изученные и в ряде случаев малоизвестные. Рассмотрим семь таких особенностей.

1. Восточноевропейский ритм

Ландшафты обладают *ритмом*: их характерные элементы, природные – вершины холмов, тальвеги, и антропогенные – центры поселений, транспортные узлы и т.п., многократно присутствуют на профиле местности и разделены расстояниями, средняя величина которых присуща тому или иному виду ландшафта. Число таких элементов на единицу длины профиля (например, на 10 или 100 км) я называю *дробностью* ландшафта, а среднее расстояние между ними – ландшафтным *модулем*. Чередование возвышенностей и впадин рельефа земной поверхности, сгустков и разрежённостей в размещении насе-

ления придают ландшафту волнообразие. Дробность ландшафта аналогична частоте колебаний, а модуль – длине волны. Антропогенные ритмы зависят от природных ритмов, а также от размеров зданий, сооружений, машин, от архитектурных и строительных модулей.

Ландшафт Средней полосы России отличается от западноевропейского меньшей дробностью. Для России характерно сочетание крупных полей с большими площадями лесных массивов, а застроенных кварталов – с обширными безлюдными пространствами. В рассматриваемой нами Средней полосе Европейской России наиболее дробен ландшафт Валдайского Поозерья, а менее – Среднерусской возвышенности, но, в общем и в целом, резкое отличие от Западной Европы бросается в глаза везде. Непривычный для западноевропейцев российский ритм ландшафта возможно помог нашей стране в некоторых войнах (например, в 1812 и 1941–1943 гг.).

Коллективизация 1930-х годов, ликвидация единоличных хуторов, укрупнение колхозов сделали ландшафт ещё более однообразным. Советскому плановому хозяйству нужны были в сельской местности только четыре типа землепользования – крупные сёла с хозяйственными постройками, гигантские поля пашни, высокоствольный лес и водохранилища. Всё остальное игнорировалось. Безвозвратно исчезала «мелочь» – ручьи, болотца, опушки, перелески, рощи, группы деревьев и т.п. Садово-дачные и коттеджные посёлки, широко распространившиеся вокруг больших городов во второй половине XX века, внесли в ландшафт заметную новизну, но в силу особенностей своих размеров и размещения вполне уложились в советский низкочастотный ритм.

2. Централизованное пространство

Российский культурный ландшафт сильно централизован и поэтому отличается *анизотропией* – в нём резко преобладают направления и потоки радиальные, связывающие каждую точку с вышестоящим административным центром и в конечном счёте с Москвой; отмирают связи между соседними регионами и поселениями одного ранга, если они не пронизаны дорогой, ведущей в столицу. Так, слабо связаны между собой области Смоленская и Тверская, Тульская и Калужская. Та же картина наблюдается на уровне внутриобластных (муниципальных) районов.

Ещё в 50-х годах XX века сохранялись трудовые и родственные связи между соседними сёлами; существовала треугольная сеть грунтовых просёлочных дорог. В наши дни даже малые поселения, разделённые ручьями и оврагами, фактически распадаются: каждая половина деревни, ставшей дачным посёлком, прокладывает свою дорогу, перпендикулярную к ближайшей автомагистрали. Анизотропный

ландшафт подобен бюрократической структуре государства, в котором каждый житель зависит от начальства, а самоорганизация, кооперация и солидарность не развиты.

3. Внутренняя периферия

Внутренняя периферия – это часть страны или региона, которая расположена ближе к его центру, чем к внешней границе, но обладает такими чертами окраин, как плохая транспортная доступность, замедленное развитие, отставание по многим социально-экономическим показателям, архаические черты в ландшафте и быте населения [1; 2].

В Российской империи самая большая внутренняя периферия (Валдайская) возникла в XIX столетии в треугольнике железных дорог Петербург – Москва – Варшава. Множество уездных городов по всей России оказалось в стороне от рельсовых путей и захирело. В XX веке аналогичную роль опустошителя провинции сыграли редкие и очень запоздавшие со своим появлением автомобильные дороги.

Периферизацию российской глубинки усугубили прочие мощные факторы, приведшие к упадку сельской местности: столыпинская реформа, не совместимая с исторически сложившимся ритмом культурного ландшафта; войны, революции, крестьянские восстания, коллективизация, раскулачивание, экспроприация лошадей у крестьян; укрупнение колхозов, ликвидация «неперспективных» малых деревень, принудительное переселение в искусственные совхозные посёлки; так называемые «мелиорации» (на самом деле – детериорации); химизация – отравление земли неправильно применяемыми удобрениями; демонтаж узкоколейных железных дорог из-за исчерпания запасов или нерентабельности дальнейших заготовок древесины и торфа; экономический кризис и разруха 1990-х годов; приватизация и развал колхозов и совхозов, провал фермерства, неразбериха с собственностью; невыгодность зернового земледелия и полный крах льноводства; субурбанизация – замена традиционной деревни поселениями дачников, старинных изб – современными коттеджами, постоянных жителей – периодическими посетителями и т.д.

В аналогичной средней полосе Западной Европы массовая автомобилизация легла на густейшую сеть рельсовых путей. Европейские крестьяне при наличии хороших дорог постепенно пересаживались на мотоциклы и автомобили, тогда как и лошадей у них никто не отнимал. Советская же деревня лошадей в домохозяйствах лишилась, а общедоступных личных автомобилей, нормальных дорог и даже простой проводной телефонной связи в каждом доме не дождалась и потому большей частью исчезла.

4. Одичание ландшафта

Депопуляция российской глубинки, рыночная трансформация сельского и лесного хозяйства привели к забрасыванию земель. В окрестностях больших городов пустующие угодья бурно застраиваются, но на подавляющей площади лесной и лесостепной природной зоны они зарастают травой, кустарником и деревьями.

Процесс одичания лесов и полей поляризован. Оно велико вдали от городов, на окраинах регионов, где почти не осталось трудоспособного местного населения. Но оно заметно и в ближайших пригородах, на пустырях, в лесах, у заборов самых роскошных коттеджных посёлков.

На протяжении последних двух тысячелетий, кое-как исследованных археологами и почвоведом, лесистость и распаханность Средней полосы изменялись в самом широком диапазоне, но каждая волна перемен имела свою специфику. В наши дни лес наступает на поля не только фронтально, т.е. путём расширения своей площади, а прорастает среди полей группами деревьев. Эту временную сукцессионную формацию я и В.Л. Каганский назвали «русской саванной» [3]. Она особенно характерна для западной половины Центральной России, в её бывшем «Льняном полумесяце». В Среднем Поволжье и Прикамье, занятом этническими республиками (Мордовия, Чувашия, Марий-Эл, Татарстан, Удмуртия, Башкортостан) село и крестьянство оказались более устойчивыми и одичанию ландшафта сопротивляются успешнее [4].

Настоящей катастрофой для ближнего и дальнего Подмосковья стало распространение борщевика – агрессивного гигантского ядовитого зонтичного растения. Для борьбы с ним у нынешних непостоянных жителей деревни, прописанных в городах, средств и прав не хватает. Значительным источником сорняков и болезней растений стали частные земли, которые кем-то куплены на всякий случай, но не используются и не посещаются владельцами.

Спонтанная *ревитализация* российского внегородского ландшафта – это реванш биосферы после волонтаризма командно-административной экономики; это новый вызов урбанизированному обществу, стимул и предлог для перехода к более комплексному и экофильному землеприродопользованию, уменьшающему контраст между «естественным» и «искусственным» в окружающей среде.

5. Зелёные изгороди регионов

Экологи надеются сохранить природный ландшафт в виде *эко-нета* – непрерывной сети достаточно широких «зелёных коридоров», пронизывающих густонаселённую людьми, урбанизированную территорию. На этом основан и мой концептуальный проект «поляризован-

ной биосферы (1970) [2]. Он не заимствован из-за границы, а выведен из отечественной специфики. Одна из главных особенностей российского культурного ландшафта, по-видимому, не известная мировой науке, – стихийная *эконетизация* административных границ. По причине гиперцентрализации российского пространства (см. п. 2 выше) на границах областей, краёв, республик и входящих в них муниципальных районов, где трансграничные связи прерываются, а местные автодороги заканчиваются тупиками, сохраняются полосы более дикого природного ландшафта [5].

Границы Московской области в этом правиле являются понятным исключением. Столичная область – не только один из многих узловых районов на уровне субъектов Российской Федерации, но и ядро гигантского узлового района – всей России; поэтому у границы Подмосковья с внешним миром преобладают не барьерные, а контактные функции. В данном случае к контактной границе извне прижимаются такие объекты и виды деятельности, которые стремятся приблизиться к столице, но пока не могут проникнуть в столичную область.

«Лесопарковые защитные пояса» сами возникают на барьерных границах, порождённых спецификой нашего административно-территориального деления. Создавать их искусственно на контактных границах бесполезно, они там не удержатся. Формирование эконета на барьерных административных границах – это тот замечательный случай, когда для достижения благой цели необходимо не действие, а бездействие (*благостное недеяние*) – воздержание от мероприятий, мешающих самовосстановлению природы.

6. Экологическая инверсия расселения

В нашей стране примерно до Второй мировой войны сельские поселения размещались в соответствии с морфологической структурой природного ландшафта [6], которая была различной в разных природных областях [7]. Так, на Московской возвышенности, к северо-западу от Москвы, деревня виднелась на моренных холмах, а на эрозионной равнине к югу от Москвы пряталась в долинах малых рек.

В середине XX века исторически сложившуюся систему сельского расселения разрушила массовая раздача горожанам земель для садов и огородов, сразу же превратившихся в примитивные летние дачные посёлки. Колхозы, совхозы, лесхозы охотно избавлялись от земель, неудобных для достижения плановых показателей. «Садовыми товариществами» в пригородах были заняты земли *экологического каркаса* – лесные опушки и сырые поляны, поймы и даже истоки рек и ручьев, верховые болота. Распространившиеся в конце XX в. коттеджные посёлки, пригодные для круглогодичного проживания, унаследовали то же экофобное размещение. Горожанами застроены такие виды уго-

дий, на которых местные крестьяне раньше не селились. Экологические последствия оказались пагубными не только для дикой флоры и фауны, но и для людей (нарушение поверхностного и подземного стока, засорение и деградация лесов и т.п.).

7. Культурно-исторические провинции

В Подмосковье выявлены ареалы разных типов сельского расселения, соответствующие природным (физико-географическим) областям того же размера [7]. Так, к северо-западу от Москвы, на Московской возвышенности, мелкие деревни располагались на холмах, между избами сохранялись значительные промежутки; коньки двускатных крыш перпендикулярны улице; вход сбоку; продолжением избы сзади является крытый двор (сарай); изгороди в виде редких горизонтальных жердей; колодцы глубокие.

К востоку от Москвы, на Мещёрской низменности, на песчаных островах среди болот располагались крупные многоуличные сёла с домами, стоящими тесно, как в городе. За высокими сплошными заборами обычным был один двор на одну пару домов. Под угрозой пожара все ценные вещи хранились в кирпичных амбарах, стоявших на улице прямо перед домами. Колодцы неглубокие, с журавлями. Песчаный грунт не держал растительности, но люди сажали на улицах берёзы, окружая каждую треугольным в плане решётчатым забором.

К югу от Москвы, на Москворецко-Окской эрозионной равнине, деревни и дома вытянуты вдоль малых речек, превращённых в каскад прудов. Вход в дом с улицы в сени, делящие избу на две половины, левую и правую, со своими печками. Одна деревня всегда стоит по обоим берегам реки. Вальмовые крыши, в прошлом соломенные даже у изредка встречавшихся здесь кирпичных изб, вероятно, были устойчивее двускатных при ураганах, обычных в Подмосковье в третьей декаде июня, когда ветер превращал речную долину в подобие аэродинамической трубы. Эти деревни утопали в пышной растительности, а с плакора их вообще не было видно, местность казалась необитаемой.

При взгляде на столь яркие различия трёх секторов Подмосковья невозможно отказаться от гипотезы, что перед нами – следы расселения разных племён и этносов. Это отчасти подтверждается древнейшим пластом топонимии – гидронимами. К югу от Москвы они балтские, к северо-западу и северу – из западных финских языков, а к востоку – из восточных (преимущественно мордовские) [8].

Вышеописанные и им подобные *культурно-исторические провинции* разрушаются субурбанизацией и превращением бывшей деревни во второе жилище горожан. Наиболее экзотические черты за-

стройки, например, вальмовые крыши и характер расположения домов вдоль реки, новыми жителями не наследуются; старые пруды не поддерживаются и зарастают.

Я полагаю, что выделение культурно-исторических провинций – это и есть настоящее районирование культурного ландшафта. Без чёткого районирования нет научной географии. Но заинтересовать архитекторов и географов культурно-ландшафтными областями не удалось. Они исчезают – неизвестные, не изученные, не нанесённые на карты.

Заключение

В течение всего XX и в текущем XXI столетии традиционный сельский ландшафт нашей страны мало развивался стараниями местных жителей, а больше деформировался агрессией городов и разрушался волонтаристскими мероприятиями, исходящими от государства [9]. Игнорирование специфики ландшафта, недостаток самоорганизации у коренного местного населения, всеобщая разрозненность лиц и домохозяйств привели к социально-экономическому упадку «российской глубинки», но зарастание лесом полей и руин освобождает место для восстановления дикой природы и увеличения международной роли России как экологического донора [10].

Литература

1. *Каганский В.Л.* Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН., сер. геогр., 2012, № 6. С. 23–34.
2. *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.
3. *Родоман Б.Б., Каганский В.Л.* Русская саванна // География, 2004, № 5 (732), 1–7 фев. С. 3–11.
4. *Нефёдова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
5. *Родоман Б.Б.* Зелёные изгороди российских регионов // Отечественные записки, 2006, № 2 (29). С. 214–220.
6. *Солнцев Н.А.* (ред.) и др. Морфологическая структура географического ландшафта. М.: МГУ, 1962. 55 с.
7. *Гвоздецкий Н.А., Жучкова В.К.* (ред.). Физико-географическое районирование Нечерноземного центра. М.: Изд-во МГУ, 1963.
8. *Агеева Р.А.* Как появились названия рек и озёр: Популярная гидронимика. М.: Аст-пресс книга, 2012. 288 с.
9. *Родоман Б.Б.* Российский ландшафт против волонтаризма власти // Отечественные записки, 2005, № 4 (25). С. 330–340.
10. *Родоман Б.Б.* Экологическая специализация – желательное будущее для большей части России // Изв. РАН, сер. геогр., 2016, № 4. С. 140–147.

RUSSIAN CULTURAL LANDSCAPE MAIN FEATURES

B. Rodoman

bbrodom@mail.ru

Moscow, Russian Federation

Abstract. *This article reveals Russian cultural landscape peculiarities, practically unknown to foreign science and little studied in Russia: landscape peculiar rhythm, inner periphery formation, transformation of administrative borders into an econet, the presence of cultural and historical provinces.*

Keywords: *landscape rhythm, ecological inversion of settlement, "green hedges" of regions, cultural and historical provinces.*

For citation: Rodoman B. Russian cultural landscape main features. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(4):10–17.

References

1. *Kaganskij V.L.* Vnutrennyaya periferiya – novaya rastushhaya zona kul`turnogo landshafta Rossii // *Izv. RAN.*, ser. geogr., 2012, № 6. S. 23–34.
2. *Rodoman B.B.* Polyarizovannaya biosfera: Sbornik statej. Smolensk: Ojkumena, 2002. 336 s.
3. *Rodoman B.B., Kaganskij V.L.* Russkaya savanna // *Geografiya*, 2004, № 5 (732), 1–7 fev. S. 3–11.
4. *Nefyodova T.G.* Sel`skaya Rossiya na pereput`e: Geograficheskie ocherki. M.: Novoe izdatel`stvo, 2003.
5. *Rodoman B.B.* Zelyony`e izgorodi rossijskix regionov // *Otechestvenny`e zapiski*, 2006, № 2 (29). S. 214–220.
6. *Solncev N.A. (red.) i dr.* Morfologicheskaya struktura geograficheskogo landshafta. M.: MGU, 1962. 55 s.
7. *Gvozdeczkij N.A., Zhuchkova V.K. (red.)*. Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Nechernozemnogo centra. M.: Izd-vo MGU, 1963.
8. *Ageeva R.A.* Kak poyavilis` nazvaniya rek i ozyor: Populyarnaya gidronimika. M.: Ast-press kniga, 2012. 288 s.
9. *Rodoman B.B.* Rossijskij landshaft protiv volyuntarizma vlasti // *Otechestvenny`e zapiski*, 2005, № 4 (25). S. 330–340.
10. *Rodoman B.B.* E`kologicheskaya specializaciya – zhelatel`noe budushhee dlya bol`shej chasti Rossii // *Izv. RAN*, ser. geogr., 2016, № 4. S. 140–147.

Сведения об авторе

Родоман Борис Борисович, доктор географических наук, Москва, Российская Федерация.
Email: bbrodom@mail.ru

Author of the publication

Boris Rodoman, Doctor of Geography, Moscow, Russian Federation.
Email: bbrodom@mail.ru

Дата поступления 16.11.2020
Принята к публикации 28.11.2020

ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗОБЩЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПРИРОДЫ И КУЛЬТУРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНИЦИАТИВАХ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

А.Р. Гайнутдинова

gauri.gan@gmail.com

Национальный комитет ИКОМОС
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен обзор основных международных инициатив, направленных на преодоление разъединения и противопоставления природных и культурных ценностей в теории и практике сохранения и изучения наследия, представляющего сложное составное целое, значимость которого обусловлена взаимодействием природы и культуры. В материале показаны истоки такого разделения и эволюция подходов к пониманию, сохранению и управлению культурными ландшафтами в рамках применения Конвенции о Всемирном наследии. Рассмотренные инициативы представлены в хронологическом порядке их возникновения. Статья очерчивает взаимосвязь между ними, отразившуюся на методах исследований и подходах к сохранению и управлению наследием.

Ключевые слова: культурный ландшафт, природно-культурные ценности наследия, совместные инициативы, взаимосвязь природы и культуры.

Для цитирования: Гайнутдинова А.Р. Преодоление разобщения ценностей природы и культуры в международных инициативах по сохранению культурных ландшафтов. *Наследие и современность*. 2020;3(4):18–33.

Истоки разъединения и первые шаги по его преодолению

Принятая ЮНЕСКО почти 50 лет назад Конвенция о всемирном наследии [1] стала первым в своём роде¹ международным инструментом для сохранения выдающихся образцов культурного и природного наследия, а также первым масштабным проектом, в котором были задействованы ИКОМОС (*ICOMOS – International Council on Monuments and Sites*) и МСОП (*IUCN – International Union for Conservation of Nature*)², впоследствии ставшие двумя из трёх консультативных органов Комитета всемирного наследия. Вне всяких сомнений Конвенция представляет собой уникальный, действующий на межгосударственном уровне правовой инструмент, который объединил в одном соглашении сохранение и природного, и культурного наследия, обладающего выдающейся универсальной ценностью.

¹ Предшествовавшая ей Гагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта ограничена в механизмах действия, кроме того, второй протокол конвенции, расширяющий её возможности, ратифицирован относительно небольшим числом государств.

² Здесь имеется в виду процесс подготовки проекта текста Конвенции, над которым обе организации, Международный Совет по памятникам и достопримечательным местам и Международный союз охраны природы, работали параллельно.

Механизм его действия не является идеальным, и его все чаще критикуют в последние годы. Главное основание критики Конвенции лежит за пределами рассматриваемой здесь темы, однако, оно достаточно хорошо описано и исследовано в целом корпусе литературы [2; 3]. Другое чрезвычайно важное основание, напротив, имеет самое непосредственное отношение к настоящей статье. Речь идёт о концептуальной парадигме, сложившейся в Западной Европе и Северной Америке под влиянием идей эпохи Просвещения и разделяющей природу и культуру, отводя им положения на противоположных полюсах во всем, что касается определения и сохранения ценности, способов управления объектами наследия и прочее. Такой подход отразился и на Конвенции, в частности, на типологии объектов наследия и определениях критериев их ценности.

Корни этого разъединения уходят очень глубоко в период формирования основ и фундаментальных принципов современной науки в европейском и североамериканском контекстах, а также политической карты мира. Говоря о них сегодня, нельзя забывать о двух аспектах, точно охарактеризованных Стивом Брауном: фундаментальное разъединение природы и культуры, в европейском и североамериканском дискурсах и практике сохранения памятников, (i) характерно только для определённого географического региона и совсем не обязательно является типичным в других частях света; (ii) неотделимо от колониализма, то есть глобального процесса порабощения коренных народов, имевшего весьма значительные негативные последствия для многих обществ по всему миру³ [4].

Вторая веская причина для критики — это негибкость Конвенции, которая не предполагает ни практической возможности изменения её текста, ни принятия протоколов, которые могли бы откорректировать некоторые механизмы её действия в духе нового восприятия концепций, составляющих суть документа.

И, тем не менее, Конвенция эволюционирует, в первую очередь, благодаря тем изменениям, которые вносятся в Руководство по её применению [5]. И одним из наиболее важных двигателей этой эволюции является постепенное и последовательное преобразование понимания взаимодействия природы и культуры, направленное на преодоление их разъединения и противопоставления.

В течение первых двух десятилетий после принятия конвенции практике сохранения наследия была свойственна осязаемая напряжённость и откровенное противопоставление между природным и культурным. Предполагалось, что последнее может пребывать толь-

³ Здесь нельзя забывать и о культурном европейском колониализме, который совершенно другими способами, но все же оказал большое воздействие на традиционные культурные практики других стран, в частности, России.

ко в границах величественных монументов, и должно быть категорически отделено от природного, которое в свою очередь, было запечатлено в идеальном образе дикой природы, полностью оторванной от людей и результатов их деятельности [6]. Сообразно этим представлениям критерии внесения объектов в Список всемирного наследия были разделены на природные и культурные, представленные двумя отдельными перечнями.

Первое и чрезвычайно знаковое решение на пути признания ценностей, происходящих из взаимодействия природы и культуры, было принято Комитетом всемирного наследия в 1992 году и состояло во включении в Руководство по применению конвенции категории культурных ландшафтов (результатов совместного творения природы и человека). Концепция культурных ландшафтов позволила существенно расширить диапазон признаваемых ценными на уровне Конвенции способов и результатов взаимодействия людей с окружающей их природной средой. Другими словами, как было замечено экс-директором Центра всемирного наследия Франческо Бандарином, открыло Список всемирного наследия культурам, до этого в нем мало представленным, или же не представленным вовсе [7]. Признание концепции культурного ландшафта означало более гибкое понимание квалификационных критериев подлинности и целостности вносимых в Список объектов, которые напрямую были связаны с сохранением и поддержанием живых традиций, первоначально эти ландшафты сформировавших.

По прошествии трёх десятилетий после международного признания категории культурных ландшафтов 115 из 1121 объектов Списка всемирного наследия внесены в него в этом качестве. В списке, кроме того, остаётся много так называемых «скрытых» культурных ландшафтов [8], внесённых в него только по «природным» или «культурным» критериям, что иногда приводит к реноминациям памятников и их повторному внесению в список [6].

В 1994 году была принята глобальная Стратегия по созданию сбалансированного и достоверного Списка всемирного наследия (*Global Strategy of Balanced and Credible WHL⁴*). Чтобы охватить весь спектр имеющегося культурного и природного достояния, в Стратегии было расширено толкование понятия «всемирное наследие», что открыло новые способы признания и защиты объектов, представляющих собой результаты «сосуществования человека с землёй, на которой он живёт, а также взаимодействия, культурного сосуществования, духовного и творческого самовыражения».

⁴ <https://whc.unesco.org/en/globalstrategy/>

Европейская ландшафтная конвенция [9], которая хотя и действует на ограниченной территории и имеет сравнительно небольшой список ратифицировавших её государств, также сыграла важную роль в эволюции и формировании теоретического подхода к пониманию категории культурных ландшафтов и происхождению их ценностей. В Преамбуле конвенции многократно подчёркивается роль ландшафта, являющегося базовым компонентом европейского природного и культурного наследия для общества. Протокол 2016 года, вносящий некоторые изменения в текст Конвенции, идёт ещё дальше, отмечая важность ландшафтов как важнейшего компонента среды обитания людей на мировом уровне (параграф 1, Статья 2). Но что более важно в контексте настоящего рассуждения, в первой статье конвенции авторы определяют ландшафт как «территорию... в том смысле как она воспринимается населением».

Таким образом, Европейской конвенцией о ландшафтах сравнительно рано было введено в оборот понимание важности тех ценностей, которые местное население, чьими усилиями ландшафт был создан и поддерживается в текущем состоянии, ассоциирует с ним. Появление этого нововведения в формальном языке международных договоров сыграло не последнюю роль в целеполагании инициатив, о которых речь пойдёт дальше. Это повлияло и на применение Конвенции 1972 года: признание проистекающих из взаимодействия природы и культуры ценностей, характерных для коренных малочисленных народов, а также состоятельности и эффективности традиционных практик управления их землями⁵.

Объединение культурных и природных ценностных критериев в единый список, последовавшее через 13 лет после включения категории культурных ландшафтов в Конвенцию, было закономерным продолжением начатого в 1990 годы признания ценности взаимодействия природы и культуры, что привело к значительному увеличению числа культурных ландшафтов в Списке всемирного наследия. На местах, однако, как отметили в своей публикации Тайлор и Леннон [6], понимание задач управления этими комплексными ландшафтными объектами оставалось на довольно низком уровне.

Несмотря на значительный и разнообразный комплекс инициатив, среди которых одной из ключевых является совместная программа ЮНЕСКО и Секретариата конвенции о Биологическом разнообразии, направленная на поддержание и развитие биокультурного разнообразия⁶, Комитет всемирного наследия испытывает немалые трудно-

⁵ Нельзя также не отметить существенный сдвиг в восприятии субъективных ценностей и увеличение роли местных сообществ, получивших решающий голос во всем, от выдвижения до сохранения и управления нематериальными формами наследия после принятия в 2003 году Конвенции об охране нематериального культурного наследия.

⁶ <https://www.cbd.int/lbcd/about>

сти в достижении достоверности Списка, а именно репрезентативного представления всего многообразия наследия человечества. Проблема заключается в том, на каких основаниях включать в Список объекты, обладающие бесспорной выдающейся ценностью, но не подпадающие под существующие определения критериев. Другой комплекс сложных вопросов связан с управлением культурными ландшафтами и сохранением их ключевых ценных атрибутов и характеристик.

Новое понимание ценностей наследия, являющихся результатом взаимодействия природы и культуры

В ответ на коротко очерченные выше запросы Комитет Всемирного наследия, его Центр, ЮНЕСКО и их консультативные органы (ИКОМОС, ИККРОМ и МСОП) реализуют целый ряд инициатив. Среди них, в частности, необходимо отметить разработку и публикацию сборников, исследовательских отчётов и руководств, имеющих большое значение для всех, кто в той или иной степени связан с изучением, управлением и сохранением культурных ландшафтов. Речь идёт, например, о Справочнике по сохранению и управлению культурными ландшафтами [7], сборнике материалов о сложностях сохранения ландшафтов [10], отчёте, разработанном совместно Центром Всемирного наследия, ИКОМОС и МСОП [11], в котором проанализированы итоги оценки номинаций смешанных объектов и проч.

В последние годы консультативными органами Комитета совместно с Центром всемирного наследия были предприняты определённые шаги по преодолению разъединения природы и культуры в практике сохранения наследия. Об этих инициативах, часть из которых завершена, часть находится в процессе реализации, а часть только заявлена, пойдёт речь ниже. В первую очередь будут рассмотрены «Объединяющие практики» (*Connecting practice*) и «Путешествие Природа-Культура» (*NatureCulture Journey*) – совместные проекты ИКОМОС и МСОП, а также Программа развития лидерских качеств в области всемирного наследия (*World Heritage Leadership program*), реализуемая ИККРОМ и МСОП в партнёрстве с ИКОМОС и Центром всемирного наследия. Ещё одна инициатива, запущенная в октябре 2020 года – платформа «Панорама» (*PANORAMA platform*), совместно координируемая ИККРОМ, МСОП и ИКОМОС.

Основным способом преодоления разъединения природы и культуры в области сохранения культурных ландшафтов и смешанного наследия был избран эмпирический подход, а именно «изучения через практику» (*“learning-by-doing” approach*).

Совместные практики

Первой из инициатив, основанных на этом подходе, стали «Совместные практики» (*Connecting Practice*) – проект, коллегиально координируемый ИКОМОС и МСОП, направленный на разработку новых методов и стратегий сохранения наследия, основанных на признании взаимосвязанного характера природных, культурных и социальных ценностей [12].

Краткосрочными целями «Практик» организаторы считали разработку более интегрированного (объединяющего природные и культурные аспекты) подхода к сохранению комплексных объектов наследия. В долгосрочной перспективе цель состояла в том, чтобы лучше понять характер взаимосвязей культуры и природы и повлиять на изменение концептуальных и практических подходов к анализу ценностей наследия и управлению объектами, как внесёнными в Список всемирного наследия, так и признанными только на национальном или местном уровне [13].

Отправной точкой проекта «Практик» стало преодоление противоречия между природой и культурой внутри системы применения Конвенции, поэтому в качестве объектов исследования были отобраны культурные ландшафты, внесённые в Список всемирного наследия, а основными акторами выступили консультативные органы Комитета – ИКОМОС и МСОП. Как это ни странно, впервые с принятия Конвенции эксперты этих двух организаций работали совместно, а не составляли два отдельных независимых отчёта. Их задача состояла в том, чтобы на основе подробных полевых исследований объективно оценить максимально широкий спектр ценностей, характеризующих объект наследия, а не только тех, что составляют основу его выдающейся универсальной ценности, для того чтобы выявить все возможные взаимосвязи, взаимодействия и влияния природных и культурных компонентов друг на друга. Другим важным новшеством относительно привычного для обоих консультативных органов процесса оценки номинаций было активное взаимодействие с профессиональным сообществом на местах и местными жителями. Забегая немного вперёд, нужно отметить, что реализация «Практик» сыграла важную роль в переходе от ценностно ориентированного (*value-centred*) подхода в управлении объектами всемирного наследия к подходу, ориентированному на людей (*people-centred*), в первую очередь представителей местных сообществ, что в дальнейшем нашло продолжение в рамках Программы развития лидерских качеств.

Как неоднократно отмечали инициаторы «Практик» [14], преодоление разобщения природы и культуры было необходимо не только для того, чтобы повысить эффективность сохранения наследия, но и для предоставления возможности включения наследия коренных

народов в систему Конвенции 1972 года. Так, например, предложение о внесении объекта Пимачиовин Аки (*Pimachiowin Aki*)⁷ изначально не получило поддержку Комитета, потому что ИКОМОС и МСОП оценивали номинационное досье по отдельности, а не потому, что объект этого не заслуживал. Уже в 2013 году такая ситуация вызывала озабоченность и нашла отражение в решении Комитета 37 COM 8V.19⁸. В частности, в параграфе 5 этого решения был поднят вопрос о признании более широкого спектра ценностей, основанных на взаимодействии природы и культуры. Препятствием к тому служил сложившийся порядок оценки по отдельности культурных и природных ценностей в границах единого объекта, причём существующие формулировки критериев только усугубляли эти сложности. Опыт, полученный в процессе реализации «Практик», открыл новые возможности⁹.

Проект состоял из трёх этапов. Первый этап (2013–2015), как отмечали все участники, состоялся благодаря энтузиазму вовлечённых специалистов [15; 16] и был сфокусирован на совместном обучении и изучении того, каким образом МСОП и ИКОМОС могут соединить свои методы работы, как именно они должны подступить к изучению взаимосвязей между природными, культурными и социальными ценностями наследия, и как связать природу и культуру на всех этапах реализации Конвенции: от внесения объектов в Предварительный список (*Tentative list*) и оценки номинаций (*Upstreaming process*) до собственно включения в основной Список и последующего управления такими объектами.

В рамках второго этапа «Практик» основная задача состояла в том, чтобы весь накопленный в течение предыдущего сотрудничества опыт применить на практике. Для этого были отобраны два культурных ландшафта, расположенных в Южной Африке (парк Малоти-Дракенсберг¹⁰) и Венгрии (Национальный парк Хортобадь¹¹), с противоположными системами учёта взаимосвязей природы и культуры. В африканском объекте природные и культурные аспекты и подходы к управлению ими были очень разобщены, и главная сложность состояла в выявлении взаимосвязей для их последующего анализа. Венгерский объект, напротив, отличался тем, что в нем природное и культурное наследие были настолько тесно переплетены, что было сложно выявить составные части системы, чтобы проанализировать их. Немаловажной задачей группы исследователей была разработка и совершенствование локальных программ и методов управления объектами, способствующих долгосрочному их сохранению. Другая цель состояла

⁷ <https://whc.unesco.org/en/list/1415>

⁸ <https://whc.unesco.org/en/decisions/5134>

⁹ Объект Пимачиовин Аки был внесен в Список всемирного наследия в 2018 году.

¹⁰ <http://whc.unesco.org/en/list/985>

¹¹ <http://whc.unesco.org/en/list/474>

в том, чтобы адаптировать существовавшую методологию эффективного управления объектами природного наследия, разработанную МСОП и ЮНЕСКО [17], для целей сохранения культурного наследия, а также интеграции природного и культурного наследия в процессе их сохранения.

Стартовавший в 2018 году третий этап «Практик»¹² был основан на исследовании естественно развивающихся ландшафтов, в том числе и сельскохозяйственных¹³, и фокусировался на изучении способов поддержания и сохранения практик традиционного управления, а также развитии методов укрепления устойчивости и приспособляемости ландшафтов на основании исследования наблюдаемых с ними изменений.

Значимым следствием первых двух этапов «Практик», как отмечает Летиция Летао, руководившая их реализацией [16], явилось нахождение методического инструмента, позволяющего преодолеть разъединение институционального характера между природой и культурой на уровнях законодательства, администрирования, исследовательской деятельности и разработки руководств и стратегий развития. В качестве такого инструмента был определён интердисциплинарный подход, под которым авторы понимали не совместную деятельность представителей разных дисциплин, каждый из которых исследует свою область предполагаемой проблемы (мультидисциплинарный подход), но применение интегрированных методов и знаний разных дисциплин, вносящих вклад в единое сообща координируемое исследование или иную деятельность.

Другим результатом проекта стало подтверждение необходимости применения комплексного подхода к оценке ценностей наследия, выявление их максимально широкого диапазона, значительно более обширного, чем очерчивается формулировкой выдающейся универсальной ценности номинируемого объекта. Только такой подход, как утверждают авторы отчётов, позволяет определить и оценить в полноте всех взаимосвязей природные, культурные и социальные ценности территории и затем учесть их при формировании стратегии управления сложносоставными объектами.

¹² Публикация отчета планируется на конец 2020 года.

¹³ Включение сельскохозяйственных ландшафтов в это исследование вполне закономерно, учитывая все возрастающий интерес к изучению вопросов их сохранения и развития, о чем свидетельствует тесное сотрудничество между Центром Всемирного наследия и организацией GIAHS (Globally Important Agricultural Heritage Systems), поддерживаемой Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (FAO).

«Путешествие» Природа-Культура

Важным следствием первого этапа «Практик» стало начало другого глобального проекта сотрудничества между ИКОМОС и МСОП при участии других партнёров (ИККРОМ, Центра всемирного наследия, Секретариата конвенции о биоразнообразии и других), которое получило название, сложно переводимое на европейские языки. В оригинале оно звучит “*CultureNature Journey*”¹⁴, что можно примерно перевести на русский язык как «Путешествие (или Переход) между Культурой и Природой». Затруднение, которое возникает при попытке перевести название этой инициативы, имеет причиной отсутствие в языках западных культур адекватного понятия, объединяющего два этих явления, в отличие от языков и мировоззрения, например, коренных народов Азии, Австралии или Канады, для которых такого разъединения не существует.

В октябре 2020 года была опубликована статья [14] Сьюзен Макинтайр-Тамвой, руководителя инициативы со стороны ИКОМОС, и Тима Бэдмана, от МСОП, представляющая ретроспективу разворачивания этой инициативы. В настоящей публикации мы не будем подробно останавливаться на этом, отметив лишь самые основные особенности.

Ключ к пониманию сути инициативы заложен в её названии. Первая его часть – «Путешествие» (или Переход) понимается инициаторами как некое направленное к определённой цели движение, преодоление, а также процесс личностного изменения и развития, совместного познания. Оно должно привести к более прогрессивному и детализированному пониманию, признанию разнообразных культурных, природных и природно-культурных ценностей и последующему внедрению всего их спектра в политику и практику сохранения наследия, на что указывает вторая часть названия.

Инициатива «Путешествия» состоялась благодаря осознанию исследователями и практиками искусственности дихотомии природа-культура, препятствующей достижению хороших результатов по сохранению наследия, как внесённого в список ЮНЕСКО, так и не имеющего этого статуса. Главной целью инициаторов было создать творческую атмосферу для получения нового знания и методов сохранения, не обременённую излишними формальностями.

Первое «Путешествие» состоялось в 2016 году на Гавайях во время Всемирного конгресса охраны природы, ежегодно проводимого МСОП, второе прошло уже в следующем году на Генеральной ассамблее

¹⁴ Наименования “*CultureNature Journey*” и “*NatureCulture Journey*” встречаются в разных документах и заявлениях инициативы и являются синонимичными. Новое словосочетание пишется в этих документах слитно, что свидетельствует о попытке внедрить новое слово в европейские языки.

ИКОМОС в Дели¹⁵. Результатом этих событий стали два ключевых заявления: *Mālama Honua* [18] – «Спассти наш остров Землю» и *Yatra aur Tammanah* [19] – «Наше желанное стремление к нашему наследию», в которых сформулированы идеи, сделавшие инициативу «Путешествия» таким важным проектом. И хотя текст заявлений написан на английском, заголовки даны на языках коренных народов, на землях которых проходили события. Это подчёркивает, что европейские языки не всегда способны уловить и передать оттенки смыслов, которые свойственны другим языкам, для носителей которых природа и культура были и остаются единым целым.

В первом из двух заявлений «Путешествие» определено как целостная концепция, декларирующая необходимость сохранения всего многообразия мира: суши, вод, живых существ, культуры и сообщества. В его основу положены «убедительные доказательства того, что комплексные подходы к природе и культуре улучшают результаты охраны природы, способствуют культурному разнообразию, поддерживают благосостояние современных обществ в городских и сельских районах и способствуют достижению целей устойчивого развития» [18]. Во втором заявлении культура и природа объединены в одно нераздельное слово, чтобы подчеркнуть серьёзность намерений участников преодолеть их разъединение. В нём в качестве главного подхода к исследованию сферы взаимодействия двух феноменов предложено изучение через практику [19], которое более чем успешно было опробовано в процессе реализации первого этапа «Практик».

В обоих заявлениях подчёркнуто, что потенциал международных конвенций и договоров при обеспечении эффективного и полноценного сохранения территорий и ценностей природного и культурного наследия зачастую остаётся нереализованным, и потому необходимо открывать новые пути его воплощения на местах. В них также отмечено, что существующие практики управления и сохранения наследия чаще всего основываются на западных подходах и концепциях, предполагающих институциональное разъединение природы и культуры, даже если это не является традиционным для культуры, в лоне которой сформировался объект наследия¹⁶.

¹⁵ Следующие «остановки» Путешествия должны были состояться в 2020 году на конгрессе МСОП и генеральной ассамблее ИКОМОС, но по причине пандемии были перенесены, вероятно, на 2021.

¹⁶ Чрезвычайно показательным в этой связи является пример Китая. В его традиционной, просуществовавшей до настоящего времени системе управления не существовало институционального разделения между природным и культурным наследием. Однако с целью привести национальное законодательство и систему администрирования в соответствие с Конвенцией 1972 года в самое последнее время стала разворачиваться законодательная инициатива по их отраслевому разъединению и подчинению двум отдельным административным структурам.

Основной целью инициативы «Путешествия» была и остаётся задача перенесения теорий, схем и концепций, выработанных в результате сотрудничества консультативных органов и партнёров Конвенции, на практику сохранения и управления конкретными объектами.

Своеобразным итогом первых шагов «Путешествия» стало подписание в октябре 2020 года Меморандума о Взаимопонимании (*Memorandum of Understanding*) между ИКОМОС и МСОП, в котором были определены потенциальные сферы совместных исследований и деятельности [14]. Следующим этапом будет разработка конкретной программы общих исследований и других совместных действий этих организаций.

Программа развития лидерских качеств в области сохранения всемирного наследия

Невероятный успех инициативы «Путешествия» и огромный интерес, который был к ней проявлен не только со стороны экспертов МСОП и ИКОМОС, но обширного круга других специалистов и различных сообществ, в том числе и коренных народов, способствовал поддержке уже реализуемых на тот момент и запуску новых проектов. Например, проект «Практик» дополнился ещё одним, третьим этапом, на участие в котором был объявлен конкурс среди экспертов.

Если «Практики» послужили толчком к началу «Путешествия», которое впоследствии взаимобразно стимулировало продолжение «Практик», то две другие инициативы, о которых речь пойдёт ниже, явились их прямым следствием.

Хронологически первой стартовала Программа развития лидерских качеств в области всемирного наследия (*World Heritage Leadership program*), которую Центр всемирного наследия выделяет как ключевую в решении задач наращивания профессионального потенциала. Через неё происходит развитие профессионализма среди специалистов, занимающихся сохранением смешанного наследия, и продвигается интегрированный инклюзивный подход к управлению наследием, основанный на приоритете прав человека.

Программа основывается на результатах и опыте, извлечённых из предыдущих проектов, нацеленных на преодоление разрыва и понимание взаимодействия между природой и культурой, что позволяет усовершенствовать практику управления наследием. Она состоит из двух направлений. Первое заключается в получении и укреплении знаний в области сохранения наследия, связующего людей, природу и культуру, и выражается в разработке и совершенствовании руководств и справочников, касающихся как всемирного, так и национального наследия. Один из таких материалов, находящихся в процессе пересмотра – это уже упоминавшийся Справочник оценки эффективности

управления объектами всемирного наследия [7]¹⁷. Другим чрезвычайно важным проектом является разработка общего Руководства по проведению оценок воздействия на выдающуюся универсальную ценность объектов всемирного наследия. Оно совместит существующие отдельно руководства для объектов культурного и природного наследия (*Heritage Impact Assessment* и *Environment Impact Assessment*), а также будет учитывать особенности смешанных природно-культурных объектов. Справочник по управлению рисками при наступлении катастроф также находится в стадии пересмотра, в него будут включены аспекты глобального изменения климата, оказавшего существенное воздействия на экосистемы. Комплексная разработка такого блока взаимосвязанных руководств позволяет эффективно управлять возможными изменениями и потенциальными рисками в отношении наследия, в конкретных ситуациях воспользоваться набором разнообразных инструментов по управлению и сохранению наследия.

Второе направление Программы состоит в разработке и реализации конкретных мероприятий, способствующих росту профессионального знания и накоплению опыта у практикующих специалистов: курсы, семинары, встречи или стажировки, которые проводятся, в том числе, для распространения знаний, полученных в процессе подготовки руководств и продвигаемых в них.

Платформа «Панорама»

Заключительная инициатива, о запуске которой было объявлено в октябре 2020 года – это платформа Панорама. Концептуально она наследует идеи описанных выше инициатив, внося свой вклад в преодоление разъединения между природой и культурой и продвижение подхода к управлению наследием, основанного на приоритете прав человека (*“people-centred approach”*). Она должна способствовать перенесению накопленного исследователями опыта в практику, а также продвижению новых концептуальных подходов.

Платформа представляет собой электронную базу портфолио, представляющих целый ряд успешных, интересных и, главное, подходящих для масштабирования и тиражирования примеров сохранения природы и устойчивого развития. Эти материалы сформированы в семь тематических разделов (или сообществ, в оригинале *“Thematic communities”*), среди которых, например, есть разделы «Природа-Культура», «Сельское хозяйство и биоразнообразие», «Охраняемые территории», «Вовлечение бизнеса» и проч.¹⁸. «Панорама» является также и образовательным ресурсом, предоставляющим доступ к обмену опытом и обучению не только через веб-сайт и социальные сети,

¹⁷ Работа над новой редакцией Справочника была начата на втором этапе проекта «Практик» и продолжается в рамках Программы развития лидерства.

¹⁸ Подробнее можно посмотреть на сайте проекта <https://panorama.solutions/en>

но и через курсы, семинары, встречи, обсуждения. В настоящее время они проводятся в режиме он-лайн, но когда карантинные ограничения будут сняты, продолжатся в формате личного присутствия.

Механизм формирования базы успешных примеров довольно прост, но его создание потребовало серьёзных исследовательских усилий от инициаторов. Он состоит, с одной стороны, из «дающего решение» (*“Solution Provider”*) — практикующего специалиста, реализовавшего успешный вариант работы с наследием, который готов поделиться своим опытом. Под руководством персонала «Панорамы» он документирует своё исследование по специальной форме, разработанной инициаторами. При этом весь комплекс предпринятых мер и действий разделяется на блоки (*“Building blocks”*), которые впоследствии распределяются по тематическим разделам и публикуются на сайте проекта. Каждый из таких блоков сопровождается детальным описанием процесса его практической реализации и дополнительной информацией. При необходимости получить ещё больше сведений, сайт проекта предоставляет возможность напрямую связаться с авторами идеи. С другой стороны этой цепочки находится «ищущий решение» (*“Solution Seeker”*) практикующий специалист, который находится в поиске разрешения своей практической задачи, связанной с управлением или сохранением наследия, и на сайте «Панорамы» он может собрать из различных «блоков» свой собственный, подходящий для его индивидуальных условий, вариант.

Для отбора решений, подходящих для публикации на сайте проекта, существует два главных критерия. Во-первых, они должны быть успешно осуществлены и достичь конкретных измеряемых результатов, а, во-вторых, они должны быть масштабируемы и подходить для воплощения в других контекстах (например, в условиях других географических регионов).

Для целей настоящей публикации наибольший интерес представляет часть проекта, связанная с тематическим разделом «Природа-Культура». В его рамках происходит взаимодействие специалистов, которые работают в сфере сохранения комплексного природно-культурного наследия, в том числе, культурных ландшафтов. В этом разделе представлены примеры работы с наследием коренных народов, с городскими, сельскохозяйственными и береговыми ландшафтами, нацеленные на сохранение природы и культуры в их взаимодействии, и на повышение выживаемости территорий. Одним из важных критериев отбора примеров является также соблюдение прав человека при реализации проектов через признание ценностей местных сообществ, признание традиционных практик управления такими ландшафтами и включение их в общий контекст менеджмента наследия.

На сегодняшний момент в этом разделе опубликовано 25 пилотных проектов, реализованных в отношении объектов Списка всемирного наследия. В будущем их состав будет расширяться и включать в себя также объекты, не внесённые в список ЮНЕСКО.

Заключение

Резюмируя предпринятый анализ и обзор различных инициатив, реализованных в последние годы при участии и по инициативе консультативных органов Комитета всемирного наследия, приходится признать, что, несмотря на все устремления, разъединение природы и культуры пока сохраняется, и потому, как отмечают Макинтайр-Тамвой и Бэдман [14], необходимо выработать новый язык, новый способ рассуждать о проблеме, не отделяя природу от культуры и от местных сообществ, их практик управления и ценностей, которыми они наделяют наследие.

Одним из вероятных итогов нового подхода к формулированию особенностей природно-культурных феноменов уже в скором времени может стать очередной этап серьёзной концептуальной эволюции Конвенции 1972 года. В настоящее время уже начата серьёзная работа над перечнем ценностных критериев, на основании которых пополняется Список всемирного наследия, в результате чего будут разработаны совершенно новые их формулировки. Это будет способствовать дальнейшему преодолению разъединения природы и культуры, сохраняющемуся в номинационной практике, несмотря на механическое объединение критериев оценки в одном перечне в настоящее время. В новом их составе природные и культурные ценности наследия будут объединены внутри общих формулировок, отражающих их внутреннюю связь и взаимозависимость.

Литература

1. Convention concerning the protection of the world cultural and natural heritage. UNESCO. WHC. Paris. November 1972. Электронный ресурс: режим доступа <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/>
2. *Smith L.* Uses of heritage. London. Routledge. 2006.
3. *Harrison R.* Heritage: critical approaches. London. Routledge. 2013.
4. *Brown S.* Enmeshed in naturecultures: A personal–global journey // The George Wright Forum. George Wright Society. January 2017. Vol. 34, No 2, P. 216–228.
5. Operational guidelines for the implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC. Paris. 19/01. 10 July 2019. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>
6. *Taylor K., Lennon J.* Cultural landscapes: a bridge between culture and nature? // International journal of heritage studies. 17(6) – 2011. P. 537–554.
7. *Mitchell N., Rössler M., Tricaud P.-M.* World Heritage Cultural landscapes: A Handbook for Conservation and Management // World Heritage Papers No. 26, UNESCO. WHC. Paris. 2009. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/en/series/26>
8. *Kuleshova M.E.* Cultural Landscapes, Their Position in the World Heritage List and Prospects for Representation of Russia // Regional Research of Russia. 10(2) – 2020, P. 260–271.

9. European Landscape Convention. COUNCIL OF EUROPE. Florence. 2000.
10. *Legacy S. Cultural Landscapes: the Challenges of Conservation*. 2002. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/en/series/7/>
11. Evaluation of Nominations of Cultural and Mixed Properties to the World Heritage List. // Report of the 39th ordinary session of the World Heritage Committee. ICOMOS. Bonn. 2015. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/archive/2015/whc15-39com-inf8B1-en.pdf>
12. Connecting Practice Project. Final Report. IUCN & ICOMOS. 2015. Электронный ресурс: режим доступа https://www.iucn.org/downloads/connecting_practice_report_iucn_icomos_.pdf
13. *Leitão L., Bourdin G., Badman T., Wigboldus L.* Connecting Practice Phase II: Final Report. ICOMOS/IUCN. 2016. Электронный ресурс: режим доступа <https://openarchive.icomos.org/1841/>
14. *McIntyre-Tamwoy S., Badman T.* The CultureNature Journey from Honolulu, Hawaii, to Sydney, Australia: Reaching agreement on what's next? // AUSTRALIA ICOMOS Historical Environment. Vol. 32, No 1, 2020. P. 70–86.
15. *Buckley K., Bourdin G., Pelletier M., Wigboldus L., DeMarco L., Badman T.* Connecting Practice: Operationalizing Concepts and Strategies for Integrating Natural and Cultural Heritage in the World Heritage Convention. 2019. Электронный ресурс: режим доступа <http://openarchive.icomos.org/2315/>
16. *Leitão L., Wigboldus L., Bourdin G., Badman T., Tolnay, Z., Mthimkhulu O.* Connecting practice: Defining new methods and strategies to further integrate natural and cultural heritage under the World Heritage Convention // Cultural and Spiritual Significance of Nature in Protected Areas. London. Routledge. 2018. P. 151–162.
17. *Hockings M., James R., Stolton S., Dudley N., Mathur V., Makombo J., ... Parrish J.* Enhancing our Heritage Toolkit // Assessing Management Effectiveness of Natural World Heritage Sites. 2008. Электронный ресурс: режим доступа <http://whc.unesco.org/en/series/23/>
18. *Mālama Honua*. IUCN & ICOMOS. 2016. Электронный ресурс: режим доступа <https://www.iucn.org/sites/dev/files/malama-honua-en.pdf>
19. *Yatra aur Tammanah*. ICOMOS & IUCN. 2016. Электронный ресурс: режим доступа https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Working_Groups/SDG/ICOMOS-IUCN_2017_Culture_Nature_Journey-Yatra_aur_Tammanah.pdf

**INTERNATIONAL INITIATIVES OF BRIDGING THE SEPARATION BETWEEN
NATURE AND CULTURE IN CULTURAL LANDSCAPES
MANAGEMENT AND CONSERVATION**

A. Gainutdinova
gauri.gan@gmail.com

ICOMOS Russia representative in the EPWG International
(ICOMOS Emerging Professionals Working Group)
Moscow, Russian Federation

Abstract. *The article provides an overview of the most prominent initiatives aimed at overcoming of the separation between Nature in Culture and opposition between values they represent in the theory and practice of conservation and studying of complex heritage, the significance of which is stemming from the interaction of nature and culture. The paper traces back the origins of this separation and the significant steps in the evolution of the approach to understanding, conservation and management of cultural landscapes since they were introduced in the 1972 Convention as a special category for inscription on the World Heritage List. The observed initiatives are presented in chronological order of their conduction. The article outlines the interconnections between them as well as how the evolution of research methods and approaches to the heritage conservation and management was developed in course of their deployment.*

Гайнутдинова А.Р. Преодоление разобщения ценностей природы и культуры...

Keywords: *cultural landscape, natural and cultural heritage values, joint initiatives, interconnectedness of nature and culture.*

For citation: Gainutdinova A. International initiatives of bridging the separation between nature and culture in cultural landscapes management and conservation. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(4):18–33.

Сведения об авторе

Гайнутдинова Анна Рифкатовна, представитель Национального комитета ИКОМОС в международной рабочей группе начинающих профессионалов ИКОМОС, Москва, Российская Федерация.
Email: gauri.gan@gmail.com

Author of the publication

Anna Gainutdinova, ICOMOS Russia representative in the EPWG International (ICOMOS Emerging Professionals Working Group), Moscow, Russian Federation.
Email: gauri.gan@gmail.com

Дата поступления 10.11.2020

Принята к публикации 28.11.2020

РОЛЬ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Г.А. Исаченко*, Т.Е. Исаченко**

*greg.isachenko@gmail.com, **tatiana.isachenko@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Сеть особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Санкт-Петербурга в 2020 г. включала 8 природных заказников и 7 памятников природы регионального уровня, общей площадью 6143 га, или 4,3% территории города. Почти все городские ООПТ несут на себе следы антропогенных воздействий различной давности, и поэтому их ландшафты можно рассматривать как культурные. В пределах ООПТ Санкт-Петербурга сохраняется немало памятников истории и культуры XVIII–XX вв., относимых к объектам наследия. В статье ООПТ Санкт-Петербурга рассматриваются: 1) как ландшафты, сохраняющие результаты деятельности человека разных эпох, включая объекты культурного наследия; 2) как формирующиеся особые культурные ландшафты мегаполиса. Дан анализ вклада деятельности человека в современные ландшафты ООПТ, охарактеризована ассоциативная ценность культурных ландшафтов. Обсуждаются сложности создания новых ООПТ, противоречия между задачами сохранения природного и культурного наследия в управлении ООПТ. Обосновывается, что ООПТ Санкт-Петербурга приобретают все большую известность не только как места «традиционного» кратковременного отдыха, но и как локации для новых видов активности, связанной, в частности, с прогулками по экологическим тропам. О возрастающей популярности ООПТ свидетельствует частота их упоминаний в Интернете.*

Ключевые слова: *особо охраняемые природные территории, культурный ландшафт, Санкт-Петербург, рекреация, природное и культурное наследие.*

Для цитирования: Исаченко Г.А., Исаченко Т.Е. Роль особо охраняемых природных территорий в формировании культурных ландшафтов Санкт-Петербурга. *Наследие и современность.* 2020;3(4):34–51.

Благодарности: исследования выполнены при финансовой поддержке грантов Российского фонда фундаментальных исследований № 19-05-01003 и 19-05-00088.

Введение

Создание особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в крупных городах – своего рода спутник стремительно прогрессирующей глобальной урбанизации; первые из них появились ещё в последней трети XIX в. [1]. В России первые городские ООПТ были созданы во второй половине XX в., и в настоящее время их насчитывается около 1050, что составляет 5,5% всех ООПТ Российской Федерации. ООПТ созданы во всех городах с населением более 1 млн чел. По числу ООПТ лидирует Москва (124), а по доле занимаемой городской площади – Екатеринбург (17,3%) [2; 3].

Хотя первые ООПТ в городах-миллионерах были учреждены ещё в годы существования СССР, формирование сетей особо охраняемых природных территорий в мегаполисах пришлось на постсоветский период. Не составляет исключения и Санкт-Петербург. Первая ООПТ здесь была организована в 1990 г., а в 2020 г. в городе функционировало 8 природных заказников и 7 памятников природы регионального уровня, общей площадью 6143 га, или 4,3% территории субъекта Федерации (рис. 1). Все они находятся в ведении Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности и ГКУ «Дирекция особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга».

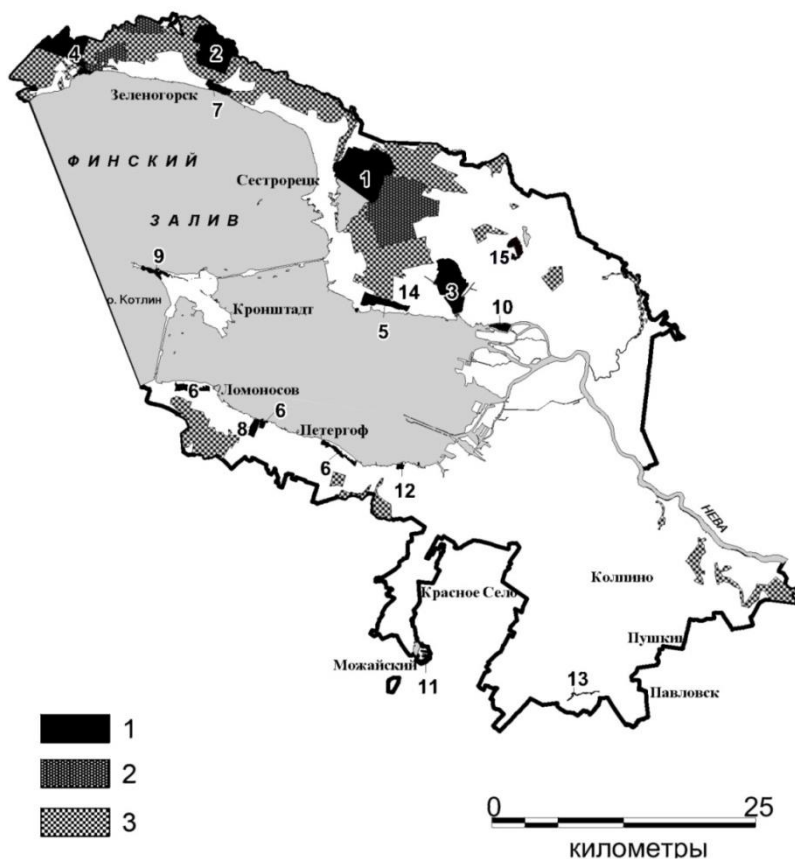

Рис. 1. Существующие и перспективные особо охраняемые природные территории Санкт-Петербурга

Условные обозначения: 1 – утверждённые к 2020 г. ООПТ (1 – «Сестрорецкое болото», 2 – «Озеро Щучье», 3 – «Юнтоловский», 4 – «Гладышевский», 5 – «Северное побережье Невской губы», 6 – «Южное побережье Невской губы», 7 – «Комаровский берег», 8 – «Парк Сергиевка», 9 – «Западный Котлин», 10 – «Елагин остров», 11 – «Дудергофские высоты», 12 – «Стрельнинский берег», 13 – «Долина реки Поповки», 14 – «Петровский пруд», 15 – «Новоорловский»); 2 – ООПТ, прошедшие комплексное обследование и находящиеся на разных стадиях организации; 3 – перспективные ООПТ в соответствии с законом Санкт-Петербурга 2014 г. «О перечне участков территорий, в отношении которых предполагается провести комплексные экологические обследования».

Функции ООПТ в крупнейших городах частично совпадают с таковыми для классических ООПТ (например, заповедников) в удалённых от очагов урбанизации районах: это сохранение эталонных участков природных ландшафтов, поддержание биологического разнообразия, охрана местообитаний и популяций редких видов растений, животных и других живых организмов. ООПТ в городах составляют важнейшую часть их «экологического каркаса», необходимого для поддержания качества городской среды. Кроме того (и в этом существенное отличие от заповедников), городские ООПТ выполняют рекреационные функции: изоляция жителей мегаполисов от сохранившихся «островков природы» в городах невозможна и негуманна. Рекреационная функция ООПТ в большинстве случаев входит в противоречие с природоохранной, и поиск компромисса в этом противоречии – одна из важнейших задач в управлении городскими ООПТ.

Ландшафты городов, в особенности крупнейших, даже если они не застроены и покрыты естественной растительностью, всегда несут на себе отпечаток различных антропогенных воздействий: сельскохозяйственного использования, осушения, изменения стока водотоков, рубок леса, пожаров, посадок растений-интродуцентов и др. К специфичным для территории Санкт-Петербурга антропогенным воздействиям относятся торфоразработки, активно проводившиеся вплоть до 1970-х гг., и создание искусственных намывных территорий из грунтов, добываемых со дна Финского залива, осуществляемое с последней трети XX в. до настоящего времени [4]. Поэтому сохранение в городской черте участков ландшафтов, не затронутых действиями человека – большая редкость. К таким на территории Петербурга можно отнести некоторые торфяники (болота), не подвергавшиеся осушению и торфоразработкам. Почти все городские ООПТ несут на себе следы антропогенных воздействий различной давности, и поэтому их ландшафты можно отнести к культурным в самом широком понимании этого термина. Более того, ландшафты некоторых ООПТ целенаправленно создавались как культурные: это в первую очередь относится к парковым ансамблям. В пределах ООПТ Санкт-Петербурга сохраняется немало памятников истории и культуры XVIII–XX вв., относимых к объектам наследия. Наличие таких памятников повышает привлекательность ООПТ и превращает их посещение не только во «встречу с природой».

В настоящей статье ООПТ Санкт-Петербурга рассматриваются в двух аспектах: 1) как ландшафты, сохраняющие результаты деятельности человека разных эпох, включая объекты культурного наследия; 2) как формирующиеся особые культурные ландшафты мегаполиса.

Особо охраняемые природные территории Санкт-Петербурга: вклад деятельности человека и культурное наследие

Природные особенности ООПТ Петербурга хорошо изучены. Разнообразие ландшафтов, растительности, сосудистых растений, мохообразных, лишайников, млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и земноводных по восьми ООПТ детально представлено в серии монографий, содержащих крупномасштабные тематические карты [5–12]. Двенадцать ООПТ детально охарактеризованы в Атласе ООПТ Санкт-Петербурга [13]. Объекты культурного наследия в пределах городских ООПТ до сих пор не служили предметом специального рассмотрения. Основные результаты деятельности человека на этих городских территориях за более чем 300-летний период существования Санкт-Петербурга представлены в таблице.

Таблица

Вклад деятельности человека в формирование ландшафтов ООПТ Санкт-Петербурга

Название ООПТ, статус	Площадь, га	Результаты деятельности человека	Памятники истории и культуры
ГПЗ «Сестрорецкое болото»	1877	Искусственное озеро Сестрорецкий Разлив, песчаные карьеры (ныне водоёмы), окопы времен Второй мировой войны на дюнных грядах, разрабатываемое месторождение гиттии (лечебной грязи), участки осушённых болот	–
ГПЗ «Озеро Щучье»	1157	Осушенные болота (торфяники) и леса с сетью канав, бывшие сельскохозяйственные угодья (в том числе на торфяниках), бывшие торфоразработки, оборонительные сооружения XX в., рекреационные объекты (дачи, базы отдыха)	Оборонительная линия Хауки-ярви, сооружённая финнами в 1939 г. накануне «Зимней войны» 1939–1940 гг.
ГПЗ «Юнтоловский»	976.8	Осушённые в разной степени торфяники (с середины XIX в.) с сетью каналов и канав, бывшие торфоразработки (с начала XX в.), бывшие сельскохозяйственные угодья, изменённая береговая линия и увеличенная глубина Лахтинского разлива, канализированные реки, участки намывных и насыпных грунтов	–
ГПЗ «Гладышевский»	765	Фундаменты финских поселений (возникли не позже XIV в.) с бывшими сельскохозяйственными угодьями и плодовыми садами, посадки лиственницы сибирской (XIX–XX вв.), осушенные болота и леса, оборонительные сооружения XX в., рекреационные объекты (детские лагеря, санаторий, дачи), коллективные садоводства, военные объекты, песчаные карьеры, насыпи и дамбы	Оборонительная линия «VT», сооружённая финнами в 1941–1944 гг.
ГПЗ «Северное побережье Невской губы»	330	Осушённые леса с сетью канав, остатки парка XVIII в. с сетью каналов, дубами и липами 200–300-летнего возраста, посадки деревьев-интродуцентов, искусственные водоёмы, дорожно-тропиночная сеть лесопарка XX в.	Парк «Ближние Дубки» (начало XVIII в.)
ГПЗ «Южное побережье Невской губы»	266	Дворцово-парковые ансамбли XVIII–XIX вв., бывшие сельскохозяйственные угодья, насаждения дуба 200-летнего возраста, участки намывных и насыпных грунтов, дамбы	Дворцово-парковый ансамбль «Собственная дача» (XVIII–XIX вв.), нижний парк дворцово-паркового ансамбля «Знаменка» (XIX в.)

Окончание таблицы

ПП «Комаровский берег»	180	Осушённые болота и леса с сетью канав, бывшие сельскохозяйственные угодья, остатки парков XX в. с каскадом прудов, рекреационные объекты (дачи, рестораны-мотели)	Парк «Виллы Рено» с каскадом прудов (XX в.)
ГПЗ «Новоорловский»	138.3	Осушённые леса с сетью канав, бывшие сельскохозяйственные угодья, дорожно-тропиночная сеть лесопарка XX в., остатки плотины на р. Каменка	–
ПП «Парк Сергиевка»	120	Дворцово-парковый ансамбль XIX в. с каскадами искусственных прудов и насыпными горками, посадки деревьев и кустарников-интродуцентов, осушенные леса с сетью канав	Дворцово-парковый ансамбль XIX в. «Сергиевка» (Лейхтенбергских)
ГПЗ «Западный Котлин»	102	Оборонительные сооружения XVIII–XX вв., насыпи, дамбы, искусственные водоёмы, коллективные садоводства, рекреационные объекты (спортивный лагерь)	Оборонительный форт Шанец (XVIII–XIX вв.) – часть системы укреплений Кронштадта
ПП «Елагин остров»	96.8	Дворцово-парковый ансамбль XVIII–XX вв. с системой искусственных прудов, каналов, береговых валов, многочисленными посадками интродуцентов	Дворцово-парковый ансамбль XVIII–XX вв. «Елагин остров»
ПП «Дудергофские высоты»	65	Остатки парка XIX в. с посадками деревьев-интродуцентов, подпорными стенками и искусственным прудом; оборонительные сооружения (окопы, траншеи и пр.) периода Второй мировой войны, заброшенное кладбище, известняковые и песчаные карьеры, спортивная площадка, бывшие горнолыжные трассы	Пейзажный парк «Нагорное» XIX в.
ПП «Стрельнинский берег»	40	Бывшие сельскохозяйственные угодья (в т.ч. огороды), осушительная сеть, капитальное строение XXI в.	–
ПП «Долина реки Поповки»	25.7	Используемые и бывшие сельскохозяйственные угодья (в т.ч. огороды), известняковый карьер	–
ПП «Петровский пруд»	3.1	Искусственный водоём с насыпными валами, бывшие сельскохозяйственные угодья	Петровский пруд – водоём на месте извлеченного «Гром-камня» (1769 г.), использованного для постаменты памятнику Петру I на Сенатской площади

*Примечание: ГПЗ – государственный природный заказник регионального значения, ПП – памятник природы регионального значения.

Как следует из таблицы, каждая из 15 ООПТ Санкт-Петербурга несет следы деятельности человека, причём на большинстве территорий эта деятельность началась не позже основания города, а на некоторых – и значительно раньше. Все ООПТ испытали различные по характеру, интенсивности и длительности воздействия, и эти воздействия нередко «накладывались» друг на друга, например, осушение заболоченных земель (в том числе торфяников) и их использование в качестве сельскохозяйственных угодий.

Из всех городских ООПТ критериям культурного ландшафта в любой трактовке этого понятия в наибольшей степени соответствует «Елагин остров». Это дворцово-парковый ансамбль, целенаправленно формировавшийся в течение двух столетий как «идеальный ландшафт» (особенно в период принадлежности его императорской фамилии) и превращённый в советский период (с 1932 г.) в Центральный парк культуры и отдыха, с музеефикацией Елагина дворца и парковых

павильонов (архитектор К. Росси) и уходом за насаждениями. Здесь естественная растительность, свойственная южно-таёжной подзоне тайги Восточной Европы, сохранилась в наименьшей степени, и наиболее велико разнообразие флоры интродуцентов: из 61 вида произрастающих деревьев интродуцировано 43 вида [13].

В этом же ряду ООПТ выделяются дворцово-парковые ансамбли Петергофской дороги, входящие в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это памятник природы «Парк Сергиевка» и «Собственная дача» – один из кластерных участков заказника «Южное побережье Невской губы». Здесь сохранность архитектурных сооружений и парковых насаждений существенно ниже, поскольку обе территории находились вблизи линии фронта во время Второй мировой войны и подверглись сильным разрушениям. В «Сергиевке» отреставрирован дворец в стиле античной виллы, построенный А.И. Штакеншнейдером, в «Собственной даче» – дворец (архитекторы Ю.М. Фельтен и А.И. Штакеншнейдер) и церковь Троицы, также построенная по проекту А.И. Штакеншнейдера. Значительная часть парковых павильонов обоих парков были полностью уничтожены во время войны либо пребывают в руинированном состоянии [14].

Специфичны унаследованные культурные ландшафты ООПТ, находящихся в южной части Карельского перешейка, которая до 1940 г. входила в состав Финляндии (ныне Курортный район Санкт-Петербурга): заказники «Гладышевский» и «Озеро Щучье» и памятник природы «Комаровский берег». Здесь сохранились следы поселений, исчезнувших к середине XX в. – фундаменты домов и хозяйственных построек, сложенные обычно из валунов и отёсанных гранитных блоков. Вокруг них располагаются бывшие сельскохозяйственные угодья (в основном сенокосы); местами сохранились остатки садов. Луга, не используемые по прямому назначению, неизбежно зарастают лесом в течение 30–50 лет либо заболачиваются, что в целом уменьшает пейзажное разнообразие территории и может приводить к исчезновению популяций ряда растений и животных, в том числе редких и охраняемых. Произрастающие в пределах многих ООПТ леса 30–50-летнего возраста с преобладанием мелколиственных пород (берёзы, осины, серой ольхи) уже ничем не напоминают о существовавших на их месте лугах и полянах. В таких лесах нередко происходит внедрение ели, что, в конечном счёте, ведёт к формированию древостоев, свойственных южной тайге.

Еще одна особенность ландшафтов ООПТ южной части Карельского перешейка – присутствие здесь довольно многочисленных оборонительных сооружений, напоминающих о войнах середины XX в. Они хорошо выражены в ландшафте благодаря протяжённым глубоким рвам, насыпным валам высотой до 3 м, рядам железобетонных «ежей», остаткам взорванных дзотов и т.д.

Наиболее «милитаризованный» культурный ландшафт представлен в заказнике «Западный Котлин», который занимает западную (незастроенную) часть одноименного острова. Здесь хорошо сохранился один из фортов системы укреплений Кронштадта – Шанец (Александр-Шанец), сооружение которого началось ещё в 1706 г.

Наименее изменённая человеком ООПТ – наибольший по площади среди городских резерватов заказник «Сестрорецкое болото», занимающий около 19 км². Основной болотный массив в силу разных причин никогда не подвергался осушению и торфоразработкам, и здесь сохранились все основные зональные типы болот: верховые грядово-мочажинные, грядово-озерковые и бугристые, переходные и низинные. Тем не менее, на периферии ООПТ имеются участки со следами воздействий человека, например, бывшие песчаные карьеры, используемые сейчас в качестве водоёмов для купания.

Другой крупный болотный массив (Лахтинское болото) охраняется в заказнике «Юнтоловский» – первой по времени создания ООПТ Петербурга (1990 г.). В отличие от Сестрорецкого болота, Лахтинский торфяник испытал несколько этапов осушительных работ, начиная с 1850-х гг.: об этом свидетельствуют многочисленные дренажные каналы, иногда имеющие вид каналов. Значительная часть массива подверглась торфоразработкам с использованием разных способов добычи: гидроторф, экскаваторный, фрезерный. Однако из-за расположения болотного массива почти на уровне моря (рядом с Лахтинским разливом – бывшим лиманом Финского залива) эффект всех осушительных работ оказался ничтожным. Ныне в основном покрытая лесом территория – одна из самых труднодоступных из-за высокой обводнённой бóльшую часть года.

Культурные ландшафты можно рассматривать не только в аспекте их материальной составляющей, но и как объекты, имеющие ассоциативную ценность, отражающую связи с историческими событиями, выдающимися личностями, их творчеством (например, литературными или музыкальными произведениями), с общественными идеалами и культурными традициями [15, с. 44]. Такой ассоциативной ценностью обладают и многие ландшафты ООПТ Санкт-Петербурга.

Пожалуй, самый яркий пример – памятник природы «Петровский пруд», занимающий площадь всего 3 га. Он был учреждён в 2011 г. «в память» о событии почти 250-летней давности – находке крестьянином С. Вишняковым огромного гранитного валуна (первоначальная масса около 1800 т) и последующим его извлечением и транспортировкой к берегу Финского залива и далее по воде на Исаакиевскую пристань в Петербурге. Все работы заняли более года (1769–1770 гг.). «Гром-камень» был использован в качестве пьедестала памятника Петру I работы скульптора Э. Фальконе – знаменитого Медного всадника,

воспетого более через полвека А.С. Пушкиным. Оставшийся на месте извлечённого валуна котлован в течение нескольких лет заполнился водой и в следующем столетии получил название Петровского пруда. Современный Петровский пруд, удалённый от проезжих дорог, окружённый зарослями кустарников и ставший излюбленным местом размножения земноводных (рис. 2), далеко не у всех вызывает ассоциации с «Медным всадником» (как памятником на нынешней площади Декабристов, так и пушкинской поэмой). Тем не менее, появление этой мини-ООПТ – исключительно «заслуга» событий далёкого прошлого.

Рис. 2. Петровский пруд. Фото В.Н. Храмцова

Довольно обширный ассоциативный ряд связан с уникальным памятником природы «Дудергофские высоты», находящимся на юго-западных границах Санкт-Петербурга. Это так называемая гляциодислокация: массив коренных пород кембрия и ордовика (отторженец), захваченный напоздающим валдайским ледником и переотложенный на значительном расстоянии от места первоначального залегания. Необычное происхождение ярко проявляется в облике высот: здесь расположена высшая точка Петербурга (176 м над уровнем моря), относительные высоты достигают 65 м, а крутизна склонов (до 35°) делает холмы похожими на горы, как их часто именовали в прошлые столетия. С 1765 г. вблизи Дудергофских высот начали проводить военные манёвры, в связи с чем здесь побывала Екатерина II. Вслед за императрицей посещение Дудергофа стало популярным у просвещённой публики конца XVIII в. Например, в 1792 г. «ботанический пикник» на Дудергофских горах устроили граф А.А. Кушелев-Безбородко, естествоиспытатель Бибер и «человек многих талантов» Н.А. Львов, который оставил об этом происшествии свои записки в стихах и прозе [16].

Благоприятный микроклимат и плодородные дерново-карбонатные почвы способствуют произрастанию на Дудергофских высотах широколиственных древесных пород и их спутников – неморальных травянистых растений. Интерес к ботанике отличал супругу Николая I императрицу Александру Фёдоровну, по инициативе которой здесь был устроен пейзажный парк с посадкой экзотических древесных пород (включая бук), сооружением Швейцарского и Молочного домиков, созданием гротов и пруда в глубокой лощине.

С конца XVIII до начала XX в. вблизи Дудергофских высот располагалось Военное поле – территория для проведения манёвров различных родов войск. В XIX в. скачки на устроенном здесь ипподроме (давшем название железнодорожной платформе «Скачки») собирали летом весь цвет петербургского общества: эта сторона столичной жизни описана Л. Толстым в «Анне Карениной».

Заказник «Северное побережье Невской губы» примечателен многочисленными старыми раскидистыми дубами, которые были в начале XVIII в. насажены в загородной усадьбе Петра I «Ближние Дубки», а потом распространились по побережью Финского залива. Пейзажи с дубами послужили темой картин и рисунков молодого И.И. Шишкина, за одну из них – «Вид окрестностей из Петербурга, или пейзаж на Лисьем Носу» – художник получил академическую награду.

Памятник природы «Комаровский берег» – одна из наиболее посещаемых ООПТ, в основном благодаря легкой доступности (железнодорожная платформа Комарово, Приморское шоссе) и побережью Финского залива с песчаным пляжем, дюнами и кряжистыми соснами. В пределах этой ООПТ сохранились остатки парка бывшей «Виллы Рено» – одной из дач, построенных вблизи побережья Финского залива после сооружения железной дороги Петербург-Выборг-Риихимяки (1870 г.). После обретения Финляндией независимости на вилле был открыт пансионат, где, в частности, отдыхал нобелевский лауреат И.П. Павлов с семьёй. В послевоенный период постройки «Виллы Рено», принадлежавшей военному ведомству, пришли в запустение. Выход в свет в 2003 г. романа петербургской писательницы Н. Галкиной «Вилла Рено» [17], где один из полноправных персонажей – ландшафт побережья Финского залива и «дремучий» еловый лес, в начале XX в. называвшийся Захаровским, существенно повысил ассоциативную ценность этой территории.

ООПТ Санкт-Петербурга и формирование новых культурных ландшафтов

Формирование сети ООПТ в крупном городе – однонаправленный процесс: с учётом перспектив развития сети особо охраняемых природных территорий, их роль в жизни Санкт-Петербурга в ближай-

шие десятилетия будет непрерывно возрастать. Эти перспективы определены действующим Генеральным планом развития Санкт-Петербурга (на период до 2025 г.) и законом Санкт-Петербурга № 421-83 «О перечне участков территорий, в отношении которых проводятся комплексные экологические обследования, обосновывающие придание этим территориям правового статуса особо охраняемых природных территорий регионального значения в Санкт-Петербурге», принятым в 2014 г. В случае реализации Генерального плана и закона 2014 г. площадь ООПТ может достигнуть около 20% городской территории. Однако не все предусмотренные в законе участки после проведения комплексного экологического обследования получают положительные заключения специалистов по созданию здесь ООПТ: в особенности это касается участков долин небольших рек, которые далеко не всегда выполняют функции «экологических коридоров».

Кроме того, процесс утверждения уже обследованных ООПТ, имеющих несомненную природоохранную ценность, нередко затягивается на многие годы, поскольку вступает в конфликт с интересами других землепользователей и инвесторов в строительство промышленных предприятий, жилья, крупных коммуникаций и другие виды потенциального использования территории.

Так, наиболее крупная из проектируемых ООПТ «Левашовский лес» (площадь около 30 км²), расположенная в Приморском и Курортном районах Петербурга, была обследована специалистами Ботанического и Зоологического институтов РАН и Санкт-Петербургского университета еще в 2009–2010 гг. Результаты обследования показали, что эта территория включает крупный нефрагментированный массив таежных лесов и болот разного типа и представляет собой уникальный для Санкт-Петербурга природный комплекс, имеющий высокую научно-познавательную, образовательную, эстетическую и рекреационную ценность, а также исключительное значение для сохранения биологического разнообразия [18]. Однако утверждение «Левашовского леса» в качестве ООПТ затянулось более чем на 10 лет и до сих пор не завершено. За это время территорию перерезала скоростная автомагистраль «Западный скоростной диаметр» (ЗСД), что существенно нарушило целостность природных комплексов, в частности расположенного здесь малонарушенного торфяника Марково болото. В полосе воздействия ЗСД шириной в десятки метров происходит массовая гибель древостоя. Кроме того, значительные участки территории, планируемой для создания ООПТ, были отведены под строительство промышленных предприятий и складов; в последнем десятилетии здесь был построен завод по сборке автомобилей *Hyundai* и его вспомогательные производства.

Затяжной характер имеет создание новых ООПТ и на территории Курортного района Санкт-Петербурга, где приоритетная функция развития территории – рекреационная, и исключено строительство новых промышленных предприятий. Так, до сих пор не утверждены прошедшие экологическое обследование и получившие положительные заключения Государственной экологической экспертизы ООПТ «Береговой уступ «Серово»» и «Пухтолова гора», создание которых затрагивает интересы инвесторов, заинтересованных в расширении крупных рекреационных комплексов.

Управление существующими ООПТ, осуществляемое Дирекцией ООПТ Санкт-Петербурга, подразумевает не только поддержание природоохранной и рекреационной функций заказников и памятников природы, но и сохранение объектов истории и культуры, многие из которых привлекают значительную часть посетителей. За последние 15 лет наиболее значительный комплекс работ в этом направлении был проведен на ООПТ «Комаровский берег» и «Дудергофские высоты». На «Комаровском берегу» проведена расчистка парка бывшей «Виллы Рено», реконструирован каскад прудов на Литориновом уступе, расчищен нижний пруд с островком (рис. 3). На Дудергофских высотах очищен пруд в Театральной долине, устроены лестницы на крутых спусках, оборудован источник, расчищен и законсервирован фундамент Швейцарского домика на вершине Ореховой (Дудергофской) горы.

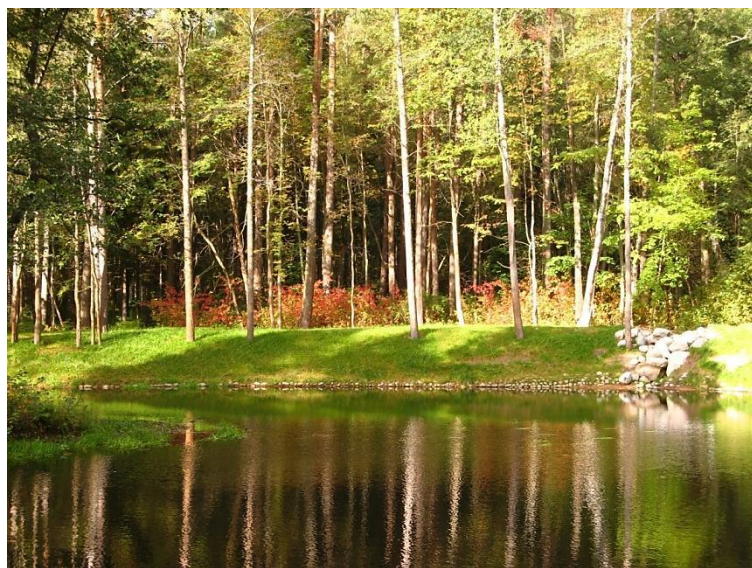

Рис. 3. Реконструированный пруд бывшей «Виллы Рено» на ООПТ «Комаровский берег». Фото Г.А. Исаченко

В заказнике «Северное побережье Невской губы» в 2019 г. начались работы по прочистке бывшего парка «Ближние Дубки» от многочисленного подроста и молодых мелколиственных деревьев, проводится лечение некоторых старых дубов.

В некоторых случаях принятый для ООПТ «консервационный» подход к управлению приходит в противоречие с задачами сохранения культурного наследия. Например, на Дудергофских высотах при создании пейзажного парка в XIX в. был частично вырублен лес и созданы ландшафтные поляны и видовые точки, откуда открывались панорамы долины реки Дудергофки с озёрами, близлежащих Кирхгофских высот с лютеранской кирхой, южной и центральной части Петербурга. За годы войны лес на Дудергофских высотах, превращённых гитлеровскими войсками в мощный узел обороны, был сильно вырублен. В послевоенные десятилетия здесь происходило активное лесовозобновление, в особенности широколиственных пород (ясень, клен, липа, вяз). Многие поляны сильно заросли, ухудшились возможности панорамного обзора с вершин холмов и в целом эстетические свойства ландшафтов. Однако мероприятия по расчистке зарастающих полян и панорамных точек от молодняка и подроста деревьев (в основном мелколиственных пород) и кустарников не входят в приоритетные задачи обустройства ООПТ, в отличие, например от посадки деревьев на бывших горнолыжных трассах.

На Елагином острове, который, будучи памятником природы, управляется как Центральный парк культуры и отдыха имени С.М. Кирова, уход за парком в последние годы включает регулярное (несколько раз в течение вегетационного сезона) скашивание травянистой растительности «под английский газон». Это препятствует сохранению многих видов травянистых растений (в частности, злаков) и существенно обедняет видовой состав лугов, в особенности самого знаменитого Масляного луга, не говоря уже об ухудшении его эстетических качеств [8]. В отличие от Дудергофских высот, природоохранные задачи (в том числе сохранение биологического разнообразия), не являются приоритетными в управлении этим культурным ландшафтом.

За 30 лет формирования природоохранной сети Санкт-Петербурга роль ООПТ в жизни города стала заметной. Этому во многом способствовало оборудование на ООПТ экологических маршрутов или троп. Первая из них была открыта в 2014 г. на территории памятника природы «Комаровский берег». Тропа предполагает два варианта маршрута – длинный (около 3 км) и короткий (1,5 км). Маршрут на значительном протяжении проходит по деревянному настилу, что делает возможным ходьбу почти в любой обуви и предохраняет напочвенный покров елового таежного леса от вытаптывания. Вдоль тропы установлены стенды с информацией о природных и исторических достопримечательностях ООПТ, скамейки, беседка для отдыха. Экотропа по «Комаровскому берегу» быстро приобрела популярность среди жителей Санкт-Петербурга.

За последние 5 лет были оборудованы экологические тропы на Дудергофских высотах и в заказнике «Западный Котлин», начато сооружение экологического маршрута в заказнике «Северное побережье Невской губы». Но наибольшую известность приобрела экологическая тропа в заказнике «Сестрорецкое болото», значительная часть которой проходит по деревянному настилу по открытым (безлесным) участкам верховых и переходных торфяников (рис. 4). Для многих жителей мегаполиса эта тропа – единственная возможность увидеть настоящее болото, не надевая резиновых сапог и не преодолевая самых различных препятствий. Тропа, оборудованная несколькими площадками-террасами, посещается ежедневно сотнями людей, стала одним из культовых мест Петербурга, освещается в социальных сетях и блогах, выбирается в качестве места для фотосессий и т.п.

Создание экологических троп для многих ООПТ – лучший способ регулирования рекреационных потоков. Однако на территориях с высокой проходимостью (например, с преобладанием песчаных равнин с сухими сосновыми борами) посетители не будут сосредотачиваться на определенных маршрутах. Примером такой ООПТ служит заказник «Озеро Щучье», где наиболее высока концентрация отдыхающих на берегах двух озер – Щучье и Большое Дружинное (Чертово).

Рис. 4. Экологический маршрут в заказнике «Сестрорецкое болото»
Фото Г.А. Исаченко

После создания ООПТ «Озеро Щучье» в 2011 г. был закрыт доступ автомобилей к побережью озера (за исключением проезда к базам отдыха и частным владениям); расстояние от ближайшей к озеру перехватывающей стоянки составляет более 1 км. В первые годы после

введения ограничительных мер поток рекреантов заметно снизился, но уже в 2018 г. пиковые (июльские) рекреационные нагрузки превысили нагрузки, фиксировавшиеся в 2008 г. (до создания ООПТ). Теперь отдыхающие добираются до берега озера пешком и на велосипедах. Однако результаты обследования 2019 г. показали значительное улучшение состояния природных комплексов (в первую очередь напочвенного покрова лесов), обусловленное установлением режима ООПТ, несмотря на возрастание числа рекреантов [19]. Этому способствуют такие управленческие решения, как исключение доступа автомобилей к побережьям озёр, запрет разведения костров и мангалов, обустройство мест отдыха на наиболее посещаемых участках, сбор мусора в контейнеры и регулярный его вывоз.

По нашим наблюдениям, на наиболее посещаемых ООПТ после введения природоохранных ограничений изменился качественный состав посетителей. Отсутствие возможности проехать 1–2 км на автомобиле к берегу Финского залива или озера для устройства пикника (и привезти соответствующее количество продуктов и напитков) резко снизили количество оставляемого мусора и иных следов «стихийной» рекреации. Люди, которые ходят по ООПТ пешком либо ездят на велосипедах, как правило, обладают большей «экологической ответственностью»: проявляют больше интереса к информации об ООПТ, размещенной на экологических маршрутах и отдельных стендах, не разводят костров, убирают за собой мусор и т. п. Представители именно этой категории участвуют в волонтерских мероприятиях по обустройству территории, регулярно проводимых Дирекцией ООПТ Санкт-Петербурга.

В последние годы ООПТ Санкт-Петербурга приобретают все большую известность не только как места «традиционного» кратковременного отдыха (купание, загорание, пикники и т. п.), но и как локации для новых видов активности, связанной, в частности, с прогулками по экологическим тропам и проводимыми на ряде ООПТ экскурсиями, в том числе орнитологическими. О возрастании популярности ООПТ свидетельствует частота их упоминаний в Интернете, обсуждений на различных форумах, размещение в сети многочисленных фотографий и видеосюжетов. Пандемия коронавируса, которая с марта 2020 г. исключила возможность поездок в зарубежные страны и, отчасти, «дальних» путешествий по России, в немалой степени способствовала увеличению потока рекреантов на городские ООПТ и тем самым увеличению информированности жителей города об этом аспекте городской жизни. Таким образом, можно говорить об ООПТ Санкт-Петербурга как о культурных ландшафтах с формирующимися новыми смыслами и функциями.

О возрастании роли ООПТ в функционировании города свидетельствует то, что названия ООПТ стали использовать в рекламе жилья – как подтверждение экологической привлекательности новых

жилых районов. Такими брендами, в частности, стали заказники «Юнтоловский» и «Новоорловский» – эти названия нередко встречаются как в «материальной», так и в виртуальной рекламе. Территории по соседству с этими ООПТ не считались раньше привлекательными и представляли собой заброшенные торфоразработки, промышленно-складские зоны, заросшие участки намывных грунтов и песчаные карьеры. Ныне оба заказника оказываются почти полностью окруженными новыми жилыми районами (в том числе на участках намыва) с преобладанием дорогого жилья. Например, рядом с заказником «Юнтоловский» (представляющим собой в разной степени осушенное и сильно обводненное болото) возведен коттеджный комплекс «Новый Версаль» с домами в стиле барокко. Неподдалеку завершается сооружение башни Газпрома – самого высокого здания в Санкт-Петербурге (462 м). Обладание квартирой или коттеджем рядом с природным заказником теперь не только признак качества городской среды, но и предмет престижа.

Заключение

Роль особо охраняемых природных территорий в организации пространства Санкт-Петербурга непрерывно увеличивается, и ООПТ все более становятся факторами формирования городской среды и новых культурных ландшафтов. Благодаря не только природной ценности ООПТ, но и насыщенности многих из них проявлениями деятельности человека (включая объекты культурного наследия), эти территории с прилегающим к ним окружением обретают новые смыслы и значимость среди горожан.

Жители мегаполиса, ощутив значение ООПТ для улучшения качества собственной жизни, все активнее выступают в поддержку создания ООПТ и сохранения их природного и культурного наследия. Возрастает давление экологически мыслящей общественности на принятие властями города управленческих решений в случае возникающих конфликтов природопользования: это давление становится «противовесом» интересам различного рода застройщиков участков, предназначенных для создания ООПТ. Таким образом, жителями города осознаётся всё возрастающее значение особо охраняемых территорий, что вселяет надежды на гармонизацию дальнейшего развития городского пространства.

Литература

1. *Trzyzna T., et al.* Urban Protected Areas: Profiles and best practice guidelines. 2014. (<https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PAG-022.pdf>)
2. *Парамонова Н.* Природа в городе. ООПТ в городах: проблемы и перспективы // Экология и право. 2019. № 75. С. 7–9.
3. *Шатрова А.И.* Особо охраняемые природные территории в крупнейших городах РФ // Антропогенная трансформация природной среды. 2018. С. 113–116. (vk.com/doc20727454_480548864?hash=59c0a18ed476bfb58&dl=0459cbcc59cc5e8f03)
4. *Исаченко Г.А., Резников А.И.* Ландшафты Санкт-Петербурга: эволюция, динамика, разнообразие // Биосфера. 2014. Т. 6. № 3. С. 231–249.
5. Дудергофские высоты – комплексный памятник природы /Ред. Е.А. Волкова, Г.А. Исаченко, В.Н. Храмцов. СПб., 2006. 141 с.
6. Комаровский берег – комплексный памятник природы /Ред. Е.А. Волкова, Г.А. Исаченко, В.Н. Храмцов. СПб., 2004 (2-е изд.). 92 с.
7. Парк «Сергиевка» – комплексный памятник природы / Ред. Д.Ю. Власов. СПб., 2005. 144 с.
8. Природа Елагина острова /Ред. Е.А. Волкова, Г.А. Исаченко, В.Н. Храмцов. СПб., 2007. 108 с.
9. Природа заказника «Озеро Щучье» /Ред. Е.А. Волкова, Г.А. Исаченко, В.Н. Храмцов. СПб., 2017. 188 с.
10. Природа Сестрорецкой низины /Ред. Е.А. Волкова, Г.А. Исаченко, В.Н. Храмцов. СПб., 2011. 264 с.
11. Стрельнинский берег – комплексный памятник природы /Ред. Е.А. Волкова, Г.А. Исаченко, В.Н. Храмцов. СПб., 2005. 56 с.
12. Юнтоловский региональный комплексный заказник /Ред. Е.А. Волкова, Г.А. Исаченко, В.Н. Храмцов. СПб., 2005. 202 с.
13. Атлас особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга / Отв. ред. В.Н. Храмцов, Т.В. Ковалева, Н.Ю. Нацваладзе. СПб., 2016 (2-е изд.). 176 с. (<http://oopt.spb.ru/publications/>)
14. *Горбатенко С.Б.* Петергофская дорога. СПб.: Европейский дом, 2001. 448 с.
15. *Кулешова М.Е.* Принципы и методы оценки культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.-СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. С. 37–67.
16. Ботаническое путешествие на Дудорову гору. 1792, мая 8 [Н.А. Львов] // Северный вестник. 1805. № 2. С. 8.
17. *Галкина Н.* Вилла Рено. СПб.: Текст, 2004. 336 с.
18. *Исаченко Г.А., Волкова Е.А., Резников А.И.* и др. Проектируемый комплексный заказник «Левашовский лес» в системе ООПТ Санкт-Петербурга // Материалы межрегиональной конференции «Особо охраняемые природные территории регионального значения: проблемы управления и перспективы развития», 25–26 октября 2010, Санкт-Петербург. СПб., 2010. С. 66–70.
19. *Исаченко Т.Е., Исаченко Г.А., Озерова С.Д.* Оценка рекреационной нарушенности и регулирование нагрузок на особо охраняемых природных территориях Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. № 65 (1). С. 16–32 (<https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.102>)

**THE ROLE OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS
IN THE FORMATION OF SAINT PETERSBURG CULTURAL LANDSCAPES**

G. Isachenko*, T. Isachenko**

*greg.isachenko@gmail.com, **tatiana.isachenko@gmail.com

Saint Petersburg State University, Institute of Earth sciences
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *The network of specially protected natural areas (SPNA) of Saint Petersburg in 2020 included 8 nature reserves and 7 natural monuments of the regional level, with a total area of 6143 ha, or 4.3% of the city's territory. Almost all urban protected areas bear traces of anthropogenic impacts of various ages, and therefore their landscapes can be considered as cultural. Many historical and cultural monuments of the XVIII–XX centuries are preserved within the protected areas of Saint Petersburg. The article considers SPNA of Saint Petersburg: 1) as landscapes that preserve the results of human activity of different ages, including cultural heritage sites; 2) as emerging special cultural landscapes of the metropolis. The article analyzes the contribution of human activity to modern landscapes of SPNA and describes the associative value of cultural landscapes. The difficulties of creating new protected areas and contradictions between the tasks of preserving natural and cultural heritage in the management of SPNA are discussed. It is proved that the protected areas of Saint Petersburg are becoming more and more famous not only as places of "traditional" short-term recreation, but also as locations for new types of activity, including walks on ecological trails. The increasing popularity of protected areas is evidenced by the frequency of their mentions at the Internet.*

Keywords: *specially protected natural areas, cultural landscape, Saint Petersburg, recreation, natural and cultural heritage.*

For citation: Isachenko G., Isachenko T. The role of specially protected natural areas in the formation of Saint Petersburg cultural landscapes. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(4):34–51.

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research, projects № 19-05-01003 and 19-05-00088.

References

1. Trzyna T., et al. 2014. Urban Protected Areas: Profiles and best practice guidelines. (<https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PAG-022.pdf>)
2. Paramonova N. Priroda v gorode. OOPT v gorodax: problemy` i perspektivy` // E`kologiya i pravo. 2019. № 75. S. 7–9.
3. Shatrova A. I. Osobo oxranyaemy`e prirodny`e territorii v krupnejshix gorodax RF // Antropogennaya transformaciya prirodnoj sredy`. 2018. S. 113–116. (https://vk.com/doc20727454_480548864?hash=59coa18ed476bfbc58&dl=0459cbcc59cc5e8f03)
4. Isachenko G.A., Reznikov A.I. Landshafty` Sankt-Peterburga: e`volyuciya, dinamika, raznoobrazie // Biosfera. 2014. T. 6. № 3. S. 231–249.
5. Dudergofskie vy`soty` – kompleksny`j pamyatnik prirody` /Red. E.A. Volkova, G.A.Isachenko, V.N.Xramczov. SPb., 2006. 141 s.
6. Komarovskij bereg – kompleksny`j pamyatnik prirody` /Red. E.A. Volkova, G.A.Isachenko, V.N.Xramczov. SPb., 2004 (2-e izd.). 92 s.
7. Park «Sergievka» – kompleksny`j pamyatnik prirody` /Red. D.Yu. Vlasov. SPb., 2005. 144 s.
8. Priroda Elagina ostrova /Red. E.A. Volkova, G.A. Isachenko, V.N. Xramczov. SPb., 2007. 108 s.
9. Priroda zakaznika «Ozero Shhuch`e» /Red. E.A. Volkova, G.A. Isachenko, V.N. Xramczov. SPb., 2017. 188 s.

10. Priroda Sestroreczkoj niziny` /Red. E.A. Volkova, G.A. Isachenko, V.N. Xramczov. SPb., 2011. 264 s.
11. Strel`ninskij bereg – kompleksny`j pamyatnik prirody` /Red. E.A. Volkova, G.A. Isachenko, V.N. Xramczov. SPb., 2005. 56 s.
12. Yuntolovskij regional`ny`j kompleksny`j zakaznik /Red. E.A.Volkova, G.A.Isachenko, V.N.Xramczov. SPb., 2005. 202 s.
13. Atlas osobo ohranyaemy`x prirodny`x territorij Sankt-Peterburga /Otv. red. V.N. Xramczov, T.V. Kovaleva, N.Yu. Naczvaladze. SPb., 2016 (2-e izd.). 176 s. (<http://oopt.spb.ru/publications/>)
14. *Gorbatenok S.B.* Petergofskaya doroga. SPb.: Evropejskij dom, 2001. 448 s.
15. *Kuleshova M.E.* Principy` i metody` ocenki kul`turnogo landshafta // Kul`turny`j landshaft kak ob`ekt naslediya / Pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej. M.-SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2004. S. 37–67.
16. Botanicheskoe puteshestvie na Dudorovu goru. 1792, maja 8 [N.A. L`vov] // Severny`j vestnik. 1805. № 2. S. 8.
17. *Galkina N.* Villa Reno. SPb.: Tekst, 2004. 336 s.
18. *Isachenko G.A., Volkova E.A., Reznikov A.I. i dr.* Proektiruemy`j kompleksny`j zakaznik «Levashovskij les» v sisteme OOPT Sankt-Peterburga // Materialy` mezhtional`noj konferencii "Osobo ohranyaemy`e prirodny`e territorii regional`nogo znacheniya: problemy` upravleniya i perspektivy` razvitiya", 25–26 oktyabrya 2010, Sankt-Peterburg. SPb., 2010. S. 66–70.
19. *Isachenko, T.E., Isachenko, G.A., Ozerova, S.D.* Ocenka rekreacionnoj narushenosti i regulirovanie nagruzok na osobo ohranyaemy`x prirodny`x territoriyax Sankt-Peterburga // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle. 2020. № 65 (1). S. 16–32 (<https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.102>)

Сведения об авторах

Исаченко Григорий Анатольевич, к.г.н., доцент кафедры физической географии и ландшафтного планирования, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле; Санкт-Петербург, Российская Федерация. Email: greg.isachenko@gmail.com

Исаченко Татьяна Евгеньевна, к.г.н., доцент кафедры страноведения и международного туризма, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле; Санкт-Петербург, Российская Федерация. Email: tatiana.isachenko@gmail.com

Authors of the publication

Grigoriy Isachenko, Ph.D. in Geogr., Associate professor of the Physical Geography & Landscape Design Division, Saint Petersburg State University, Institute of Earth sciences, Saint Petersburg, Russian Federation. Email: greg.isachenko@gmail.com

Tatiana Isachenko, Ph.D. in Geogr., Associate professor of the Country Studies & International Tourism Division, Saint Petersburg State University, Institute of Earth sciences, Saint Petersburg, Russian Federation. Email: tatiana.isachenko@gmail.com

Дата поступления 10.12.2020

Принята к публикации 14.12.2020

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 911.3:913

МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ В КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СЕВЕРА: ПО СЛЕДАМ АЛЕКСАНДРА ШРЕНКА

Ю.А. Веденин

vedenin@gmail.com

Институт географии РАН
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается исторический путь Архангельск – Мезень и роль русского учёного Александра Шренка, давшего подробную характеристику этой территории, охватывающую самые различные научные дисциплины: географию, геологию, гидрологию, биологию, экономику, этнографию, лингвистику и т.д. Актуализация этого исторического пути, определение связанных с ним разнообразных маршрутов, сухопутных дорог и зимников, рек и каналов создаст реальные возможности для развития туризма и включения этого района Русского Севера в интенсивную социальную и экономическую деятельность.

Ключевые слова: культурно-ландшафтное пространство, историко-культурный центр, исторический путь, историческая дорога, исторический маршрут.

Для цитирования: Веденин Ю.А. Место исторического пути в культурно-ландшафтном пространстве Русского Севера: по следам Александра Шренка. *Наследие и современность.* 2020;3(4):52–72.

Благодарности: исследование выполнено в Институте географии РАН по теме Государственного задания №0148-2019-0008(АААА-А19-119022190170-1) «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности».

Введение в проблему изучения исторического пути и его роли в формировании культурно-ландшафтного пространства

При рассмотрении проблем, связанных с сохранением объектов культурного наследия, основное внимание обращается, прежде всего, на сами объекты – памятники, ансамбли и достопримечательные места. Однако, когда предметом анализа становится культурно-ландшафтное пространство мира, страны, отдельных регионов и поселений, необходимо учитывать особую роль инфраструктуры, обеспечивающей возможность сохранения его как целостной, разнообразной и устойчивой системы. Одним из наиболее значимых элементов инфраструктуры культурного пространства являются разнообразные виды и формы связей между историко-культурными центрами. Это исторические пути, дороги и маршруты [1].

Исторические дороги чаще всего рассматриваются как объекты наследия, обладающие историко-культурной ценностью с точки зрения сохранности связанных с ними материальных компонентов, прежде всего их исторического обустройства [2]. Исторические маршруты и пути, как правило, используются как идентичные термины, характеризующие линии или коридоры, по которым происходит перемещение людей в целях обмена товарами, идеями, знаниями и другими ценностями между народами, странами, регионами и континентами в течение длительного периода времени [3]. В данной статье все эти термины используются для обозначения различных аспектов культурных взаимосвязей¹. Определяющую роль в формировании единого культурного пространства играют исторические пути. Причины их возникновения различны. Это может быть перемещение народов, движение войск с целью подчинения новых территорий, «завоевания» новой родины.

Одним из главных стимулов возникновения исторических путей являются торговые связи. В качестве примеров может быть приведён Шёлковый путь. Многие исторические пути формируются благодаря иерархии расселения, связям столичных или региональных центров

¹ **Исторический путь** – транзитное пространство (своеобразный коридор или полоса), по которому в течение длительных периодов исторического времени происходило перемещение людей и товаров, обеспечивающих взаимодействие между городами, странами, народами. **Исторические дороги** – жёстко локализованные в пространстве линейные коммуникации, в течение многих лет обеспечивавшие перемещение людей и товаров из одних регионов, городов, сельских поселений в другие. К ним относятся разнообразные виды сухопутных дорог – тропы, грунтовые дороги, шоссе, железные дороги, а также реки и водно-канальные системы. **Исторические маршруты** – линейные перемещения людей и товаров, совершавшиеся в течение длительного исторического периода, в процессе которых использовались не только разнообразные комбинации дорог, но и внедорожные участки, выбираемые в соответствии с множеством возникающих в течении исторического времени природных, социальных, политических и других факторов [1].

(в России это чаще всего города, выполняющие функции губернских или областных центров) с множеством соподчинённых им поселений. Иногда в пространстве одного и того же пути располагается сразу несколько городов, сельских поселений и мест, обладающих высокой историко-культурной ценностью. Это делает их привлекательными для множества людей. В России XVIII–XIX веков особый интерес представляли местные ярмарки, когда в города или сёла, где происходили эти ярмарки, устремлялись потоки купцов, мещан и крестьян, стремящихся продать и купить местные и привозные изделия, сельскохозяйственные продукты, шкуры диких животных, рыбу, дичь и т.д. Несомненную значимость представляет связь места с выдающимися художниками, писателями, композиторами, политическими деятелями, с важными событиями, вошедшими в историю страны. Важный вклад в формирование имиджа пути и связанных с ним маршрутов вносили учёные. Они обогащали эти места информацией, позволяли узнать много нового об истории страны, об объектах культурного и природного наследия, о традиционных ценностях, о людях, которые когда-то жили и живут сейчас в этих городах, сёлах и деревнях.

Мы хотели бы рассмотреть структурную организацию и процесс формирования исторических путей и связанных с ними исторических маршрутов на примере анализа системы пространственных связей между Архангельском и сетью поселений, расположенным вдоль рек Пинеги и Мезени.

Исторический маршрут А.И. Шренка

Одним из первых авторов, который дал развёрнутое описание маршрута из Архангельска в Мезень, был замечательный российский учёный Александр Шренк (Александр Густав фон Шренк)². Он был участником и организатором нескольких научных экспедиций, с целью изучения мало изведанных и неописанных регионов России. Это Русский Север, Средняя Азия и Сибирь. Его путевые заметки охватывали широкий круг проблем, связанных с самыми разными науками: геологией, ботаникой, зоологией, географией, экономикой, социологией и даже фольклористикой. Всё это нашло отражение в книге «Путешествие к северо-востоку Европейской России», написанной по результатам экспедиции 1837 года, от Петербурга через Архангельск, Мезень, Усть-Цильму до Пустозерска³. В данной статье мы остановимся на его путешествии от Архангельска до Мезени и оттуда в Санкт-Петербург (рис. 1).

² А.И. Шренк родился в 1816 году в имении Тризново Тульской губернии, учился в Дерптском университете, работал в Ботаническом Саду в Санкт-Петербурге, а затем вернулся в свою «almamater» Дерптский университет.

³ Впервые эта книга опубликована на немецком языке: Дерпт, 1848; на русском языке: СПб., Типография Григория Труслова, 1855, 665 с.

Рис. 1. Схема маршрута Александра Шренка от Архангельска до Мезени и обратно

Проделанный им маршрут охватывал значительную часть исторического пути Архангельск – Мезень; при этом часть своего путешествия он проплыл по рекам, проехал и прошёл по почтовым трактам, просёлочным дорогам и тропам. Ему пришлось преодолевать заболоченные территории, где дорог вообще не было. Александр Шренк выехал из Архангельска 28 апреля 1837 года. Он намеревался довольно быстро доехать до Мезени и затем до Пустозёрска. Однако из-за природных катаклизмов ему приходилось вносить коррективы в свой заранее запланированный маршрут. Когда он готовился к своему путешествию, то был уверен, что будет ехать по дороге, на повозке, запряжённой лошадьми, где он будет получать необходимые услуги. Для этого у него были все основания. Его маршрут почти полностью совпа-

дал с почтовыми трактами Архангельск – Пинега и Пинега – Усть-Цильма. Это хорошо видно при сравнении текста его книги с Генеральной картой Архангельской губернии 1824 года. Вдоль дороги, по которой он должен был ехать, размещались почтовые станции, где содержались лошади. Эти станции обслуживались специальными станционными смотрителями [4]. Однако уже на самом первом этапе путешествия ему пришлось внести коррективы в свой план, и он *«при- нуждён был ехать водою 8 вёрст от Архангельска до Холмогор, потому что все низменные дороги были затоплены. ...Точно так же продолжал ...путь от Холмогор далее, отчасти сухим путём, по испорченным дорогам, а отчасти водою, вдоль рукавов реки, переплыва- вая луга и острова, покрытые водою...»* [5, с. 51–52].

Конечно, как учёный естествовед, предпринявший своё путеше- ствие по заданию Петербургского ботанического сада, особое вни- мание он уделяет описанию флоры, фауны и геологических объектов. Вместе с тем, он нередко сопоставляет рассказ о природных особеннос- тях местности с описанием хозяйственной деятельности проживаю- щих там людей. Это можно проиллюстрировать следующим текстом: *«Двинские острова большею частью суть необитаемые плоские низменности, покрытые лугами или поросшие ольховыми и ивовыми кустарниками; они ежегодно затопляются водою вполне или отча- сти, чем самым Двина, подобно египетскому Нилу, оплодотворяет свои берега, которые летом расцветают роскошными лугами и вы- сокая трава коих в большом количестве доставляет превосходный подножный корм, что особенно способствует преуспеянию ското- водства в здешнем краю и, невзирая на суровый климат, споспеш- ствует поддержанию здесь отличной породы голландского рогато- го скота в ее первоначальной красоте. Овцеводство же не удаётся по причине сырости и низменного положения страны и потому ред- ко встречается»* [5, с. 46].

В своих заметках, касающихся самого путешествия, он предстаёт перед нами, прежде всего, как географ-страновед и реальными объек- тами его описания становятся ландшафт, люди и дороги. Он подробно описывает трассу своего передвижения. Его путешествие по Пинеге началось с села Усть-Пинега. *«От Усть-Пинеги почтовая дорога тя- нется на расстоянии 181 версты по долине реки Пинеги... До ближ- ней станции в деревне Нижней Паленге, отстоящей 13 вёрст от Усть-Пинеги, она ведёт по правому берегу и большею частью в виду реки, спокойно протекающей здесь между крутых и отвесных скал известняка, окаймлённых высоким лиственничным, сосновым и ело- вым лесом; в настоящее время года Пинега превратилась в значи- тельную реку и представляла живописный вид»* [5, с. 54].

В дальнейшем его передвижение вдоль реки Пинеги проходило, в основном, по воде. *«У деревни Угзенги, при устье речки того же имени, в 22 верстах от Нижней Паленги, мне пришлось снова переезжать Пинегу..., ...Мы употребили не менее 9 часов времени на проезд расстояния 22 верст до ближней станции, в деревне Кузонема... 5 мая, рано утром, мы снова пустились в путь водою, через высоко потопленные низменности:... начиная от Угзенги скалистых обнажений более не встречается, а с ними вместе исчезает и лиственница. При менее сильном течении мы успешнее подвигались вперёд и вскоре достигли станции Вешкомы, на левом берегу Пинеги, в 20 верстах от Кузонема»* [5, с. 57, 61].

Следующая станция, на которой они сделали остановку во время своего плавания, была деревня Юрола (Юрольское), расположенная на левом берегу Пинеги. На противоположном берегу можно было видеть старинный, основанный в 1606 году Красногорский Богородицкий монастырь (рис. 2). Вот что пишет о нём А. Шренк. *«Против Юролы, на правом берегу реки, построена принадлежащая к селению церковь, а далее, где правый берег достигает самого значительного своего возвышения, виднеются здания Красногорского мужского монастыря, который в старину назывался Черногорским, а нынешним своим наименованием обязан темно-красному цвету береговых обрывов»*⁴ [5, с. 64].

Рис. 2. Руины Красногорского монастыря. Фото М. Кулешовой

⁴ Несколько слов о судьбе этого монастыря. В 1920 году Красногорский монастырь был закрыт. Затем в зданиях монастыря размещалась коммуна, потом — лагерь отдыха для детей. До 1990-х годов там находился психоневрологический интернат. В настоящее время сохранилось лишь несколько руинированных строений.

И последующие путешественники, проезжающие мимо этих мест, не могли остаться равнодушными при виде монастыря. Это видно из книги С. Максимова, который побывал здесь в 1856 году. *«Крутая, с трудом одолимая гора ведёт в монастырь; на самой возвышенной точке её расположены каменные строения этой небольшой и бедной обители, обнесённые деревянною стеною. Вид с колокольни поразителен, восхитителен: лучше его не найти во всей Архангельской губернии. Провожавший меня монах, сказывавший, что отсюда видно вёрст за пятьдесят, прибавил: «сам владыко zalюбовался!»* [6] (рис. 3).

Рис. 3. Вид от стен Красногорского монастыря на долину Пинеги. Фото М. Кулешовой

Недалеко от монастыря, на правом берегу Пинеги находится одно из самых примечательных и красивых мест Пинежья. Сейчас эта территория относится к Пинежскому природному заповеднику. В результате карстовых рельефообразующих процессов там сформировался комплекс подземных и поверхностных карстовых форм рельефа, отличающийся широким видовым разнообразием (рис. 4). Среди них пещеры, воронки, рвы, котловины и провалы. Основная ценность этого ландшафта заключается в том, что на его территории можно увидеть более сотни пещер.

Протяжённость самых больших пещер более километра. В большинстве крупных пещер можно увидеть ручьи и реки. В некоторых пещерах встречаются водопады, подземные озера [7]. Почему-то А. Шренк не оставил нам описание этого ландшафта, хотя он неоднократно обращается к характеристике геологического строения берегов

Пинеги, в том числе и при описании этой части своего маршрута. Приведу один из примеров такого описания: *«В 2 вёрстах ниже Юорлы левый берег Пинеги окаймлён белоснежными утёсами кристаллического гипса.... Заметив, с каким вниманием я рассматривал эти утёсы, гребцы мои стали мне рассказывать о достопримечательных, больших и пространных пещерах, находящихся неподалёку от города Пинеги»* [5, с. 64].

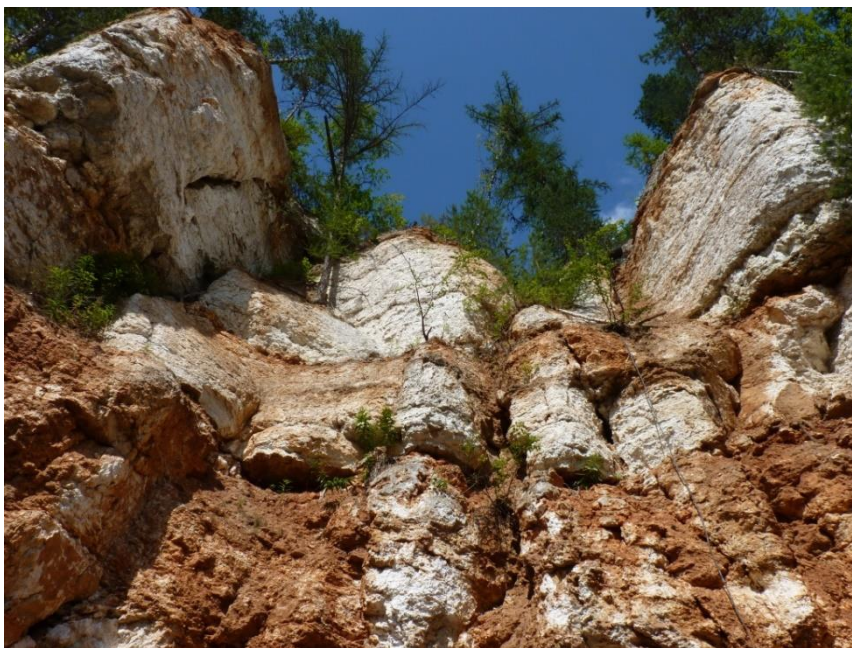

Рис. 4. Скальные обнажения в Пинежском заповеднике. Фото М. Кулешовой

Следующий населённый пункт, в который прибыли путешественники, был уездный город Пинега. Вот краткое описание этого городка, приведённое в книге А. Шренка. *«Куча потемневших от ветхости деревянных домов не придаёт благоприятного вида городку, заключающему в себе около 600 жителей обоих полов; главное украшение его составляет новая каменная церковь, построенная на открытом месте, на берегу реки, подле старой деревянной, в которой божественную службу отправляют только в летнее время. Постройка здесь общеупотребительная во всем северном крае: это большею частью строения в два этажа, из коих в верхнем живут почётные лица дома, а в нижнем помещается домашняя прислуга. Нередко также бывает между здешними горожанами, как и у сельских обывателей, что сам домохозяин с своей семьёю занимает нижний этаж, а в верхнем одна или две комнаты устраиваются для приёма гостей. С жильными покоями под одною крышею обыкновенно находится хлев, коего верхняя часть употребляется для завоза экипажей и для склада разного домашнего скарба; к этому сараю снизу ведет дощатый подъезд»* [5, с. 68].

Особое внимание А. Шренк обращает на ярмарки; он подробно описывает товары, которые там продавались и покупались, информирует читателя об их стоимости, перечисляет города и местности, откуда приезжали гости этих ярмарок. В Пинеге в те годы действовали две ярмарки: Никольская ярмарка, которая проходит зимой, 6–12 декабря и Благовещенская, устраиваемая весной, 25–30 марта. *«На них съезжаются купцы из Галича и Каргополя, из Архангельска и Холмогор, равно как и торгующие мещане из Мезени и даже Пустозёрска. Предметы обмена суть сырые произведения севера, в особенности меха и пернатая дичь, которые отсюда развозят далеко по всему государству; кроме того, рогатый скот, рыба, сало морских зверей и т.п.; взамен этих товаров из внутренних губерний привозят хлеб и мануфактурные товары: шёлковые и шерстяные ткани, ситцы и холстинки; Архангельск доставляет солёную треску, которая, как ежедневная пища туземного крестьянина, после хлеба составляет один из важнейших жизненных припасов; из Мезени же и Пустозёрска получается большая часть мехов, а также и дорогая солёная рыба, развозимая отсюда по всей России. На эти ярмарки приезжают также и самоеды с Канинского полуострова, к ярмарке появляются со своими чумами и стадами в окрестностях городка Пинеги. Они привозят меха и оленьи шкуры»* [5, с. 68–69].

От того времени в Пинеге мало что осталось. Построенный в начале XIX века храм Троицы Живоначальной был взорван в 1936 году. Не дошли до наших дней ещё несколько существовавших в городе церквей и общественных зданий. Но до сих пор здесь сохраняется так называемый Володинский квартал, комплекс домов, построенных приблизительно в те же годы, когда здесь был А. Шренк⁵ (рис. 5). Пинега хранит память о людях, которые жили в этом городе, о сосланных в него политических оппонентах власти. Среди них участники большевистской революции (ноябрьского переворота 1917 года) – Климент Ворошилов и Алексей Рыков, а также известный советский писатель Александр Серафимович.

Однако наиболее значимой для этих мест из ссыльных была фигура князя В.В. Голицына, фаворита царицы Софьи, сестры Петра I, жившего в Пинеге в 1711–1713 гг., сосланного в этот город по Указу Петра I. Сергей Максимов в своей книге, посвящённой Русскому Северу, отметил, что Голицын стремился улучшить жизнь местного населения. Благодаря Голицыну в этих местах, прежде всего на Пинеге и Мезене, был выведена известная в России порода лошадей, которые получили название мезенки. Ещё один интересный факт, связанный с Голицы-

⁵ Володинский квартал находится в центре посёлка Пинеги. Здесь расположены жилые дома трех братьев, представителей купеческой семьи Володиных – магазины, склады, пекарня Товарищества "Братья Володиные". Дома построены по проектам профессиональных архитекторов в стиле позднего классицизма.

ным: *«Князь Голицын любил ходить из Пинеги в Красногорский монастырь, подолгу сидел в деревнях, смотрел на хороводы и учил крестьянских девушек петь московские песни, которые, действительно, выдаются из ряду туземных и слышатся только пока в одних этих восьми деревнях, отделяющих город от монастыря»* [6].

Рис. 5. Володинский квартал в Пинеге. Фото М. Кулешовой

Выехав из города Пинеги, А. Шренк и его спутники продолжили свой путь по воде. Нередко, в своих описаниях прибрежных ландшафтов, Шренк выступает не столько в роли учёного, сколько художника, любующегося красотой открывающихся перед ними пейзажей. *«Берег возвышается крутыми и нависшими утесами, которые, будучи прорезаны глубокими расщелинами, образуют нередко прекрасные группы скал, которым для живописного действия недостает только роскошной зелени лиственных лесов. Лиственница уже исчезает вместе с известняком, сосны и ели покрывают лесистую страну. По окраине же глинистого берега во множестве произрастает *Tussila dofarfara*, растение, приветствующее первым цветом северную весну»* [5, с.72].

Последним населённым пунктом, который Шренк и его спутники видели на Пинеге, была деревня Усть-Иожуга (Ежуга), которая располагалась на правом берегу Пинеги, при впадении в нее реки Иожуги (Ежуги). Сейчас этой деревни уже нет. Однако память о ней должна быть сохранена в истории русской культуры. В этой деревне, через 6 лет после экспедиции Шренка, родилась Мария Дмитриевна Криво-

поленова, легендарная русская сказительница, выступавшая в 1912–1916 годах в Москве, Петербурге, Твери и даже на Кавказе [8]. Она получила широкое признание. Ею восхищался Б. Пастернак. Художники Е.В. Гольдингер и П.Д. Корин написали её портреты. С.Т. Коненков сделал скульптуру «Вещая старушка» (1916) под впечатлением от выступления Кривополеновой. Здесь же, на берегах Пинеги закончилась её жизнь. Она похоронена на кладбище деревни Чакола, что расположена недалеко от Усть-Ежуги, ближе к Карпогорам.

Именно в Ежуге почтовый тракт, который до этого шёл вдоль реки Пинеги, резко поворачивает на восток по направлению к берегам реки Мезени. Возможность устройства здесь проезжей дороги определялась природными особенностями ландшафта, который сформировался от Пинеги до Мезени. Вот как о нём пишет А. Шренк: *«При Усть-Иожуге начинается так называемая Верхняя или Нисегорская Тайбола, имя, означающее необитаемую полосу земли, на протяжении около 100 верст, между долиною реки Пинеги при Усть-Иожуге и течением реки Мезени при селе Большенисегоре... Эта необитаемая полоса земли состоит из лесистых равнин, покрытых только изредка невысокими холмами и перерезанных множеством ручьев и речек... Хвойные боры, которые здесь, не прерываясь, тянутся на расстоянии 100 верст, состоят из высоких елей, сосен и лиственниц, под защитою которых и лиственные леса, берёзы и осины преуспевают лучше, нежели в ином месте здешнего края; среди этих лесов произрастают ольховник, черёмуха и рябина. Из кустарников заметил я жимолость (*Lonicera pallasii*), здесь называемую кобылицею, красную и чёрную смородину, первую под именем кислицы, вторую – просто смородины»* [5, с. 76, 82].

В дальнейшем маршрут А. Шренка в сторону Мезени проходил уже по почтовому тракту, с остановками на расположенных там станциях. Это Кокорная изба, Колодливая изба, Чубласский ручей и Залазная речка. Следует отметить, что все эти станции были устроены вне населённых пунктов. Вот что пишет о них Шренк. *«Упомянутые четыре хижины, служащие станциями, где проезжающий может получить одновременно пару лошадей, суть единственные места со временными обитателями, которые, по известной очереди, прибывают сюда из деревень, лежащих по берегам Пинеги и Мезени, и, исполняя возложенную на них обязанность, около полугода проводят жизнь в Тайболе»* [5, с. 82].

При описании местных ландшафтов Шренк в полной мере использует свои знания в области естественных наук. Но он заметно отличается от большинства своих собратьев по цеху. Так, например, при описании многих природных феноменов, он опирается не только на природоведческие дисциплины, но и на лингвистическую науку.

Это можно увидеть из следующего текста: *«Слово Иожуга, например, природный финн произносит Иоссуга; в этом же последнем легко узнается слово Иоссу-иогги, которое по-эстонски, а это наречие мы имеем полное право употреблять для целей этимологических выводов наравне с финским, ибо нам неизвестно, с которым из этих языков было в большем сродстве наречие древнечудское, обозначающее бегущую, т.е. быстро текущую реку (от глагола иоос-ма – бежать и иогги – река); наименование это, вероятно, указывает на часто встречающиеся в реке быстрицы; и действительно, мы находим их в верхнем течении Иожуги на нескольких местах, где воды ее с сильным стремлением текут по руслу, покрытому каменными валунами; эти быстрины дали реке ее чудско-финское имя, переименованное в русское, очень близкое к тому название»* [5, с. 79].

Последняя станция, до которой доехал Шренк на своём пути к берегам Мезени, было село Большенисегоры. Отсюда А. Шренк направился в город Мезень. Несмотря на то, что эти места с городом Мезень связывал почтовый тракт, Шренк решил продолжить своё путешествие по воде. Своё решение он объясняет следующим образом: *«В Большенисегоре я нанял большую лодку с двумя гребцами, которые взялись довести меня вниз по Мезени до городка, ибо и здесь большая дорога на правом берегу реки была непроходима»* [5, с. 88].

Описанию города Мезень А. Шренк посвятил отдельную главу. В ней он рассказывает о географическом положении Мезени, о том, какие дороги и маршруты связывают этот город с Пинегой и Архангельском. *«Расстояние его от Архангельска, если ехать через Нисегорскую Тайболу (имеется ввиду тот первоначальный маршрут, который избрал А. Шренк для своего путешествия в Мезень – Ю.В.), по которой, впрочем, ездят только летом, 504 версты; по правому же зимнему пути через Кулойский Посад, где давно уже определено было проложить почтовый тракт, который, однако ж, по причине лесных болот, доселе ещё остаётся непроезжаемым, считается не более 376 вёрст»* [5, с. 94].

Шренк пишет ещё об одном историческом маршруте, который в те годы довольно активно использовался для сплава леса. Он начинался от Мезенской губы, куда впадает река Кулой, в устье которой расположено село Долгощелье (Шелье), которое с Мезенью связывала не только река Мезень, но и сухопутная дорога. Благодаря морскому приливу плоты перегонялись вверх по Кулою, а затем, после длинного речного залива Курьево буксировались до деревни Кулогоры. Оттуда уже волоком перевозились до реки Пинеги. Посетивший Мезень в 1985 году К. Случевский также пишет об этом маршруте, как весьма востребованном и активно используемым: *«...из Северной Двины идут в реку Пинега, оттуда, волоком в полторы версты длиной, до реки Кулоя,*

следовательно, к Белому морю. Близ устья Кулоя, чуть-чуть обрисовывалась на низменном берегу деревня Щелье, от которой до города Мезени берегом 85 вёрст» [9, с. 148].

Несколько слов о самом городе Мезени. Вот какое описание оставил нам Шренк: «Число жителей, коих считается до 500 душ мужского и 650 женского пола, составляют торгующие мещане и немногие купцы. Более обширная часть, слободка Окладникова, служит местопребыванием городских и уездных присутственных мест, почему здесь живут все чиновники. Деревянные, более или менее на один покрёй построенные дома видом своим согласуются с нависшими над ними северными береговыми туманами, и однообразие этих потускневших рядов строений прерывается только двумя церквами, которые, находясь на открытом месте, почти в середине слободы, выстроены из дерева, третья церковь находится вне города, при кладбище, а четвертая в северной слободке Кузнецовой. Для воспитания юношества в Мезени учреждено низшее народное училище, где три учителя обучают детей обоего пола грамоте, письму, Закону Божию и арифметике. Небольшая, но сообразно цели избранная библиотека, находившаяся при училище, могла действительно изумлять здесь, где можно было почитать себя за пределами просвещённого мира» [5, с. 95]. Одним из важных событий, которые в те годы происходили в Мезени, была Мезенская ярмарка; на неё приезжали купцы из Холмогор и Пинеги, других мест Архангельской губернии.

Долгое время Мезень была местом ссылки, а в советское время там размещались лагеря, входившие в систему ГУЛАГа. Среди наиболее известных ссыльных, которые были сосланы в Мезень, следует назвать, прежде всего, протопопа Аввакума (1664–1666). После Мезени, в которую А. Шренк прибыл 12 мая 1837 года, он побывал ещё в Усть-Цильме на Печоре и Пустозёрске. Затем вернулся в Мезень. Пробыв там несколько дней, 11 октября он направился в обратный путь, в Санкт-Петербург. Из города он доехал на лошадях до деревни Дорогая Гора или Дорогорская, затем переправился через реку и пешком дошёл до села Кимжа (рис. 6). Следует заметить, что Шренк в своей книге ни разу не дал описания сёл и деревень, мимо которых он проезжал. Между тем, на примере Кимжи, можно было представить, как были красивы и оригинальны северные деревни. В Кимже до сих пор сохраняются традиционные для этих мест строения – дома, амбары, бани, мельницы, поминальные кресты. Один из самых значимых памятников, находящихся в этой деревне – пятиглавая деревянная шатровая Одигитриевская церковь, построенная в 1709 году.

Рис. 6. Деревянные дома в селе Кимжа. Фото Ю. Веденина

А. Шренк писал о том, что от Кимжи отходит зимник, который позволяет значительно сократить путь до Пинеги, по сравнению с тем почтовым трактом, по которому он прибыл на берега Мезени. В эти же годы была сделана попытка построить новую почтовую дорогу, которая позволила бы значительно сократить продолжительность времени поездки от Мезени в Пинегу, а затем в Архангельск в летний сезон. Однако во время пребывания там Шренка, эта дорога ещё не была окончена. Оставалось обустроить ещё 30 вёрст, *«но так как это пространство наполнено самыми топкими миштыми болотами, то и вся дорога остается пока без употребления, по крайней мере для тех, которые не имеют желания пройти несколько вёрст пешком»* [5, с. 474].

К сожалению, эта попытка, как, впрочем, и многие последующие, оказалась неудачной. Тем не менее, А. Шренк со своими спутниками продолжил свой маршрут по этой, ещё недостроенной дороге. Первую часть пути они проехали на лошадях. Затем им пришлось спешиться и отправить телегу с лошадьми назад в Кимжу. Далее они шли пешком. Переход через заболоченные территории был чрезвычайно затруднительным. Тем не менее, было видно, что маршрут популярен и востребован. Об этом свидетельствовали попадающиеся на их пути избышки, рассчитанные на пребывание в них людей. Когда заболоченные территории были уже пройдены, дорога стала более благоустроенной: *«Все попадавшиеся нам теперь болота были устланы мостками»*. По ней путники направились к селу Немнюга, которое состояло из нескольких деревень.

В настоящее время такого названия, как Немнюга, нет. Сохранились две входившие в это село деревни: Совполье и Чижгора. Обе они находятся на современной шоссейной дороге Архангельск – Мезень. После Немнюги Шренк со своими спутниками направился в сторону села Кулой (какое-то время это село носило название Кулойский посад), которое *«лежит на правом берегу реки Кулоя, воды которой, изобилуя рыбой, дают здешним жителям возможность заниматься ловлею сёмги. В окрестностях его находятся великолепные листовенничные рощи, из которых несколько лет тому назад вверх по реке сплавлено было в Пинеге большое количество корабельного леса»* [5, с. 478]. В те годы через село проходило множество различных маршрутов – сухопутных и водных, направлявшихся из Мезени в Пинегу и Архангельск и обратно. Однако популярность села и его особая роль в регионе в те годы была связана, прежде всего, с тем, что там находился солеваренный завод, снабжавший солью не только Пинежский и Мезенский уезды, но другие города и сёла Архангельской губернии⁶. В то же время следует отметить, что завод обеспечивал занятость местного населения и фактически выполнял градообразующие функции для Кулойского посада и близлежащих деревень. По свидетельству Шренка, при заводе находились соляной магазин, два провиантских амбара, кузница и жилой дом для служащих. В настоящее время о существовании в этих местах завода напоминают лишь остатки плотины и давно заброшенные скважины.

Из Кулоя Шренк продолжил свой маршрут. Проехав 39 вёрст, он оказался в деревне Кулагоры. Эта деревня *«расположена на трёх холмах, отделённых друг от друга небольшими ручьями, и состоит из 3 околודков, из которых каждый носит название своего холма: Соколова, Норядина и Шаньгина деревня»* [5, с. 480]. На современных картах названий этих околудков нет, сохранилось лишь более общее название Кулагоры. Около Кулагор находятся истоки реки Кулой. *«Здешние крестьяне рассказывали мне, что за 50 с лишком лет тому назад между Пинегой и Кулоем существовало также искусственное сообщение, которое было устроено с целью облегчить сплав корабельного леса»* [5, с. 481]. Впоследствии этим каналом перестали пользоваться, и он прекратил своё существование. В 1926–1929 году был построен новый канал, который использовался для транспортировки леса из Кулоя в Пинегу, а также для прохода судов из Пинеги в Мезень и Лешуконье. Затем его активно использовали байдарочники. После строительства шоссейной дороги Архангельск – Мезень этот канал был полностью заброшен.

⁶ Кулойский соляной завод был известен с XVII века. Какое-то время он принадлежал Красногорскому Богородицкому монастырю. В конце XVIII века он пришёл в запустение и фактически перестал функционировать. В конце XVIII – начале XIX вв. он начал опять выпускать продукцию и в тот момент, когда там был Шренк, завод работал в полную мощность. В конце XIX века он прекратил своё существование. И лишь на короткое время, в начале 1920-х годов и во время Великой отечественной войны он возродился и работал, производя нужный стране продукт.

Дальнейшее путешествие Шренк продолжал уже по почтовому тракту, проложенному вдоль реки Пинеги. После того, как он добрался до Усть-Пинеги, переправился на пароме на противоположный берег Северной Двины, заехал в Холмогоры, его маршрут шёл уже по обустроенному почтовому тракту по направлению к Санкт-Петербургу.

Шренк довольно много страниц своего текста посвятил Холмогорам. В самом начале своего маршрута, когда он в первый раз посетил Холмогоры, то его внимание привлекла скромная деревушка, где родился М.В. Ломоносов и расположенная в ней церковь с видневшейся издали колокольней. На обратном пути он также обращает своё внимание на Холмогоры. Но на этот раз его привлекает косторезное искусство местных жителей. *«Во время краткого пребывания своего в Холмогорах я из любопытства зашёл в мастерскую одного костяника, чтобы взглянуть на изделия, которые так славятся по всей России. Признаюсь, меня немало удивляло, что из грубых рук здешних бородатых художников выходят такие изящные произведения, тем более что только самая малая часть последних выделывается на токарном станке, остальные же все вырезаются руками, с помощью немногих простых инструментов, придуманных самими художниками. Прекрасные арабески и украшения, отличающиеся удивительною чистотою отделки и строгою симметриею, невольно заставляют нас удивляться тому, что люди, которые, может быть, никогда карандаша в руках не держали, могут иметь такой верный глазомер»* [5, с. 487–488]. Шренк отмечает, что традиционное для этих мест мастерство художников-косторезов, как, впрочем, и других мастеров, может стать основой их экономического благосостояния. И оно имеет явно большие шансы выхода на общероссийский рынок, нежели сельское хозяйство и даже такие привычные для этих мест виды деятельности как охота и рыбная ловля. *«Благодаря своей дешевизне и красоте приготовляемые здесь вещи находят себе такой легкий сбыт, что не только многие холмогорские мещане, но и жители соседней Куростровской волости исключительно посвятили себя этому промыслу, доставляющему им самые верные средства к жизни. Множество произведений такого рода хранятся в Императорском Санкт-Петербургском Эрмитаже, и они лучше всего могут свидетельствовать о том, до какой степени совершенства достигло в Холмогорах искусство вырезывания из кости»* [5, с. 488].

Современная структура исторического пути Архангельск – Мезень

Знакомство с книгой А. Шренка позволяет значительно расширить наши знания об историческом пути Архангельск – Мезень, описать процесс формирования исторического пути, определить его

Но шоссе Архангельск – Мезень не единственная дорога, которая связывает эти города. После поворота к берегам Пинеги, от шоссе, ведущего к посёлку Пинега, отходит дорога, по которой можно проехать в сторону старинного русского села Карпогоры (административного центра Пинежского района), связанного с жизнью и творчеством известного русского писателя Фёдора Абрамова. Некоторые уголки Карпогор вошли в его произведения и благодаря этому стали рассматриваться как объекты наследия (рис. 8). Недалеко от Карпогор расположена деревня Веркола, родина Фёдора Абрамова, где находится музей писателя.

Рис. 8. Улица в Карпогорах. Фото М. Кулешовой

Важную роль в формировании исторического пути на Русском Севере играют «зимники», дороги, проложенные через заболоченные территории, пересекающие водные объекты, использование которых возможно только зимой. Благодаря зимникам можно либо сократить длину поездки, например, от Карпогор до Пинеги, либо, напротив, удлинить маршрут и включить в него ценные в историко-культурном отношении объекты, как, например, старинное село Лешуконье и другие сёла, расположенные на берегах реки Мезени [11].

Благодаря более тщательному изучению книги А. Шренка и её сопоставлению с Генеральной картой Архангельской губернии 1924 года удалось уточнить трассу почтового тракта, объединяющего Пинегу и Мезень, понять важную роль реки Пинеги с его притоком Ежугой, а также реки Мезени в повышении надёжности прохождения этого исторического пути. Оказалось, что некоторые зимние дороги (зимники), в частности,

которые пролегают от посёлка Пинеги до Карпогор и Лешуконья, частично дублирует трассу старинного почтового тракта. Важную роль в этом историческом пути играет река Кулой, которая длительное время обеспечивала связь Мезени с Пинегой, а также канал, связывавший в прошлом Кулой с рекой Пинегой. Всё это позволяет расширить границы исторического пути, который на самом деле охватывает пространство вдоль Северной Двины, Пинеги, Мезени от Нисогор до Мезенской губы, реки Кулой, и множество дорог, троп, малых рек и даже территорий, где отсутствуют чётко выраженные дороги и тропы.

На наш взгляд важно восстановить исторические маршруты, которые бы позволили расширить информативность и привлекательность этого исторического пути [12]. Особую роль в организации этих маршрутов играют исторические города и посёлки, села и деревни, связанные с памятью о выдающихся деятелях культуры, науки, политических и государственных деятелях, повлиявших на ход формирования и развития русского государства, его культуры, хозяйства, религии и искусства. Очень важно обозначить конкретные личности, которые могут стать брендом этой Земли. Это, прежде всего, Михаил Ломоносов, учёный, поэт, художник, родившийся в деревне Мишанинской Куростровской волости, рядом с Холмогорами. Одним из наиболее значимых людей, родившихся в Пинежье, был писатель Фёдор Абрамов, что позволяет придать особую значимость историческим поселениям Карпогоры и Веркола. К прославившим эти края людям относятся и Мария Дмитриевна Кривополенова, вся жизнь которой протекла на берегах Пинеги, родившаяся в деревне Усть-Ежуга, расположенной на почтовом тракте Пинега-Мезень и похороненная в деревне Чакола. Одним из самых интересных маршрутов могло бы стать повторение путешествия А. Шренка. Сравнение исторических карт, относящихся к XIX веку, с современной картой позволяет это сделать с высокой степенью достоверности.

Очевидно, что формирование сети исторических путей с развитой системой исторических дорог и маршрутов позволит включить в сферу туризма значительное число новых привлекательных мест – городов, посёлков, сельских населённых пунктов, ценных природных объектов.

Литература

1. Веденин Ю.А. Представление о сущности и структуре опорного каркаса культурного пространства России // Наследие и современность. Т. 2, № 3. 2019. С. 7–23.
2. Шульгин П.М. Штеле О.Е. Исторические пути и дороги как объекты культурного наследия // Наследие и современность. 2018, Т.1, № 2. С. 95–112.
3. International Charter on Routes. ICOMOS/ Quebec, 2008. <http://whc.unesco.org/en/guidelines>
4. Окладников Н.А. По старинному тракту // Республика, 3, 182 (5059). 23 ноября 2013.
5. Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской части России. Пер. с нем. М.: ОГИ, 2009. 496 с.
6. Максимов С. Год на Севере. Архангельск: Сев.- Зап. Кн. Изд-во. 1984. 698 с. (https://royallib.com/read/maksimov_serгей/god_na_severe.html#0)
7. Пинежский заповедник / Шалыбков А.М., Байдерин В.В., Рыков А.М., Горячкин С.В. // Заповедники СССР. Заповедники Европейской части РСФСР. Ч. 1. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. С. 206–223.
8. Егорова Л. Дивная Пинега. Архангельск, ОАО «ИПП "Правда Севера"», 2007. 584 с.
9. Случевский К.К. Поездка по Северу России в 1885–1886 годах. М.: ОГИ. 2009. 272 с.
10. Данилова Г.А. Пинега: очерки природы, истории и культуры. Архангельск, ОАО «ИПП "Правда Севера"», 2009. 511 с.
11. Новиков А.В. Лешуконые. Архангельск, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2003.
12. Штурмер Ю. По Архангельской области. Изд. «Физкультура и спорт», М., 1967.

THE ROLE OF HISTORICAL ROUTE IN THE RUSSIAN NORTH CULTURAL AND LANDSCAPE SPACE: FOLLOWING ALEXANDER SCHRENK

Yu. Vedenin

vedenin@gmail.com

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Abstract. *The article deals with the historical route Arkhangelsk – Mezen and the role of Alexander Shrenk, the Russian scientist, who gave a detailed description of this territory, covering a wide variety of scientific disciplines: geography, geology, hydrology, biology, economics, ethnography, linguistics, etc. Updating this historical route, identifying its various paths, land routes and winter roads, rivers and channels will create good opportunities for the development of tourism and the inclusion of this region of the Russian North into intensive social and economic activities.*

Keywords: *cultural and landscape space, historical and cultural center, historical path, historical road, historical route.*

For citation: Vedenin Yu. The role of historical route in the Russian North cultural and landscape space: following Alexander Schrenk. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(4):52–72.

Acknowledgments: *the research was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences on the topic of State Assignment No. 0148-2019-0008 (AAAA-A19-119022190170-1) "Problems and prospects of Russia's territorial development in the context of its unevenness and global instability".*

References

1. *Vedenin Yu.A.* Predstavlenie o sushhnosti i strukture opornogo karkasa kul`turnogo prostranstva Rossii // *Nasledie i sovremennost`*. T. 2, № 3. 2019. S. 7–23.
2. *Shulgin P.M. Shtele O.E.* Istoricheskie puti i dorogi kak ob`ekty` kul`turnogo naslediya // *Nasledie i sovremennost`*. 2018, T.1, № 2. S. 95–112.
3. International Charter on Routes. ICOMOS/ Quebec, 2008. <http://whc.unesco.org/en/guidelines>
4. *Okladnikov N.A.* Po starinnomu traktu // *Respublika*, 3, 182 (5059). 23 noyabrya 2013.
5. *Shrenk A.I.* Puteshestvie k severo-vostoku Evropejskoj chasti Rossii. Per. s nem. M.: OGI, 2009. 496 s.
6. *Maksimov S.* God na Severe. Arxangel`sk: Sev.- Zap. Kn. Izd-vo. 1984. 698 s. (https://royallib.com/read/maksimov_serгей/god_na_severe.html#0)
7. Pinezhskij zapovednik / *Shalybkov A.M., Bajderin V.V., Rykov A.M., Goryachkin S.V.* // *Zapovedniki SSSR. Zapovedniki Evropejskoj chasti RSFSR. Ch. 1.* – M.: Izd-vo «My`sl`, 1988. S. 206–223.
8. *Egorova L.* Divnaya Pinega. Arxangel`sk, OAO «IPP "Pravda Severa"», 2007. 584 s.
9. *Sluchevskij K.K.* Poezdka po Severu Rossii v 1885–1886 godax. M.: OGI. 2009. 272 s.
10. *Danilova G.A.* Pinega: ocherki prirody, istorii i kul`tury`. Arxangel`sk, OAO «IPP "Pravda Severa"», 2009. 511 s.
11. *Novikov A.V.* Leshukone. Arxangel`sk, Pomorskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, 2003.
12. *Shtyurmer Yu.* Po Arxangel'skoj oblasti. Izd. «Fizkultura i sport», M., 1967.

Сведения об авторе

Веденин Юрий Александрович, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии Российской Академии наук. Москва, Российская Федерация.
Email: vedenin@gmail.com

Author of the publication

Yuri Vedenin, Doctor of Geography, Professor, Leading research fellow of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation.
Email: vedenin@gmail.com

Дата поступления 20.09.2020
Принята к публикации 10.10.2020

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

УДК 911.3:712

ЛАНДШАФТНЫЙ ПОДХОД В СОХРАНЕНИИ НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ «УГРА»

В.П. Новиков

vp_novikov@mail.ru

Национальный парк «Угра», Калужская область, Россия

***Аннотация.** В национальном парке «Угра» формируется ландшафтный музей, основу которого составляет система мемориальных троп. Они охватывают целостные военно-исторические, событийные ландшафтные комплексы, характеризующие важнейшие объекты и эпизоды боевых действий 1941–1943 годов: от советских плацдармов и полевого аэродрома на реке Угре до командного пункта Западного фронта. На основе хорошо сохранившегося «рельефа войны», архивных документов, с использованием аутентичных материалов в парке восстанавливаются различные фортификационные сооружения и производится обустройство экскурсионных маршрутов.*

***Ключевые слова:** культурный ландшафт, поля сражений, военно-исторические ландшафты и комплексы, военно-мемориальные тропы, Великая Отечественная война, ландшафтный музей «Угра-фронт», национальный парк «Угра».*

***Для цитирования:** Новиков В.П. Ландшафтный подход в сохранении наследия Великой Отечественной войны в национальном парке «Угра». *Наследие и современность.* 2020;3(4):73–92.*

Предыстория формирования военно-мемориального ландшафта

В центре европейской России, в Калужской области с 1997 года существует национальный парк (НП) «Угра» площадью около 100 тысяч гектаров. Главной его особенностью является долинный характер территории, которая включает реку Оку и её левые притоки Угру и Жиздру. Эти реки на протяжении нескольких веков являлись пограничными для Московского государства и выполняли роль естественных природных препятствий в периоды военных конфликтов, становясь порою непреодолимыми «барьерами» и рубежами длительных противостояний. Так было во время московско-литовских войн XIV–XV веков и в пору легендарного Великого стояния на Угре 1480 года [1]. Но самые ожесточённые военные действия на этой реке происходили в период Великой Отечественной войны, с 1941 по 1943 годы. Наиболее насыщенным событиями этого времени и следами кровопролитных боев является юхновский участок парка в среднем течении Угры (рис. 1), где в наши дни формируется ландшафтный военно-мемориальный музей «Угра-фронт» [1; 2].

Рис. 1. Схема расположения военно-мемориальных объектов на юхновском участке национального парка «Угра»

Данная территория выступает как единое поле битвы от оккупации её войсками вермахта до освобождения Красной Армией в ходе второй Ржевско-Вяземской операции. Начало военных действий ознаменовалось здесь ожесточёнными боями осени 1941 года у переправы через Угру на Варшавском шоссе, где немцы были задержаны

отрядом парашютистов-десантников И.Г. Старчака и присоединившимися к ним позднее подольскими курсантами. Активные боевые действия в районе г. Юхнова возобновились во время Московской битвы с января по апрель 1942 года. После неоднократных попыток частям Красной Армии удалось взять Юхнов только 5 марта, а затем они были остановлены на речном рубеже Ресса-Угра-Воря. На этой оборонительной линии протяжённостью более 70 км, заранее укреплённой немцами и получившей название в их оперсводках “*Ugra-stellung*” («позиция-Угра»), советскими войсками было захвачено лишь 5 небольших плацдармов, удерживаемых, в том числе для вывода окружённых под Вязьмой дивизий 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. Упорные позиционные бои, сопровождавшиеся вылазками разведывательно-диверсионных групп, контратаками, массированными артобстрелами и авиа бомбёжками продолжались на Угре и её притоках до марта 1943 года. В полосе боев исчезло и не возродилось после войны более 40 деревень. После отступления гитлеровских войск, на левобережье Угры, в окрестностях д. Козловка располагался командный пункт (КП) Западного фронта, который 3–4 августа посетил Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин. На этом пункте планировались летне-осенние наступательные операции фронта: Орловско-Курская и Смоленская.

Научно-методические подходы к формированию ландшафтно-мемориального музея «Угра-фронт»

Основу экспозиционного пространства ландшафтного музея «Угра-фронт» составляет, прежде всего, хорошо сохранившийся «рельеф войны»: следы разнообразных фортификационных сооружений (многокилометровые линии траншей и окопы со стрелковыми ячейками и огневыми точками, фрагменты колючих заграждений, противотанковые рвы, остатки различных укрытий – блиндажей, землянок, противоосколочных щелей и бомбоубежищ), воронки от снарядов и бомб, рокадные дороги и полевые аэродромы, места размещения наблюдательных пунктов и участки бывших командных пунктов (от полка и дивизии до фронта) (рис. 2). Эти подлинные элементы военных ландшафтов дополняются не менее значимыми прямыми свидетельствами боевых действий: скоплениями военных артефактов и, прежде всего, остатков вооружения в почвенных слоях, обломков самолётов и бронетанковой техники, а также захоронениями и братскими могилами погибших воинов. Подобные составляющие «рельефа войны», подтверждая сам факт сражений, по типологии военно-исторических объектов наследия, предложенной военным историком А.В. Горбуновым, являются *памятниками-свидетельствами* рассматриваемых событий [3; 4].

Рис. 2. Фрагмент сохранившейся немецкой траншеи («Русиновский берег»)

Важным дополнением к таким памятникам на юхновском участке парка служат участки местности, на которых по разным причинам не сохранились следы военных событий, но которые служили ареной этих событий. Прежде всего, это – природные объекты: реки, родники, леса, овраги и т.д. В ряде случаев в данном перечне могут присутствовать и какие-то культурные объекты: исчезнувшие населённые пункты и прилегающие к ним сельхозугодия (урочища), а также бывшие дороги и тропы. Такие участки территории могут считаться косвенными (не прямыми) свидетельствами исторических событий и именуются *памятными местами* (рис. 3). Их историческое содержание подтверждается архивными документами либо существует в ментальной форме – в виде воспоминаний очевидцев или устоявшихся наименований (топонимов).

Рис. 3. Памятное место «Аэродром Павлово»

Наконец, отдельные участки сражений в границах музея «Угра-фронт» отмечены различными мемориальными и информационными знаками (символические монументы, скульптурные памятники, музейные экспозиции, стенды и аншлаги). Подобные сооружения, называемые *памятными знаками*, отмечают местоположение и подчёркивают значение памятников-свидетельств и памятных мест, являясь вторичными по отношению к этим объектам наследия (рис. 4).

Рис. 4. Памятник бойцам Тульского рабочего полка и жертвам немецкой оккупации («Павловский плацдарм»)

До официальной организации НП «Угра» богатое историческое наследие Великой Отечественной войны здесь практически не изучалось и нередко использовалось в утилитарно-меркантильных целях. Натурные исследования на этой территории проводились бессистемно и, в большинстве своём – не контролируемо различными группами поисковиков и «черных копателей», главной целью которых был поиск всевозможных раритетов войны: оружия, армейского снаряжения и наград. Периодически проводившиеся официальные экспедиции «Вахт памяти», объединявшие большое количество участников (единовременно до 100 и более человек) носили преимущественно мемориальный характер и сводились, как правило, к поиску и перезахоронению останков погибших воинов. В силу этого событийная информация, за редким исключением, не накапливалась; многие малоизвестные страницы военной истории оставались плохо изученными и не освещались в научной печати. Собранные вещественные раритеты в основном «растворялись» в частных коллекциях или «всплывали» на черных рынках. Кроме того, хищнические и выполнявшиеся без рекультивации раскопки на местах боев (иногда с подъёмом крупных фрагментов

военной техники), нередко приводили к нарушению и полной утрате первичного «рельефа войны». В таких местах стихийно возникали новые захоронения и мемориалы с установкой разностилевых знаков и обелисков, которые также не давали полезной информации, но всегда содержали подробные сведения об их авторах и спонсорах. Многие делались из благих соображений, но никак не украшало, а скорее искажало исторический ландшафт¹. Вместе с тем, вопросы сохранения, обустройства и музеефикации военно-исторического ландшафта рассматриваемой территории никогда не поднимались.

В 2004 году в НП «Угра» была принята специальная Программа изучения наследия Великой Отечественной войны. Основная цель этой программы – оборудование на территории парка сети объектов и экскурсионных троп, которые могли бы показать своеобразие и раскрыть познавательные возможности военно-исторических ландшафтов и памятников военного времени. В связи с этим программа объединяет как научные задачи, связанные с изучением историографии и самих объектов наследия, так и практические вопросы охраны и восстановления культурных ландшафтов военного периода.

Подготовленная в 2003 году Институтом культурного и природного наследия Стратегия сохранения, поддержания и восстановления культурных ландшафтов НП «Угра» [5] подтвердила исключительную мемориальную ценность его территории и возможность сохранения здесь целостных событийных военно-исторических ландшафтов, а не только отдельных памятников. Основными направлениями деятельности по реализации этой задачи были названы следующие:

- идентификация и инвентаризация военно-исторических ландшафтных комплексов с фиксацией на местности их «мемориальных» границ;
- развитие экспозиционного пространства парка (создание ландшафтных экспозиций) и разработка проектов формирования военно-исторических комплексов – создание экскурсионных троп, установка памятных знаков и информационных стендов, обустройство объектов ВОВ для посещения;
- определение круга заинтересованных лиц и участников реализации проектов формирования мемориальных ландшафтных комплексов, сотрудничество с поисковыми отрядами и контроль их деятельности на территории национального парка;
- рассмотрение вопроса о создании туристско-рекреационного центра, специализирующегося на интерпретации, формировании и продвижении в качестве турпродукта богатого наследия Великой Отечественной войны.

¹Следует сказать лишь о двух значимых объектах, возникших в эти годы: предполагаемом месте гибели генерала М.Г. Ефремова у бывшей деревни Горнее (захоронение воинов 33-й армии осуществлено здесь в 1960 г., памятник установлен в 1988 г.) и мемориальном кладбище в районе Красногорского плацдарма у бывшей деревни Большое Устье (открыто в 1995 г., захоронено свыше 3000 человек) [1].

Таким образом, сегодняшняя программа национального парка предусматривает иные, нежели ранее (до его организации) подходы в работе с военно-историческим наследием. С учётом задач, стоящих перед парком, главное внимание уделяется сохранению всего комплекса объектов этого наследия: от подлинных следов (памятников-свидетельств) до памятных мест в их совокупности и тесной взаимосвязи. Восстановление этих объектов с сохранением их аутентичности и соответствующее экскурсионное обустройство территории позволяет посетителям парка погрузиться в реальную историческую среду, представить и увидеть жестокий «лик» войны, что невозможно заменить никакими символами и знаками. Именно этой цели служит создаваемая в парке система экскурсионных военно-мемориальных троп – основа ландшафтного музея «Угра-фронт».

Вместе с тем надо помнить, что основной компонент военно-исторического ландшафта – его природный фон, составляющими которого являются элементы рельефа, речной сети, растительного и почвенного покрова; к ним привязаны те или иные эпизоды сражений, оборонительные укрепления и другие инженерные сооружения. Эти составляющие образуют ассоциативное пространство ландшафта и лежат в основе *природно-культурного каркаса* [6] территории боевых действий.

Природные элементы имеют важнейшее значение для полей сражений и битв ещё и потому, что они определяют *тактические свойства местности* и непосредственно влияют на расположение боевых порядков и коммуникаций воюющих сторон [7]. Зачастую военно-топографические особенности той или иной территории исторически определяют линии соприкосновения противоборствующих армий и фронтов. И военные события на Угре являются яркой иллюстрацией этого положения: боевые действия 1942–1943 годов разворачивались здесь в основном у речного рубежа Ресса-Угра-Воря, где располагались оборонительные позиции немецких войск и который стал линией фронта на долгие 11 месяцев. Следует отметить также и параллельное данному рубежу простираение основных рокадных дорог противников: Вяземского большака для пехотных дивизий вермахта (52-й, 98 и 260-й) и Гжатского тракта для 43-й и 49-й армий Западного фронта. Значение этой линии не утрачивается и в сегодняшнее время, т.к. она является планировочной осью для всей территории ландшафтно-мемориального музея «Угра-фронт».

Тактические свойства местности, отмечаемые в военно-историческом ландшафте Поугорья, оказывали заметное влияние на организацию и содержание боевых действий. К числу важнейших военно-тактических характеристик этой территории следует отнести её проходимость, условия маскировки, ориентации, наблюдения,

скрытного расположения огневых средств и ведения огня во время боя. Любопытный пример ориентации по характерным элементам ландшафта на отрезке долины р. Рессы, где проходила немецкая оборонительная линия, демонстрирует карта из архива 52-й пехотной дивизии вермахта (рис. 5). На этой карте показаны русла Угры и Рессы, дороги и населённые пункты того времени, многочисленные лесные участки и рощи, а также отдельные сооружения и мелкие элементы рельефа. Практически всем перечисленным объектам присвоены свои собственные названия, связанные с их конфигурацией («ушная петля» реки, «полумесячный» или «шланговый» лес, «сапог» и т.д.), характером почв («песчаный», «болотный»), растений («грибной» лес) или какими-то иными признаками, а также именами и событиями. Одних только лесов обозначено почти 20, а «именных» участков рек и дорог – около десятка. Подобная микротопонимика, основанная на примечательных особенностях рельефа, растительности и других тактических элементах ландшафта, позволяла безошибочно определять местоположение «своих» и «чужих» войск, указывать четкие ориентиры при постановке боевых задач. Точно такие же приемы ориентирования на поле боя практиковались и в Красной Армии. На схемах расположения и в оперативных донесениях частей, воевавших на Красногорском плацдарме у слияния Угры и Вори, отдельным рощам были присвоены наименования «Сапожок», «Фигурная», «Квадратная», «Круглая».

Рис. 5. Местность вдоль р. Рессы на участке обороны 52-й пехотной дивизии вермахта (февраль 1942 г.) – немецкий оригинал (Бундесархив) и его перевод на русский язык

Тактические особенности военно-исторического ландшафта, таким образом, позволяют представить более полную картину расположения войск, способствуют пониманию характера боевых действий, дают возможность правильной оценки как отдельных эпизодов боя, так и общих итогов сражения. Все это необходимо учитывать при изучении, поддержании и восстановлении исторического облика ландшафтов территории «Угра-фронт». Соответственно, в процессе музеефикации данной территории, по возможности, раскрывались и подчёркивались тактические свойства местности, при условии сохранения ее пейзажной привлекательности и зрительных связей между ключевыми элементами военно-исторического ландшафта.

Ландшафт территории «Угра-фронт» предельно историчен, т.к. он связан с достаточно известными событиями Великой Отечественной войны, с конкретными войсковыми соединениями и отдельными людьми, участвовавшими в боевых действиях. Этот ландшафт запечатлел не только материальные следы этой истории, он хранит память обо всех павших в боях. Поэтому, с учётом высокой степени сохранности и подлинности (первичности) большинства его элементов, в процессе организации музея «Угра-фронт» использовались такие приёмы реставрации и реконструкции, которые позволили максимально достоверно отобразить реальные ситуации и обстановку военного времени [8].

В качестве основных документов для восстановления тех или иных объектов использовались многочисленные архивные материалы (карты и схемы, оперсводки и боевые донесения, чертежи, фильмы и фотографии) государственных (Центральный архив Министерства обороны РФ, Российский госархив кинофотодокументов, Бундесархив), музейных (Центральный музей вооружённых сил РФ, Юхновский краеведческий музей и др.) фондов, а также воспоминания ветеранов войны и местных жителей. В ряде случаев воссоздание отдельных фортификаций осуществлялось на основе армейских наставлений, справочников и обзоров военного периода [9; 10 и др.]. Перечисленные документальные источники, таким образом, составили своеобразный *информационный слой* военно-исторического ландшафта.

Восстановление и реконструкция большинства исторических сооружений, как правило, производилась в местах их первоначального нахождения (*in situ*) после тщательного анализа сохранившегося «рельефа войны» и шурфовки вмещающего грунта. Материал для реконструкций использовался тот же, что и в военное время (ошкуренные бревна, жерди и плахи, необрезная доска, металлические скобы и т.п.). Для усиления эффекта восприятия военно-исторического ландшафта на экскурсионных тропах устанавливались муляжи орудий и пулемётов, бетонные «колпаки» ДОТов; на фундаментах деревянных домов сооружались макеты сожжённых изб и разрушенных печей. В большинстве восстанов-

ленных землянок и блиндажей можно увидеть соответствующую мебель (деревянные нары, столы, лавки, оригинальные металлические печи), а в оформлении отдельных интерьеров – форменное обмундирование, оружие и бытовую утварь военного времени.

Военно-мемориальные тропы и объекты экспозиции ландшафтного музея «Угра-фронт»

В составе ландшафтного музея «Угра-фронт» на сегодня оборудовано пять тематических экскурсионных троп протяжённостью от 0,5 до 4 км (рис. 1). Две тропы проложены по советским плацдармам 1942–1943 годов на правом берегу Угры (Павловский и Суковский); «Русиновский берег» там же демонстрируется фрагмент немецкой оборонительной линии этого периода. Тропа «Аэродром Павлово» включает лётное поле и капониры советской бомбардировочной авиации 1941 и 1943 годов. На «КП Западного фронта» восстановлено несколько подземных сооружений этого пункта управления войсками; кроме того, с 2020 года здесь в «рубленном» доме, построенном по чертежам военного времени, функционирует музей, рассказывающий о военных событиях на юхновском участке парка, истории КП и посещении его Верховным Главнокомандующим. Все тропы создавались силами национального парка в период с 2005 по 2012 годы; в последующем они периодически ремонтировались, а в 2016 и 2020 годах дополнились новыми объектами.

Помимо троп и тематически связанных с ними военно-мемориальных объектов в ландшафтном музее оборудовано для посещения несколько одиночных объектов: советский наблюдательный пункт в д. Папаево; археологические городища раннего железного века на берегах Угры и Вори – Косая гора, Русиново, Александровка с траншеями и укрытиями ВОВ. Кроме того, в границах музея имеется 26 братских захоронений красноармейцев и установлено около 10 памятных знаков (без погребений), уход за которыми также осуществляется сотрудниками национального парка.

Военно-мемориальные тропы национального парка демонстрируют разновременные участки боевых действий и фрагменты прифронтовых коммуникаций на Угре и её притоках. Все эти участки характеризуются единым подходом к сохранению военно-исторического ландшафта, сходным навигационным оборудованием и обустройством маршрутов экскурсионного посещения. Для каждой тропы изданы буклеты и проспекты, также обладающие определенным стилевым единством.

Тропа «Русиновский берег» ведёт по ландшафтам немецкой оборонительной линии 1942–1943 годов. Сюда входят просторное поле в широкой излучине Угры, где когда-то располагалась одноименная деревня, и прилегающий к полю покрытый лесом высокий берег реки.

Вдоль берега на многие километры протягивается передовая траншея немецкой обороны. В Русиново реставрирован её небольшой фрагмент, перед которым создано ландшафтное «окно» (в войну деревьев здесь не было), открывающее вид на реку (рис. 6). На противоположном, советском берегу просматриваются восстановленные колючие заграждения одной из частей 49-й армии. Разрубка зарослей берегового склона позволила, с одной стороны, восстановить визуальные связи между важнейшими элементами ландшафта и отразить его общую пейзажность, с другой – показать безусловное на данном отрезке тактическое превосходство немецких позиций.

Рис. 6. «Русиновский берег»: восстановленная траншея переднего края немецкой обороны со стрелковой ячейкой

Но основу обороны 98-й пехотной дивизии вермахта, простиравшейся на глубину до 4 км от берега, составляли 2–4 ряда зигзагообразных траншей и прилегающих к ним укрытий (рис. 2). Лабиринт этих траншей, соединенных ходами сообщения, до сих пор способных укрыть взрослого человека, остается неотъемлемой частью исторического ландшафта этой территории. Здесь же в тылу немецкой обороны, на берегу р. Сижи, полностью восстановлен на остатках первичного сруба один из офицерских блиндажей. В нем две комнаты с нарами, столами, лавками и железной печью, в дни проведения экскурсий оформляемые в духе военного времени (оружием, снаряжением и обмундированием его «постояльцев»).

Однако основные бои в марте 1942 года велись выше по течению реки: вокруг и внутри исчезнувшей деревни. Следы войны здесь не сохранились и первичный ландшафт можно представить лишь по ред-

ким фотографиям и архивным картам. Но сейчас ассоциативный образ этого памятного места дополняет макет немецкой наблюдательной вышки, изготовленный по аналогии с реально существовавшими прототипами [8] и установленный на окраине бывшей деревни (рис. 7).

Рис. 7. «Русиновский берег»: макет немецкого наблюдательного пункта

«Павловский плацдарм» занимал бывшую деревню Павлово с огородами, садами и частью прилегающего поля. Все это пространство (500 x 1000 м) сегодня окутано сетью траншей и ходов сообщения, по которым можно судить о постепенном продвижении красноармейцев вглубь захваченного берега Угры.

Маршрут тропы позволяет увидеть реставрированные окопы противников с «одеждой» из жердей и досок, разделявшие их ряды немецкой колючей проволоки на металлических стойках и деревянные «ежи» советского образца. От немецкого окопа можно спуститься к роднику – им пользовались во время войны обе воюющие стороны, а с видовой площадки обозреть панораму реки и оценить крутизну берега, который нашим бойцам пришлось штурмовать в апреле 1942 года. Далее тропа выводит к бывшей деревенской улице, линия которой подчёркивается фундаментами домов с обожжёнными срубами и трубами разрушенных печей.

Мимо заросшего пруда и рощицы плодовых деревьев можно пройти к советской передовой на границе деревенского поля. Здесь демонстрируются восстановленные жилая землянка (рис. 8), площадка с макетом противотанкового орудия и укрытием для него, наблюдательная вышка, а также фрагменты траншей с огневыми точками для станкового пулемёта и зенитной установки с ручным пулемётом (в кольцевом окопе с тележным колесом). На противоположной стороне поля, у немецкой линии обороны установлен бетонированный ДОТ.

Рис. 8. «Павловский плацдарм»: передний край советской обороны

В историю войны Павловский плацдарм вошёл как одна из последних неудавшихся попыток организации прорыва навстречу окружённым дивизиям 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. В считанных километрах от Павлово врагу удалось ликвидировать остатки этой армии; командарм был ранен и, не желая попасть в плен, покончил с собой. Плацдарм продержался до 8 марта 1943 года, когда немцы отошли от Угры. Общие потери Красной Армии за время его существования составили не менее 2500 человек.

«Суковский плацдарм» при слиянии Угры и Рессы – самый первый из занятых на вражеской территории (6 марта 1942 г.) в результате наступления со стороны Юхнова [11]. Главные силы 18-й гвардейской стрелковой дивизии 49-й армии при этом оставались на правом берегу Рессы у д. Шуклеево (рис. 5). Советские бойцы расширяли этот плацдарм вплоть до осени 1942 года, когда немцы сохранили за собой только треть д. Суковки, потеряли д. Ново-Суковку и полностью утратили обзор на склоны рельефа, обращенные к прилегающим рекам.

Противник неоднократно пытался ликвидировать плацдарм, бросая в атаку до 300 пехотинцев при поддержке танков. Одна из них 21 марта закончилась окружением наблюдательного поста артиллеристов у деревенской школы. Командир группы старший лейтенант П.Д. Хренов, укрывшись в подвале школы, вызвал огонь гаубичной батареи «на себя». Последовал артналёт, уничтоживший более 60 гитлеровцев, но наблюдатели остались живы, а П.Д. Хренову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В отличие от Павловского, вся территория Суковского плацдарма (2x2 км) позднее была спланирована под сельскохозяйственные нужды и практически не сохранила следов войны. Тем не менее, на передней линии плацдарма, установленной по архивным материалам, для экскурсионного маршрута были построены типовые оборонительные сооружения немцев: деревянный вал, заполнявшийся землей или снегом (рис. 9), и траншея с дерево-земляным ДЗОТом. В центре плацдарма оборудована смотровая площадка, откуда открывается вид на окружающую местность. У д. Шуклеево, на позициях главных сил Красной Армии, устроен импровизированный наблюдательный пункт и ещё одна видовая площадка, с которой через перелесок просматривается часть плацдарма.

Единственным памятником-свидетельством в границах Суковского плацдарма могли бы стать кирпичные развалины школы, вероятно, сохранившиеся под землёй. В ближайших планах национального парка – проведение раскопочных работ на этом месте (по результатам предварительных геофизических исследований) и оборудование ещё

одного объекта военно-мемориальной тропы. Ранее, с использованием геофизических методов разведки, в контурах плацдарма было установлено местоположение подземного немецкого бункера.

«Аэродром Павлово» (Лукановский) располагался между одноименными деревнями, исчезнувшими в военные годы. На сегодня здесь осталось лётное поле (бывшая пашня и луг) размером 1х2 км (рис. 3). Вдоль кромки окружающего леса сохранились 25 дугообразных земляных валов-капониров (радиусом 20 м), внутри которых укрывались от осколков и маскировались самолёты (рис. 10).

Рис. 9. «Суковский плацдарм»: реконструкция дерево-земляного вала на линии немецкой обороны

Рис. 10. «Аэродром Павлово»: обваловка земляного капонира для бомбардировщика Пе-2

В начале войны летом и осенью 1941 года аэродром использовался бомбардировочным авиаполком, оснащённым четырёхмоторными гигантами ТБ-3, размах крыльев которых достигал 40 м. Эти тихоходные машины поднимались в небо ночью для дальних рейдов к линии фронта на Днестре и Смоленщине, а также для заброски парашютных десантов в тыл врага (на борту размещалось до 42 бойцов). После оккупации территории на лётном поле остались три бомбардировщика, два из которых уничтожили десантники капитана И.Г. Старчака, прикрывавшие Варшавское шоссе на Угре 5–7 октября, а третий самолёт старшему лейтенанту П.В. Балашову удалось перегнать к Москве и посадить в Тушино.

После освобождения Юхновского Поугорья в марте 1943 года на аэродроме Павлово базировались пикирующие бомбардировщики Пе-2 1-й воздушной армии (именно для них создавались капониры), покинувшие его осенью, после завершения Смоленской операции. В мирное время лётное поле иногда использовалось самолётами сельхозавиации.

«Командный пункт (КП) Западного фронта» у д. Козловка под Юхновом существовал с середины апреля до начала августа 1943 года, когда передовая отодвинулась от Угры на несколько десятков километров к западу. В лесу поблизости от Гжатского тракта, на площади около 160 га было построено свыше 200 наземных и подземных сооружений: от рубленых и щитовых домов до жилых землянок, блиндажей узла связи, противоосколочных щелей и убежищ. Строительство фронтowego КП осуществлялось в течение 57 дней силами нескольких сапёрных подразделений (свыше 2500 человек) [12]. Территория была ограждена трёхрядным забором из колючей проволоки и строго охранялась; все сооружения были тщательно замаскированы, между ними были проложены «колейные» дороги из досок.

Кроме того, в 50 км ниже по р. Угре (у д. Бели) к началу лета был создан запасной пункт меньшего размера (также находится в границах НП «Угра») – он мог быть использован в случае обнаружения и разрушения основного. Юхновский КП был одним из последних, построенных с таким размахом. В последующем, с уменьшением угрозы воздушных бомбардировок, фронтальные управления располагались в основном в населённых пунктах.

На основном КП размещался штаб Западного фронта (не менее 300 человек) во главе с командующим генерал-полковником В.Д. Соколовским. В преддверии Смоленской операции этот пункт посетил Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, который 3 августа провёл здесь совещание о предстоящем наступлении. В послевоенное время визит И.В. Сталина способствовал созданию в данном месте музея, который функционировал с 1949 по 1956 годы как филиал Центрального музея Красной Армии.

Сегодня в лесу, где размещался фронтальной КП, сохранились многочисленные следы различных укрытий с обвалившимися входами и железными бочками от печей, провалы на местах тяжёлых убежищ, остатки фундаментов домов, вросшие в стволы деревьев обрывки колючей проволоки и металлические скобы. На основе архивного генплана этого пункта выявлены его общие контуры, определены места расположения домов командующего и членов Военного совета фронта, установлена территория, которую занимал крупный узел связи из 26 блиндажей (Западный фронт включал в своём составе от 10 до 14 армий). По соседству с нынешним музеем КП на площади около 20 га, где сохранились котлованы подземных сооружений узла связи и сопряжённые с ними ходы сообщения, восстановлены на прежних местах жилая землянка, блиндаж и противоосколочная щель. Кроме того, построен фрагмент «колейной» дороги (рис. 11) и оборудовано укрытие под маскировочной сеткой с военным автомобилем и противотанковой пушкой. Все реконструкции выполнены по чертежам 11-й инженерно-сапёрной бригады Западного фронта, построившей этот командный пункт.

Рис. 11. «Командный пункт Западного фронта»: «колейная» дорога

Установка памятных знаков на военно-мемориальных тропах, пусть даже в связи с конкретными событиями и людьми, не всегда бесспорна и требует осторожного подхода (с точки зрения места, архитектурного облика и общей гармонии с природно-культурным окружением).

ем). Появление памятного знака нередко вносит определённый диссонанс в восприятие военно-исторического ландшафта и не всегда усиливает его мемориальную ценность. Это происходит, например, когда вместо «созвучного» военному времени и ландшафту памятника с простой металлической тумбой и звездой, среди покалеченного войной леса и одичавших яблонь бывшей деревни появляется площадной обелиск из чёрного мрамора с орденом Победы и отмосткой из тротуарной плитки. Или, когда по соседству с ранее устроенным мемориалом на месте гибели известного командарма появляются еще несколько памятных знаков, установленных конкурирующими поисковыми отрядами и претендующих на более точное указание этого места. Подобные примеры можно продолжить, но их уже следует отнести к проблемам управления военно-историческим ландшафтом, что может стать темой другого исследования.

Заключение

Среди многообразия историко-культурных объектов НП «Угра» поля военных сражений и связанные с ними культурные ландшафты занимают одно из главных мест. Наследие Великой Отечественной войны включает здесь широкую палитру памятных событий и хорошо сохранившихся объектов. В ряду других военно-мемориальных ландшафтов Средней России, представляемых известными музеями-заповедниками (Куликово поле, Бородино, Прохоровское поле) поля сражений 1941–1943 годов на р. Угре обладают своими особенностями:

- значительным размером музеефицируемого пространства (около 300 км²) и его долинным характером, что обусловлено наличием протяженного (свыше 70 км) речного рубежа, который стал линией длительного противостояния воюющих армий;

- широким возрастным интервалом военных действий, вместившим несколько разрозненных в пространстве и времени сражений, а также ряд крупных прифронтовых коммуникаций (полевые аэродромы, командные пункты фронта);

- присутствием в военно-историческом ландшафте Юхновского Поугорья, помимо фрагментов различных фортификаций, также следов исчезнувших деревень и древних городищ (VII в. до н.э. – II в. н.э.), оборонительные рвы и валы которых использовались по прямому назначению в годы ВОВ.

В ландшафтном музее «Угра-фронт» в качестве основного технологического способа использования богатого наследия Великой Отечественной войны выступает система тематических военно-мемориальных троп. Кроме восстановленных участков первичного «рельефа войны», на этих маршрутах представлены реконструкции фортификационных сооружений, предметов вооружения, а также объектов гражданского назначения (деревенские избы, колодцы, пруды).

Помимо минимально необходимого навигационного оборудования, экскурсионные маршруты этого ландшафтно-мемориального музея имеют дополнительное обустройство в виде смотровых площадок, визуальных «коридоров» и «окон», что позволяет посетителям полнее представить ландшафтное своеобразие полей сражений. Как показывает недолгий опыт функционирования музея «Угра-фронт», уникальные военно-исторические ландшафты НП «Угра» пользуются большим вниманием и могут иметь всероссийское значение.

Литература

1. Памятники истории и культуры национального парка «Угра». Под ред. В.П. Новикова, 2-е изд. Калуга: НП «Угра», 2014. 260 с.
2. Новиков В.П. Перспективы формирования и развития ландшафтного военно-мемориального музея «Угра-фронт» // Российские рубежи: реки Угра и Жиздра в истории военных противостояний. Калуга: НП «Угра», 2015. С. 178–189.
3. Горбунов А.В. Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие // Культурный ландшафт как объект наследия. М.-Спб., 2004. С. 230–245.
4. Новиков В.П. Память Земли. Ландшафт как свидетельство и как объект мемориализации // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М.: Экоцентр «Заповедники», 2013. С. 157–169.
5. Кулешова М.Е. Культурные ландшафты национального парка «Угра»: стратегия действий // Природа и история Поугорья. Вып. 5. Калуга, 2009. С. 230–241.
6. Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как наследие. Общие представления, актуализация ценности, исследовательские подходы // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М.: Экоцентр «Заповедники», 2013. С. 13–39.
7. Военная топография. М.: Воениздат, 1977. 280 с.
8. Новиков В.П., Коваленко А.С. Музеефикация ландшафтов полей сражения Великой Отечественной войны (1941–43 гг.) в национальном парке «Угра» // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга: Полиграф-Информ, 2012. С. 349–352.
9. Гербановский С. Укрепление местности. Краткий справочник для начальствующего состава. М., 1941. 142 с.
10. Ястребов В.Н. Немецкие полевые оборонительные рубежи (Западный фронт, 1943/43 гг.). М., 1945, 22 с.
11. Коваленко А.С. Суковский плацдарм 1942–43 гг. как памятное место // Природа и история Поугорья. Вып. 7. Калуга: Ноосфера, 2013. С. 220–226.
12. Коваленко А.С. Командный пункт Западного фронта апреля-августа 1943 года // Природа и история Поугорья. Вып. 4. Калуга: Постскрипtum, 2006. С. 225–231.

LANDSCAPE APPROACH TO CONSERVATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR HERITAGE IN UGRA NATIONAL PARK

V. Novikov

vp_novikov@mail.ru

Ugra National Park

Kaluga Region, Russian Federation

Abstract. The Ugra National Park is experiencing a landscape museum formation, based on a system of memorial trails. They cover holistic military-historical, and events'

landscape complexes, characterizing the most important objects and episodes of hostilities of 1941–1943: from Soviet bases and a field airfield on the Ugra River to the command post of the Western Front. On the basis of the well-preserved "war relief," archival documents, use of authentic materials, various fortifications are restored in the park and excursion routes are arranged.

Keywords: *cultural landscape, battlefields, military-historical landscapes and complexes, military-memorial trails, Great Patriotic War, landscape museum "Ugra-front," national park "Ugra".*

For citation: Novikov V. Landscape approach to conservation of the Great Patriotic War heritage in Ugra national park. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(4):73–92.

References

1. Pamyatniki istorii i kul'tury` nacional`nogo parka «Ugra». Pod red. V.P. Novikova, 2-e izd. Kaluga: NP «Ugra», 2014. 260 s.
2. Novikov V.P. Perspektivy` formirovaniya i razvitiya landshaftnogo voennomemorial`nogo muzeya «Ugra-front» // Rossijskie rubezhi: reki Ugra i Zhizdra v istorii voenny`x protivostoyanij. Kaluga: NP «Ugra», 2015. S. 178–189.
3. Gorbunov A.V. Landshaft polej srazhenij: genezis, struktura, razvitie // Kul`turny`j landshaft kak ob`ekt naslediya. M.–Spb., 2004. S. 230–245.
4. Novikov V.P. Pamyat` Zemli. Landshaft kak svidetel`stvo i kak ob`ekt memorializacii // Sel`skie kul`turny`e landshafty`: rekomendacii po soxraneniyu i ispol`zovaniyu. M.: E`kocentr «Zapovedniki», 2013. S. 157–169.
5. Kuleshova M.E. Kul`turny`e landshafty` nacional`nogo parka «Ugra»: strategiya dejstvij // Priroda i istoriya Pougor`ya. Vy`p. 5. Kaluga, 2009. S. 230–241.
6. Kuleshova M.E. Kul`turny`j landshaft kak nasledie. Obshhie predstavleniya, aktualizaciya cennosti, issledovatel`skie podxody` // Sel`skie kul`turny`e landshafty`: rekomendacii po soxraneniyu i ispol`zovaniyu. M.: E`kocentr «Zapovedniki», 2013. S. 13–39.
7. Voennaya topografiya. M.: Voenizdat, 1977. 280 s.
8. Novikov V.P., Kovalenko A.S. Muzeefikaciya landshaftov polej srazheniya Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–43 gg.) v nacional`nom parke «Ugra» // Voprosy` arxeologii, istorii i kul`turny` Verxnego Pooch`ya. Materialy` XIV Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Kaluga: Poligraf-Inform, 2012. S. 349–352.
9. Gerbanovskij S. Ukreplenie mestnosti. Kratkij spravochnik dlya nachal`stvuyushhego sostava. M., 1941. 142 s.
10. Yastrebov V.N. Nemeckie polevy`e oboronitel`ny`e rubezhi (Zapadny`j front, 1943/43 gg.). M., 1945, 22 s.
11. Kovalenko A.S. Sukovskij placzdarm 1942–43 gg. kak pamyatnoe mesto // Priroda i istoriya Pougor`ya. Vy`p. 7. Kaluga: Noosfera, 2013. S. 220–226.
12. Kovalenko A.S. Komandny`j punkt Zapadnogo fronta aprelya-avgusta 1943 goda // Priroda i istoriya Pougor`ya. Vy`p. 4. Kaluga: Postskriptum, 2006. S. 225–231.

Сведения об авторе

Новиков Валерий Петрович, кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный эколог РФ, главный научный сотрудник национального парка «Угра», Калуга, Россия.
Email: vp_novikov@mail.ru

Author of the publication

Valery Novikov, Ph. D. in Geology and Mineralogy, honored ecologist of the Russian Federation, chief researcher at the Ugra National Park, Kaluga, Russian Federation.
Email: vp_novikov@mail.ru

Дата поступления 03.11.2020
Принята к публикации 23.11.2020

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 913.3:520.1

ДРЕВНИЕ АСТРОПУНКТЫ САЯНО-АЛТАЯ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ОБСЕРВАТОРИЙ И ИХ ЛАНДШАФТНЫЙ КОНТЕКСТ

Л.С. Марсадолов

marsadolov@hermitage.ru

Государственный Эрмитаж
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

***Аннотация.** Процесс проведения в древности регулярных астрономических наблюдений часто трудно восстановить по данным археологии и других отраслей науки. Небесные светила, в первую очередь Солнце и Луна, а также созвездия, были составной частью культа Неба, что неизбежно вызывало потребность их познания и согласования своей жизни с их основными ритмами. В данной статье классифицированы и кратко представлены основные древние астропункты Саяно-Алтая, которые могут рассматриваться как предшественники астрономических обсерваторий.*

***Ключевые слова:** археология, астрономия, святилища, Саяно-Алтай, кочевники, классификация, солнце, луна, пункты для наблюдений.*

***Для цитирования:** Марсадолов Л.С. Древние астропункты Саяно-Алтая как предшественники астрономических обсерваторий и их ландшафтный контекст. *Наследие и современность.* 2020;3(4):93–108.*

Введение

Наличие стационарных астрономических наблюдений в древности в большинстве случаев можно зафиксировать по материализованным остаткам результатов таких действий – ориентированным рядам каменных стел, изваяний, выкладок, по наскальным изображениям, по руинам древних святилищ, курганов-храмов и других объектов. Зародившиеся ещё в эпоху палеолита, культы Неба, Светил, Стихий, Животных, Предков, Воинов-Героев, постоянно дополнялись все новыми объектами и обрядами, прошедшими через века и тысячелетия до этнографического времени. Необходимость познания и согласования сакральной и повседневной жизни, ежегодных хозяйственных, со-

циально-демографических циклов кочевников с ритмами основных небесных светил (Солнца и Луны), а также ориентации по созвездиям ночного неба (на Малую и Большую Медведицу, Орион и др.) во время ежегодных перекочёвок и походов на далёкие расстояния, неизбежно приводили к идее создания разных по значению культовых мест и святилищ, связанных с наблюдениями за небесными объектами.

Астроархеологические исследования на древних культовых памятниках – относительно новое направление в мировой археологии, которое начало развиваться в Западной Европе с конца XIX века, а в России только с 1980-х годов. Инструментальное астрономическое изучение объектов в полевых условиях на археологических памятниках, выполненное учёными из крупных городов – Новосибирска, Санкт-Петербурга, Москвы, постепенно обретает всё большее число сторонников в разных городах России – Челябинске, Барнауле, Якутске и др. [1].

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (далее СААЭ ГЭ), начиная с 1997 г., изучала культовые памятники в разных регионах Евразии, относящиеся к различным историческим периодам [2–5]. Современные астрономические расчёты для времени функционирования древних объектов были выполнены в Пулковской обсерватории участниками многих экспедиционных исследований, астрономами В.Л. Горшковым, С.С. Смирновым, В.Б. Капцюг и Н.О. Миллер.

Классификация древних наблюдательных астропунктов

Для того, чтобы более глубоко осознать и проанализировать общие и частные закономерности в выборе мест для святилищ, культовых центров, больших и малых курганов, их назначение и астрозначимость, СААЭ ГЭ в 1987–2018 годах были проведены археологические и палеоастрономические работы не только на Алтае, но и в других регионах Евразии – в Туве, Хакасии, Казахстане, Крыму, Турции и на Северо-Западе России.

Для длительных астронаблюдений при разметке сакрально важных объектов необходимо соблюдение минимальных условий: 1) предварительно выбранная по определённым правилам твердо зафиксированная точка на местности; 2) удобство для постоянных наблюдений; 3) фиксация и сохранение полученных знаний; 4) разработка методов наблюдения и обработки астрофактов; 5) наличие инструментов для астронаблюдений [2–5]. Среди многочисленных культовых памятников, изученных СААЭ ГЭ в ходе многолетних исследований, можно выделить объекты, служившие в древности в качестве постоянных и временных наблюдательных пунктов (табл.).

Указанные в таблице полифункциональные культовые объекты могли использоваться для различных целей, но одной из основных у них была наблюдательная функция за Небом, поиск всё новых связей Солнца и Луны с ландшафтным окружением святилищ.

Таблица

Классификация наблюдательных астропунктов Евразии, изученных Саяно-Алтайской археологической экспедицией Эрмитажа

Функция	Объект	Памятник	Регион
Постоянный (стационарный) наблюдательный астропункт	Скальная яма	Очаровательная, Гёбекли-Тепе	Алтай, Турция
	«Башня»	Очаровательная, Чхомсондэ в Кёнджу	Алтай, Корея
	Грот, пещера	Ак-Баур, Бийке и др.	Алтай
	Каменное сиденье («кресло», «трон»)	Тархата, Семисарт-1, Ак-Баур	Алтай
	Изваяние, стела, «оленный» камень	Адыр-Кан, Юстыд, Туру-Алты, Аржан, Саглы	Алтай Тува
	Врата	Салбык, Тархата, Селеутас	Хакасия, Алтай
	Мегалитические сооружения	Тархата, Селеутас, Салбык и др.	Алтай, Хакасия
	«Отверстия-окна»	Ак-Баур, Бийке	Алтай
	Керексуры	Саглы, Юстыд и др.	Тува, Алтай
	Выкладки, «кольца»	Семисарт, Юстыд, Ак-Баур, Аржан, Саглы	Алтай Тува
	Астрозначимые наскальные рисунки	Ак-Баур, Семисарт-1, Туру-Алты, Адыр-Кан и другие	Алтай
Лунки, «чашечные» углубления	Семисарт, Ак-Баур, Бийке	Алтай	
Временный наблюдательный астропункт	Земляная яма	Семисарт-1, курган № 4; около Большого Салбыкского кургана (БСК)	Алтай, Хакасия
	Центры культовых объектов (больших курганов-храмов, выкладок и т.п.)	Аржан-1, Саглы, Большой Салбыкский курган, Семисарт-1, Бийке	Тува, Хакасия, Алтай

Краткое описание астропунктов

В данной статье рассматриваются такие постоянные пункты для астронаблюдений, как мало изученные скальные «башни», ниши, гроты, «кресла», а также кратко такие астрообъекты, как каменные изваяния, стелы, «оленные» камни, курганы-храмы, обнаруженные в разных регионах Саяно-Алтая и которые частично были проанализированы ранее [2–4].

Вершина горы со скальной ямой как прототип астронаблюдательной башни. На Западном Алтае около посёлка Кольвань, на горе Очаровательной находится скала в виде головы рыбы, зверя или птицы, которая являлась культовым центром святилища [1]. К северу от этого центра были обнаружены два наблюдательных пункта – верхний и нижний. Основной верхний наблюдательный пункт находился на самом высоком месте – в северной части вершины горы (рис. 1: 1). С южной стороны скала имеет форму неприступной подконической «башни» высотой более 10 м (рис. 1: 2) и забраться наверх легче всего по «ступенькам» (слоям-выступам) с северной стороны. Наверху «башни» находится плоская площадка с естественной ямой¹ (рис. 1: 3). Функция ямы могла быть определена её местонахождением на самой высокой точке горы Очаровательной. Из неё открывается круговая панорама, не заслоненная никакими объектами (скалами, лесом, искусственными сооружениями), радиусом не менее 20–25 км. В восточной части площадки, в 1,5 м от края этой каменной ямы обнаружены 4 небольшие ямки-лунки (диаметр до 20–30 см, глубина 5–10 см). Самая большая лунка находится на линии, указывающей на момент восхода солнца в день весеннего и осеннего равноденствий, а также на астрономическую точку востока.

В России «астробашни» только начинают изучаться, но использованные в древности для астронаблюдений башни автор видел на острове Сардиния и в Южной Корее (обсерватория Чхонсондэ в Кёнджу). В западной части древнейшего мегалитического святилища Гёбекли-Тепе в Турции находится скальный выход с рядом больших и малых ям, вокруг которых расположено большое число «чашевидных» углублений (рис. 1: 4–5).

Следует отметить, что изображения созвездий передавались в древности по-разному – в виде ямок-лунок-точек («чашевидные» углубления), знаков и рисунков животных, предметов, антропоморфных изображений и т.п. На Алтае зафиксированы все эти три способа фиксации реальных созвездий (рис. 1–3).

¹ В верхней части она имеет округлую форму, диаметром до 1,4 м, её стенки сужаются книзу, глубина до 0,6 м; дно плоское, диаметром около 0,8 м.

Вертикальные скальные ниши как стационарные наблюдательные астропункты. Основным пунктом для астрономических наблюдений в древности в Семисарте на Алтае был выбран легко доступный северный склон горы [3]. Перед наблюдателями на юге находилась середина противоположащей большой горы, а также легко обозревалось лежащее внизу урочище. Если посмотреть на этот скальный выход с восточной или с западной сторон, то сбоку и спереди видна «ступенчатость» (рис. 2: 1). Эта скала с наблюдательными пунктами в целом близка в плане к ступенчатым зиккуратам древности, часто используемым для астрономических целей.

В южной части скальных выходов зафиксировано два наблюдательных пункта – нижний и верхний (рис. 2: 2). Нижний пункт наблюдений легко доступен, а к верхнему можно добраться только с восточной стороны, по тропинке со своеобразными «ступеньками-выступами», ведущими к нему по склону горы. Эти пункты состоят из трёх-четырёх находящихся рядом скальных ниш, с вертикальными боковыми стенками, которые, возможно, были подправлены в древности (рис. 2: 3–4). В наблюдательных пунктах ощущается физическое удобство и однозначность расположения тела, ибо находиться там продолжительное время можно только строго в определенном положении (рис. 2: 4), при котором один из краёв ниши отсекает часть поля зрения и образует направление, которое можно лишь слегка изменить поворотом или наклоном головы. Из этих астропунктов можно фиксировать движение солнца днем и луны ночью [3]. Функциональное назначение каждой ниши было строго специализировано и определено её положением на скале. Например: из одной ниши можно наблюдать только точки восхода Солнца и Луны на востоке; из другой – только точки их захода на западе; из третьей – только южную часть горизонта и т. д. Сидя или стоя, можно также наблюдать горизонтальное и вертикальное перемещения небесных тел (рис. 2: 4–6). При длительном наблюдении узкий сектор обзора (если смотреть вдоль стенок вверх) позволяет видеть сравнительно быстрое движение на первый взгляд неподвижных созвездий, отдельных крупных звёзд и планет. Во время экспедиции в 1991 г. было отмечено очень эффектное движение луны над большой горой, вершина которой расположена точно на юге (рис. 2: 6). Антропоморфные личины, наскальные рисунки и округлые лунки обычно наносились на наиболее значимых для древнего человека участках скалы и на стенках ниш наблюдательных пунктов (рис. 1: 1, 3). Можно предположить, что отдельные скопления лунок на стенах ниш наблюдательных пунктов изображают ряд созвездий, а разметка использовалась для их фиксации.

Каменное сиденье («кресло», «трон») как наблюдательный астропункт. С каждым годом увеличивается число объектов, которые можно интерпретировать как стационарные «сиденье-кресло-трон»

для постоянных астронаблюдений. В восточной части мегалитического комплекса в Тархате на юго-восточном Алтае находится камень, напоминающий своей формой «трон-кресло» (рис. 1: 6) [3, рис. 12]. Высокая вертикально расположенная часть этого камня («спинка трона») почти полностью покрыта петроглифами с изображениями разных животных. Ныне «кресла-троны» известны на Алтае, в Хакасии, на Северо-Западе России и в других регионах мира (рис. 2: 7–8). На этих объектах из камня часто нанесены «чашевидные» углубления, изображения в виде животных, знаков и астрономических символов.

Выполненные в камеральных условиях астрономические расчёты для нижнего наблюдательного пункта указали одно из направлений на вершину горы в западной части урочища Семисарт. Во время экспедиции 1995 г. автор проверил это направление и нашёл углубление-сиденье в нижней части скального выхода². Из пункта на горе восход солнца и луны на востоке виден гораздо раньше, чем из нижнего наблюдательного пункта. Во время работы на нижнем пункте наблюдений в 1995 г., расположенном на северном склоне горы, автор услышал голоса участников экспедиции, зарисовывающих скалу на вершине западной горы. Хотя по прямой между этими участками более 200 м, можно было легко переговариваться и подавать сигналы голосом.

Если в Туру-Алты на Алтае и на святилище Тамгалы в Казахстане пока точно не установлено, для каких целей могли использоваться акустические возможности местности, то в Семисарте голосом или условными знаками «астронаблюдатели» могли предупреждать друг друга о моменте восхода или захода солнца в астрономически важные дни, когда, например, фиксация места на местности первого или последнего солнечного луча над горизонтом решается в течение нескольких мгновений или секунд.

Грот/пещера как наблюдательный астропункт. Площадка перед входом в пещеру, также как и скальный грот иногда служили в качестве наблюдательных астропунктов, вероятно, ещё с эпохи палеолита. В ходе работ СААЭ ГЭ такие астропункты были исследованы в гротах Бийке и Ак-Баур на Алтае. Ак-Баур – сложный комплекс разновременных объектов на Западном Алтае, среди которых выделяется грот с 82 наскальными рисунками, выполненными красной краской [2]. Писаницы в основном расположены на противоположной от входа стене и частично на потолке грота (рис. 3: 1–2). Округлое отверстие размером около 90 см (1/2 сажени=кулаша) на потолке грота – постоянная точка для наблюдений за солнцем и ночным небом (рис. 3: 1). С восточной стороны на краю отверстия имеется подтреугольный выступ-мушка, вероятно, подправленный руками человека. Отверстие

² Высота «сиденья» – 35 см; ширина – 80 см; глубина – 30 см. Над «сиденьем» находится округлая лунка, диаметром 10 см и глубиной 5 см.

с мушкой использовалось и для фиксации движения основных созвездий ночного неба после захода солнца. Важность изображения четырёхугольника с крестом в центральной части грота была подчеркнута рядом расположенным рисунком человека (рис. 3: 2). Если современный наблюдатель, также как и древний, ляжет на спину на полу грота около этой точки, то изображение козла, показанного на стене в «перевернутом вверх ногами виде», при взгляде вверх будет в «нормальном положении» – ногами вниз.

В целом, вероятно, композиция рисунков в гроте Ак-Баур отражала реальный участок звёздного неба, в который входили созвездия Большой Медведицы («Ковш»), Дракона, Близнецов, Козерога и другие (рис. 3: 2, 3). Отдельные звезды и их скопления-созвездия изображали в виде точек, линий, простых и сложных крестов, треугольников и других фигур. В рисунках грота Ак-Баур представлена не полная картина неба, а частичная, но важная именно для юго-западной ориентации этого объекта. На стене грота изображены не «неподвижные» реальные созвездия, а скорее их зрительно-образное восприятие, переданное путём геометрической разметки (рис. 3: 1) – своеобразное соединение мировоззренческих основ с математикой и астрономией в единое целое [2].

Древние святилища Саяно-Алтая

В зависимости от доминирующего окружающего ландшафта, святилища и культовые места в древности могли сооружаться как на горных склонах, так и в широких межгорных долинах. Сооружение почти каждого нового культового центра было длительным и многоэтапным. Объекты закладывались в специально выбранных точках и в определённое время. Этот процесс требовал больших знаний, материальных ресурсов и затрат. Одно дело – открытие нового сакрально значимого для союза племён ритуального центра, а другое – небольшие племенные или родовые культовые места.

У кочевых народов Саяно-Алтая были крупные культовые центры союзов племен – большие курганы-храмы Аржан-1 в Туве и Салбык в Хакасии; большие и средние по размерам племенные ритуальные центры – Улуг-Хорум (Южная Тува), Юстыд, Туру-Алты, Тархата (Юго-Восточный Алтай), Семисарт, Чуйский комплекс у скалы Адыр-Кан, Бийке (Центральный Алтай), Майэмир (Западный Алтай), центры в Монголии и в других районах [2–4].

Крупные культовые центры в обширных долинах больше тяготеют к пограничным районам – юго-восточному Алтаю и Южной Туве (Юстыд, Саглы) и, вероятно, являются северной окраиной могущественной культуры керексур и «оленных» камней, основная территория которой находится в Монголии. На большие праздники, возмож-

но, съезжались представители соседних и далеких регионов со своим опытом сооружения святилищ или проведения ритуальных действий, что приводило к обмену опытом мастерами и созданию новых ритуалов и объектов («оленных» камней, наскальных рисунков и т.п.) [3].

Святилища – это сложный комплекс разновременных объектов, в который входят как вертикально установленные каменные объекты («оленные» камни, стелы, врата, менгиры), так и разнообразные горизонтальные объекты – керексуры, выкладки, «кольца» и другие сооружения, а также наскальные рисунки и сакрализованный окружающий ландшафт. К выбору места для святилища предъявлялись определенные довольно строгие требования – к топографии и планиграфии объектов, их связям с определенными формами горного рельефа, при этом большое внимание уделялось высоте гор на горизонте [2–4]. Древние наблюдатели обычно «привязывали» астрономически важные моменты восхода и захода светила к постоянным «реперам» в окружающем ландшафте, в первую очередь к наиболее заметным горным вершинам. В центре святилища на равнине в качестве своеобразного алтаря ставился самый большой «оленный» камень, изваяние или стела с изображениями (рис. 3: 4–5). Верхняя часть изваяния уходила в небо, средняя – была ориентирована на восток, на восход солнца в дни равноденствий, а нижняя – опущена в землю, в подземный мир.

Большие курганы-храмы

При сооружении курганов-храмов Саяно-Алтая учитывали их геостратегическое положение в регионе, а также основные направления на восходы и заходы Солнца и Луны в астрономически значимые дни.

«*Центр Азии*» ныне расположен в городе Кызыле в Туве, но на космическом снимке этого региона видно, что район Кызыла не образует в плане геометрической фигуры с чётко выраженными очертаниями и там известно очень небольшое число исторических памятников. В 70 километрах к северу от современного центра Азии расположена довольно компактная, четко выраженная, подтреугольная в плане, Турано-Уюкская котловина, ограниченная со всех сторон горными хребтами. В центре этого «треугольника» скорее осознанно, чем случайно, воздвигли в конце IX в. до н.э. самый большой в Саяно-Алтае курган Аржан-1, раскопанный экспедицией М.Х. Маннай-оола и М.П. Грязнова в 1971–1974 гг. Диаметр каменной насыпи этого кургана достигал 120 м, а высота – до 4 м (рис. 3: 8). «Царь и царица» (вождь союза племён и его жена или наложница) и ещё 8 человек были захоронены в центральной, наиболее сакральной части кургана. Углы внутреннего и внешнего срубов в центре кургана также были связаны с направлениями восхода-захода Солнца и Луны в астрономически значимые дни. Дополнительные погребения людей расположены в противоположных точках: на северо-востоке (1–2 человека) – самой высокой

точке восхода летнего солнца и на юго-западе (4 человека) – самой низкой точке захода в день зимнего солнцестояния. Число коней, погребённых в отдельных камерах кургана Аржан-1, также отражает определённую календарную символику. Наибольшее количество захороненных лошадей находится в восточной части кургана: $30 + 30 + 15 + 3 + 12 = 90$ коней = 3 месяца. Всего в Аржане-1 погребено около 160 коней + 15–20 хвостов коней под полом центральной камеры = около 180 = полгода. В целом курган Аржан-1 является не только сложным погребально-поминальным объектом, но и своеобразной «моделью мира» древних кочевников Центральной Азии, а деревянная конструкция из срубов напоминает планиграфию более раннего поселения Аркаим и кургана Синташта на Урале.

Центр Древней Хакасии. В 1954–1956 гг. экспедиция С.В. Киселёва раскопала Большой Салбыкский курган в центральной части Хакасии (рис. 3: 6–7). Этот курган является самым крупным мегалитическим объектом в Сибири, для сооружения которого были использованы огромные камни из более древних святилищ. Астроархеологические исследования, проведенные экспедицией под руководством автора в 1990-е годы на этом кургане, показали, что сакрально-научные представления у тагарцев 2500 лет назад были гораздо сложнее, чем ранее предполагали археологи [4]. Основная могила в кургане смещена в западную половину объекта, а центр продолжительное время оставался свободным, что позволяло проводить длительные астрономические наблюдения, а затем установить высокие вертикальные каменные стелы ограды в значимых точках, соответствующих астрономически важным дням. Конструкция каменной ограды кургана свидетельствует, что при её планировке углы кургана были ориентированы по Луне, а восточный вход – по Солнцу в дни равноденствий. На плитах кургана, которые находились на линиях основных астрономических направлений, обнаружены знаки в виде кругов, полумесяцев и других фигур (например, знак = в точке захода солнца в дни равноденствия) (рис. 3: 7). В Салбыке правитель был погребён в яме (символе Земли, Смерти), отделённой красноватой глиной от деревянного сруба-усыпальницы, накрытого сверху малой белоснежной пирамидой из брёвен, покрытых сверху берестой (символе Жизни). Временное деревянное ограждение позднее заменили постоянной каменной оградой красновато-телесного цвета (Символом Вечности, Жизни, Крови). Большая, сложная по структуре, зелёная сверху, земляная насыпь пирамидальной формы была устремлена вверх – в Небо, через Смерть к новой Жизни (рис. 3: 6) [4].

При более детальном изучении материалов было выявлено, что в древности на разных по назначению объектах гораздо чаще использовали прямую сажень (по-тюркски – «кулаш»), равную около 178–180 см, что соответствовало среднему росту человека и расстоянию между размахом вытянутых горизонтально рук взрослого человека, от боль-

шого пальца одной руки до большого пальца другой. На этот размер была вырыта основная могильная яма и сделан сруб для погребения вождя в Салбыке, сооружена временная деревянная ограда и выровнен верхний край горизонтально установленных каменных плит ограды. Не исключено, что разметка ряда изображений на скалах и в гротах производилась с помощью мерной верёвки с узелками, расположенными на расстоянии в 30 (фут-нога) – 60 – 90 (1/2 сажени) и 180 см (рис. 3: 1).

Земляная яма как временный наблюдательный астропункт (за пределами ограды кургана). В процессе раскопок Большого Салбыкского кургана в Хакасии в середине 1950-х годов экспедицией С.В. Киселева с восточной стороны от «Врат» каменной ограды был обнаружен объект, который был назван «землянкой №2», но там не было следов проживания.³

Интересно отметить, что размеры земляных ям в Салбыке в Хакасии и около кургана № 4 в Семисарте на Алтае сравнимы⁴. Вероятно, более обширная яма около элитного большого кургана в Салбыке была предназначена для 2-х, а около небольшого кургана в Семисарте – для одного астронаблюдателя. В Салбыке яма, находящаяся против Врат кургана, была ориентирована длинной осью на восток, на восход Солнца, а в Семисарте – на юг и, вероятно, была в основном связана с наблюдениями за Луной, всходящей и заходящей за большой горой в южном секторе горизонта.

Временный характер пунктов в Семисарте и в Салбыке вполне объясним – земляные ямы использовались для предварительных и дополнительных астронаблюдений, а затем забрасывались, когда были сооружены постоянные каменные ограды, внутри которых в центре также находились свои временные наблюдательные пункты, засыпанные при сооружении насыпи курганов [3–4].

На археологических памятниках очень редко встречаются переносные приборы для астронаблюдений. В кургане № 4 Семисарта, кроме стационарных вертикальных каменных визиров в виде «столбика» и плиты с ромбическим отверстием, было найдено два типа ручных переносных приборов из камня и рога. В северной части насы-

³ Размеры этого подвального сооружения небольшие: по линии В-З – 3,6 м сверху и 3 м – в придонной части, а по линии С-Ю – 2,7 м вверху и до 2 м около дна. Стенки объекта с западной, северной и южной сторон почти отвесные; с восточной стороны – пологие, и, вероятно, там располагался вход. Глубина объекта – до 0,8 м, с небольшим понижением-ямкой в центральной части, рядом с которым были найдены остатки дерева и заострённая каменная плитка.

⁴ По линии С-Ю протяженность обеих ям составляет около 2,7–2,8 м, что в древней системе мер составляло 12 пядей = 6 локтей по 45 см или 1,5 сажени = кулаша по 1,8 м. По линии В-З яма в Салбыке более чем в 2 раза шире (3,6 м = 2 с.), чем в Семисарте – до 1,5 м. Глубина обеих ям небольшая – до 0,7–0,8 м, что удобно для длительных наблюдений в положении сидя.

пи этого кургана был найден каменный предмет “ψ”-образной формы, длиной около 15 см, толщиной до 3 см, удобный по размерам для держания в руке при работе. Верхний конец предмета расширен в виде рогульки с двумя выступами и заострённой «мушкой» посередине (рис. 2: 2-В). Внутри центрального каменного ящичка находился роговой предмет-«визир», своеобразный прообраз подзорной трубы и телескопа (рис. 2: 2-А).

Вероятно, первые переносные визиры появились ещё в эпоху палеолита – это так называемые роговые «жезлы» жрецов или жрецов с круглыми отверстиями или изгибами в верхней части. Даже в древнем Египте при астронаблюдениях в основном использовали отвес и визир из дерева с прорезью вверху (рис. 2: 2-С). Переносные навигационные визиры были нужны для ограничения угла зрения наблюдателя при выборе места для святилищ и более точного размещения объектов по одной линии, при установке постоянных или временных деревянных и каменных реперов, а также для наблюдений за звёздами и их перемещением.

Заключение

Вышеперечисленные святилища и наблюдательные астропункты, вероятно, в разное время играли различную роль в жизни древних кочевых племен, имели различные культовые функции и общественное значение, что не исключает преемственности, культурных контактов и взаимовлияний [2–4]. Даже кратко рассмотренное небольшое число из ныне известных археологических материалов свидетельствует о высоком уровне познаний древних кочевников в астрономии, математике (счёте и геометрии), планиграфии, метрологии, медицине и сакральном ландшафтоведении.

Древние жрецы, по образному выражению Дж. Фрэзера «учёные древнего мира», могли показать рядовым кочевникам наиболее важные созвездия и обучить их основам астрономических знаний, прежде всего, при подготовке и проведении ритуальных действий. Они наблюдали за основными моментами восхода и захода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий, зимнего и летнего солнцестояний, а также за основными фазами высокой и низкой луны.

Большое количество разнообразных по цвету, форме и назначению объектов – вертикально и горизонтально установленные камни, выкладки, лунки, курганы-храмы, керексуры, каменные изваяния, наскальные изображения, астрономические пункты наблюдений, часто образовывали определенную сложно организованную систему (святилище или культовое место), отражающую сакральные взаимоотношения человека с окружающим его ландшафтом и Космосом. Иногда сложная разметка между разными по размерам каменными объектами позволяет видеть в них своеобразных предшественников ныне широко известных азиатских «садов камней» [3].

Почти на всех святилищах Саяно-Алтая прослежена общая закономерность в размещении культовых объектов: один конец линии ориентирован на вершину горы или горный снежник, а другой конец линии – на межгорную западину или относительно ровное место. При сооружении новых объектов на святилищах постоянно учитывали связи с окружающим ландшафтом, основанные на запоминающихся ярко выраженных оппозициях типа: верх – низ и вершина – западина. «Указательными знаками» такой сакральной разметки служат четко выраженные линии, образуемые последовательно расположенными объектами. Разметку и размещение культовых памятников часто производили не за один год, а для более глубокого осознания связей между бинарными оппозициями вмещающего ландшафта постоянно дополняли все новыми объектами. В наиболее важных точках и на пересечениях разметочных линий сооружались стела, выкладка, обо, курган, керексур и другие объекты [3–4].

Стационарные наблюдательные астропункты в их взаимосвязи с другими видами синхронных культовых объектов являются, с одной стороны – предшественниками астрономических обсерваторий, а с другой стороны – важной составляющей для реконструкции мировоззренческих представлений, общей сакральной и астрономической «модели мира», культурной, социальной, политической и этнической истории древних кочевых племён Саяно-Алтая II–I тысячелетий до нашей эры.

Литература

1. Археoaстрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции (15–18 октября 1996 г.). М., 1996. 159 с.
2. Марсадолов Л.С. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // *Астрономия древних обществ*. М., 2002. С. 228–234.
3. Марсадолов Л.С. Отчёт об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2007. Вып. 5. 278 с.
4. Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010. 128 с.
5. Миллер Н.О., Марсадолов Л.С., Дементьева А.А. Формирование предпосылок развития астрометрии у древних кочевников Алтая // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 185–194.

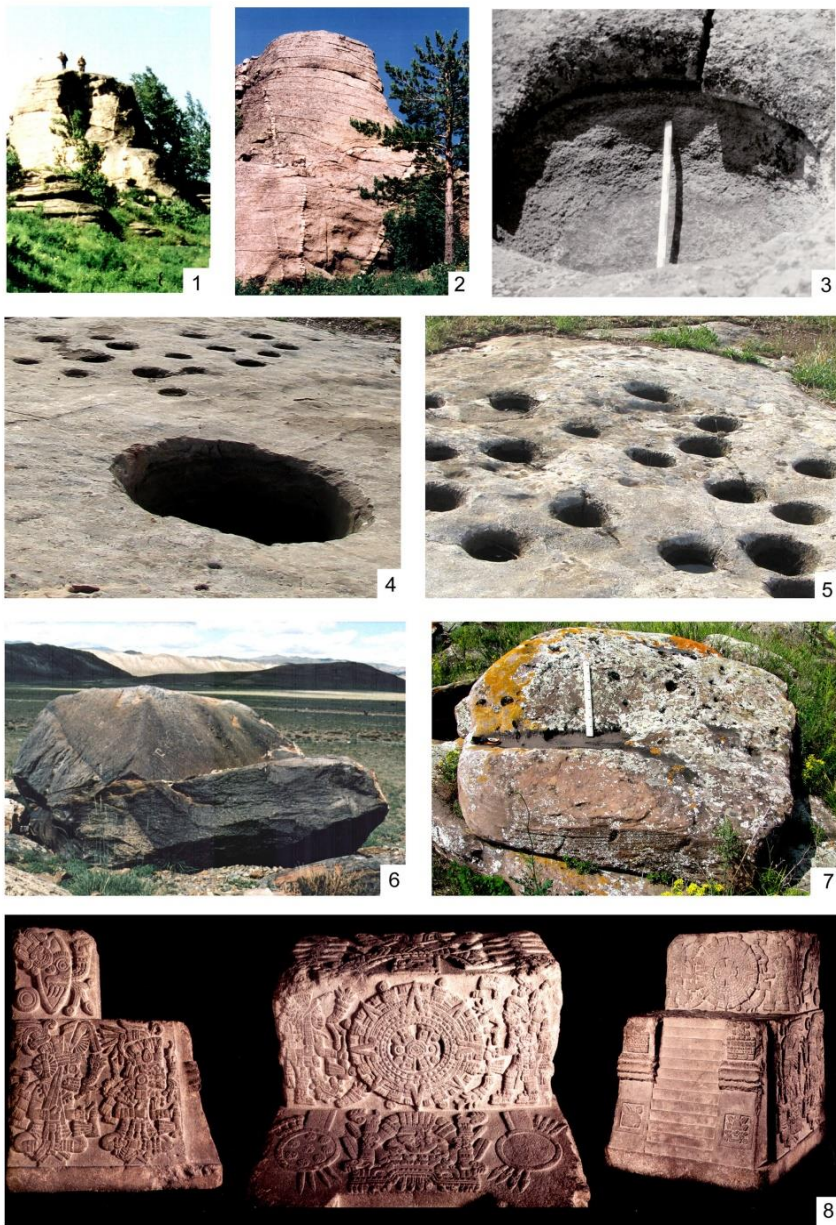

Рис. 1. Археологические памятники и объекты, которые могли использоваться в древности для астрономических наблюдений или отражают астросимволику: 1–3 – Западный Алтай, гора Очаровательная, скальный выход – «башня», верхний наблюдательный пункт: 1 – вид с Ю-В стороны, 2 – вид с Ю-З стороны; 3 – вид скальной ямы на верхней площадке «башни»; 4-5 – Турция, Гёбекли-Тепе, X тыс. до н.э., скальный выход с ямой (4) и «чашевидными» ямками (5); 6 – Ю-В Алтай, мегалитический комплекс Тархата, «кресло-трон» с наскальными изображениями животных на спинке; 7 – Хакасия, около Абакана, «кресло-трон» с «чашевидными» ямками; 8 – Мексика, «кресло-трон» с астрономической символикой (высота 1,23 м)

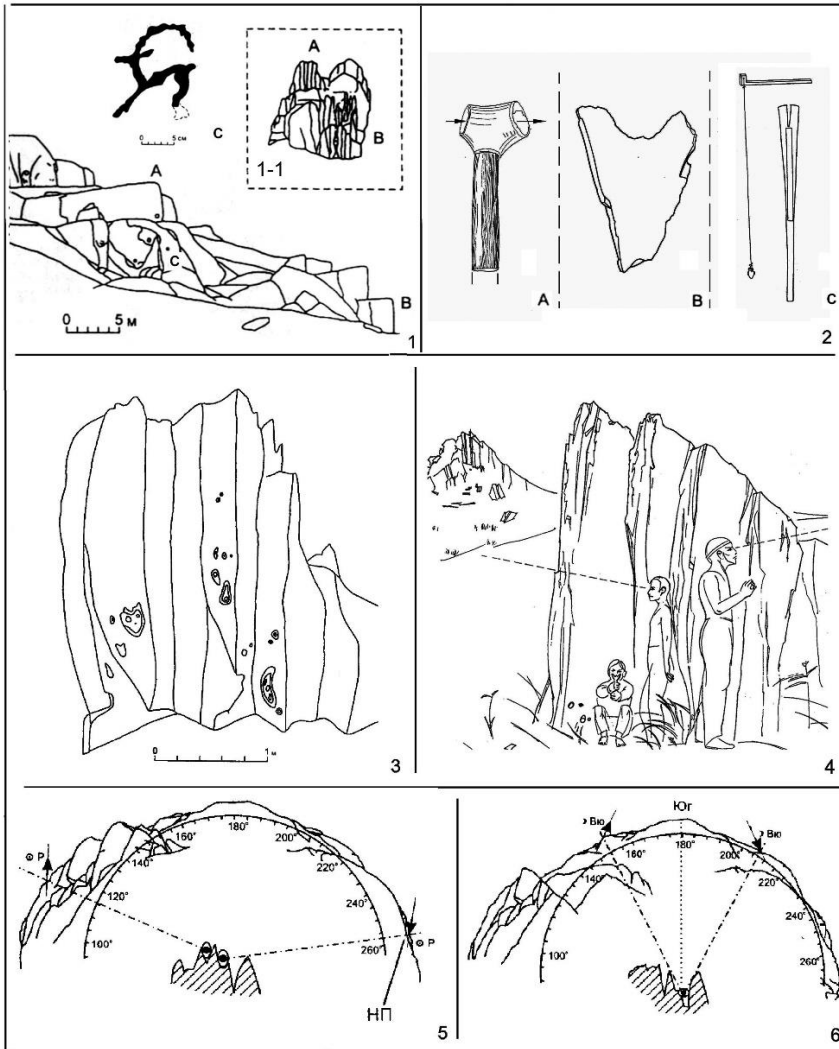

Рис. 2. Центральный Алтай, урочище Семисарт:

1– общий вид части скального останца с астропунктами с западной стороны, 1-1 – с южной стороны (А – верхний наблюдательный пункт; В – нижний пункт; С – наскальный рисунок горного козла); 2 – переносные древние астрономический приборы (А– реконструкция предмета из рога с отверстиями, возможно, использованного для ориентирования и визирования, Семисарт, курган 4, VIII-VII вв. до н.э.; В – каменный визир с мушкой в центр, Семисарт, к-н 4; С – отвес с грузиком и деревянный инструмент-визир, Древний Египет); 3 – общий вид скальных ниш с личинами и рисунками нижнего астропункта «В»; 4 – реконструкция процесса астрономических наблюдений из разных скальных ниш на нижнем астропункте в Семисарте; 5 – восход и заход солнца в дни равноденствий, видимый из ниши нижнего астропункта «В» (НП – наблюдательный астропункт на западном склоне урочища); 6 – восход и заход высокой луны над южной горой, видимый из верхнего астропункта «А»

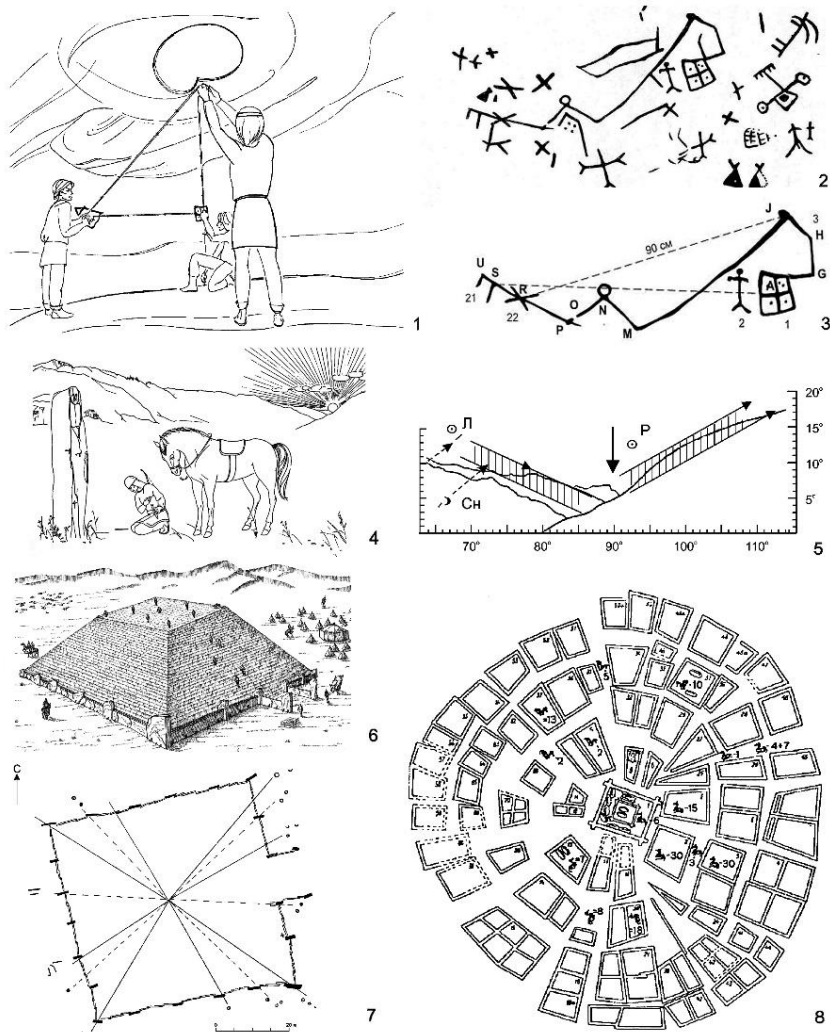

Рис. 3. Разные типы стационарных наблюдательных астропунктов:

1–3 – Западный Алтай, грот Ак-Баур: 1 – реконструкция начального периода при разметке изображений, показаны связи основных рисунков с выступом-мушкой на краю отверстия в потолке грота (длина стороны равностороннего треугольника при разметке равна 180 см = 1 прямая сажень = 1 кулаш); 2 – прорисовка изображений, выполненных красной краской на северной стене грота (фрагмент древней карты звёздного неба); 3 – схематичный рисунок созвездия Дракона в центральной части рисунков на стене грота; 4–5 – Центральный Алтай, святилище Адыр-Кан: 4 – реконструкция поклонения каменному изваянию на восходе солнца в день весеннего равноденствия (VIII в. до н.э.); 5 – фрагмент восточной части астропанорамы с восходами солнца и луны; 6–7 – большие курганы-храмы: 6–7 – «Центр Хакасии», Большой Салбыкский курган (VII в. до н.э.): 6 – реконструкция процесса сооружения кургана; 7 – план каменной ограды с нанесёнными направлениями восходов и заходов Солнца (пунктиром) и Луны (сплошная линия) в астрономически значимые дни; 7 – «Центр Азии», курган Аржан-1, Тува (VIII в. до н.э.), план деревянных конструкций и захоронения 180 коней (символ Солнца)

**ANCIENT OBSERVATION ASTROPOINTS OF SAYAN-ALTAI
AS PREDECESSORS OF ASTRONOMICAL OBSERVATORIES**

L. Marsadolov

marsadolov@hermitage.ru

The State Hermitage Museum
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. *The process of conducting regular astronomical observations in antiquity is often difficult to recover according to archeology and other branches of science. Heavenly bodies, first of all the Sun and the Moon, and also constellations, were component parts of the Sky cult, which caused necessity to learn more about them and to coordinate peoples' lives with their basic rhythms. This article has classified and briefly reviewed the main ancient astropoints of Sayan-Altai, which can be considered as predecessors of astronomical observatories.*

Keywords: *archeology, astronomy, sanctuaries, Sayan-Altai, nomads, classification, sun, moon, observation points.*

For citation: Marsadolov L. Ancient observation astropoints of Sayan-Altai as predecessors of astronomical observatories. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(4):93–108.

References

1. Arxeoastronomiya: problemy` stanovleniya. Tezisy` dokladov mezhdunarodnoj konferencii (15–18 oktyabrya 1996 g.). M., 1996. 159 s.
2. Marsadolov L.S. Astronomicheskij aspekt grota Akbaur na Zapadnom Altae // *Astronomiya drevnix obshhestv*. M., 2002. S. 228–234.
3. Marsadolov L.S. Otchyot ob issledovanii drevnix svyatilishh Altaya v 2003-2005 godax. Materialy` Sayano-Altajskoj arxeologicheskoy e`kspedicii Gosudarstvennogo E`rmitazha. SPb., 2007. Vy`p. 5. 278 s.
4. Marsadolov L.S. Bol`shoj Salby`kskij kurgan v Xakasii. Abakan, 2010. 128 s.
5. Miller N.O., Marsadolov L.S., Dement`eva A.A. Formirovanie predposy`lok razvitiya astrometrii u drevnix kochevnikov Altaya // *Teoriya i praktika arxeologicheskix issledovaniy*. Barnaul, 2008. Vy`p. 4. S. 185–194.

Сведения об авторе

Марсодолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Российская Федерация.
Email: marsadolov@hermitage.ru

Author of the publication

Leonid Marsadolov, doctor of cultural science, leading research fellow of department of Eastern European and Siberian archaeology of the State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation.
Email: marsadolov@hermitage.ru

Дата поступления 14.04.2020
Принята к публикации 17.05.2020

РУССКАЯ УСАДЬБА КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО: на примере «Ясной Поляны» Л.Н. Толстого

М.Е. Кулешова

culturalandscape@mail.ru

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Русская усадьба является характерным феноменом русской культуры, оказавшим значительное влияние на образы России и формирование её культурного ландшафта. В то же время в списке объектов, представляющих Россию во всемирном наследии, этот культурный феномен ещё никак не представлен. На примере усадьбы Л.Н. Толстого Ясная Поляна рассмотрены основные, имеющие универсальное значение, ценности этой территории. Представлены свидетельства взаимосвязи и взаимообусловленности её природных и культурных характеристик. Сделано заключение о полном соответствии территориального комплекса критериям отнесения объектов к всемирному наследию ЮНЕСКО.

Ключевые слова: русская усадьба, Ясная Поляна, всемирное наследие, культурный ландшафт, критерии ценности, достопримечательное место, музей-заповедник.

Для цитирования: Кулешова М.Е. Русская усадьба как перспективный объект всемирного наследия ЮНЕСКО: на примере «Ясной Поляны» Л.Н. Толстого. *Наследие и современность.* 2020;3(4):109–127.

Преамбула

В середине 2000-х годов мне представился случай провести предварительное исследование усадьбы Ясная Поляна с целью включения этого объекта в число претендентов в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. По результатам была составлена Предварительная заявка, но поддержки ответственных инстанций и дальнейшего развития она не получила. К сожалению (а иногда и к счастью) не все проекты и намерения удаётся осуществить сразу. Всемирно известный «Озерный край» в Великобритании «прорывался» в Список всемирного наследия почти 30 лет. Последующие посещения Ясной Поляны (мне знакомы эти места с раннего детства) только подтвердили – этот усадебный культурный ландшафт имеет все основания быть объектом всемирного наследия ЮНЕСКО.

До нашего времени целый ряд усадеб сохранился именно благодаря их историко-мемориальной ценности, их связью с жизнью и творчеством выдающихся поэтов, писателей, художников. Некоторые усадьбы были воссозданы из небытия после лихих революционных потрясений и войн, другие сохранились благодаря самоотверженным заботам членов их семей – как Ясная Поляна или Поленово. Важно то, что жизнь и творчество этих персон были неразрывно связаны с их «кормящим» ландшафтом – усадьбой.

Усадьба является важным феноменом русской культуры и отражает один из этапов её становления, следовательно включение образцов этой культуры в Список всемирного наследия ЮНЕСКО от России – вопрос формирования достоверного репрезентативного культурного образа страны на мировом уровне, который пока ещё далёк от своего разрешения. До сих пор Россия не выдвигала такого рода объектов, что требует осмысления и анализа – а есть ли среди российских феноменов наследия такой, который удовлетворял бы критериям выдающейся универсальной ценности, предъявляемым к объектам всемирного наследия?

Знакомство с Ясной Поляной

Номинационное досье претендентов на включение в Список всемирного наследия начинается с общей характеристики объекта и его местоположения. Ясная Поляна – старинная помещичья усадьба с прилегающими к ней обширными угодьями и поселениями, родовое гнездо всемирно известного русского писателя и мыслителя, графа Л.Н. Толстого. С этой усадьбой связана основная часть его творческой биографии, здесь он родился в 1828 г. и здесь же в 1910 г. был похоронен. Здесь он создавал литературные шедевры, реализовывал хозяйственные проекты, преобразовывал ландшафт и влиял на всё культурное пространство вокруг. После смерти Л.Н. Толстого, благодаря усилиям его родственников, весь историко-культурный и природный комплекс усадьбы был сохранен, а затем поставлен на государственную охрану с присвоением усадьбе статуса музея-заповедника. История усадьбы с окрестностями, её структура и эволюция представлены в работах исследователей и мемуаристов [1–4].

Расположена усадьба в исключительно живописной местности в центре Русской равнины, в приграничье зоны широколиственных лесов и лесостепи, в 15 км западнее Тулы, среди невысоких холмов, разделяемых долинами небольших речек, оврагов и балок, в окружении полей, лугов, деревень, массивов коренных широколиственных лесов с господством дуба и липы и, в посадках, – березняков. Район усадьбы попадает в полосу так называемых лесных засек – системы древних лесных массивов, служивших препятствием и защитой от вражеских нашествий со стороны степей в XIV–XVI вв. В то время лесные массивы этой полосы тщательно оберегались от вырубок и распашки, и многие из них сохранились до настоящего времени, в частности – в границах усадьбы и её окрестностях. Полоса Тульских засек хорошо просматривается на космических снимках. В Ясной Поляне наиболее полное представление о них даёт старовозрастный Чепыж – этот лес на памяти Л.Н. Толстого не рубили, что определяет его исключительную научную и мемориальную ценность. В то же время лес Заказ, получивший своё имя с петровских времён, когда заказные леса стали выделяться как

особо ценные, и приобретший особое мемориальное значение после смерти Толстого, вырубался несколько раз, о чём сохранились документальные свидетельства [5]. Это хороший пример этимологической инверсии топонимов: заказной лес предполагает его особый статус и сохранность, а чапыж, напротив – заросли кустарников и поросли, согласно терминологическим словарям [6].

Исследователи давно отмечают орографическое своеобразие Ясной Поляны, которая как «остров с расчленёнными берегами, окружённый со всех сторон низинами с речками, ручьями и протоками. С запада и севера их обтекает ручей Кочак и река Воронка, с востока и северо-востока ручей Ясенка с оврагами, на юге провальное озеро и болотца, сливающиеся весной в сплошной водоток» [7]. Действительно, с южной стороны эрозионные отвершки ручьев Кочака и Ясенки берут начало в просадочных формах рельефа, они замыкают усадьбу в своеобразное орографическое кольцо (рис. 1). Провальные формы рельефа распространены благодаря близкому подстилянию осадочных пород известняками.

Рис. 1. Долина речки Ясенки. Рисунок И.В. Волочковой

Гидрографическая сеть дополнена многочисленными рукотворными прудами по ручьям и речкам, а также колодцами на выходах родников. Так, в самой усадьбе сформирован каскад из четырех прудов, есть колодец в ельнике на спуске к Воронке, в д. Ясная Поляна популярностью пользовался Кислый колодец, а за пределами усадьбы особо предпочитаем семьёй Толстых был Батюшкин колодец в д. Грумант [8]. Карбонатность пород в значительной мере определяет плодородие земель и высокое флористическое разнообразие неморальных и лесостепных экосистем, а также высокий уровень эрозионного рас-

членения рельефа. Другой геологической особенностью местности, повлиявшей на её хозяйственное развитие, является близкое залегание железорудных глин – по сей день в яснополянских лесах встречаются кучи шлака с керамическими соплами от мехов, возраст которых составляет несколько сотен лет; примитивная добыча руды отмечалась ещё Л.Н. Толстым в Лимоновском лесу [4].

С юга к усадьбе «прислонилась» одноименная деревня, вторгаясь на склоны Большого Яснополянского пруда, с севера усадьба открывается в природу – в леса, луга и на речную долину, с запада и востока её ограничивают эрозионные врезы ручьёв и лесные массивы. Главная планировочная ось – аллея Прешпект, подводящая от въездных башен к дому-музею, занимающему центральное положение в усадьбе (рис. 2).

Рис. 2. Усадебный дом Л.Н. Толстого и его семьи. Рисунок И.В. Волочковой

Другая организующая (параллельная) ось ведёт от дома Волконского к реке Воронке и уходит за реку в леса. Она соединяется с Прешпектом усадебной дорогой и аллеей. Сама Воронка служит планировочной осью, на которую нанизаны лесные и луговые уголья поместья. А ближе к центру проходит ещё одна важная дорога-ось, пролегая от пашни за Чепыжом к развилке на спуске к реке Воронке, подводя к могиле писателя в самом планировочном центре усадьбы, и далее превращается в еле заметную тропу, утрачивая свою доминирующую

роль. При Толстом она называлась Купальной дорогой и вела опять же к Воронке, к мосту через неё, за которым по левому берегу – дорога на Грумант (рис. 3).

Рис. 3. План усадьбы «Ясная Поляна», размещенный при входе в неё (<http://ypmuseum.ru/>)

Усадьба не имеет явных планировочных доминант (таким был старый дом, проданный Л.Н. Толстым), её пространство организуют семантические центры (мемориальный дом Л.Н. Толстого, его могила, дом Волконского), аллеи и дорожки, каскад прудов. С неё не открывается и дальних панорам, за исключением видов на спуске к реке Воронке и видов с её восточных рубежей, с Плотского Верха и с западного пограничья, с борта Кочаковского ручья у Подкапустника. Одна из особенностей этой усадьбы – та роль, которую выполняет древесно-кустарниковая растительность в ландшафте усадьбы и окрестностей. Эта усадьба «занавесилась» разнообразными зелёными кулисами, а её пейзажные сцены при лужайках, цветниках и прудах имеют камерный, не парадный характер (рис. 4). И ещё специфичен её пульсирующий, не статичный характер: лесные массивы приходят на место пашням и лугам, растут и вырубаются, отрастают вновь. Прешпект встречает гостей то еловым, то берёзовым своим убором. Переносится пасека. Подрубаются липы в Клипах и отрастают вновь. Смелое проектирование в лесной части усадьбы уравнивается тщательным сохранением некоторых компонентов парковой части, связанных с семейными преданиями.

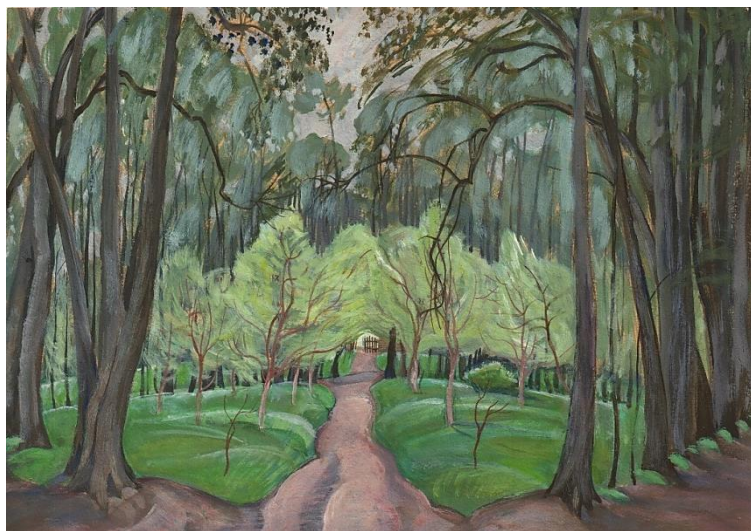

Рис. 4. В парке «Клины». Картина И.В. Волочковой

Топосная структура усадебного комплекса

Ландшафт усадьбы с окрестностями отличается высокой мозаичностью, выразительной пластикой рельефа и многоплановостью открывающихся панорам с усадебных пограничий. Сама усадьба, занимающая более 400 га земель, представляет собой редкий по своей репрезентативности образец усадебного культурного ландшафта, массово распространенного в XIX – начале XX века и к настоящему времени в основном утраченного. Здесь прекрасно сохранились все наиболее характерные элементы типичной помещичьей усадьбы: господский дом с хозяйственными и жилыми постройками, система аллей, система прудов, регулярный и пейзажный парки, обширные плодовые сады, оранжерейное хозяйство, пахотные земли, луговые угодья, коренные и посаженные леса, ручьи и овраги, дороги и тропы. Все они обладают собственными топонимами и в совокупности образуют полноценную топосную структуру, что является уникальным явлением, ни одно мемориальное поместье не может похвастаться такой чётко фиксируемой идентификацией пространственных локусов исторических угодий (рис. 5).

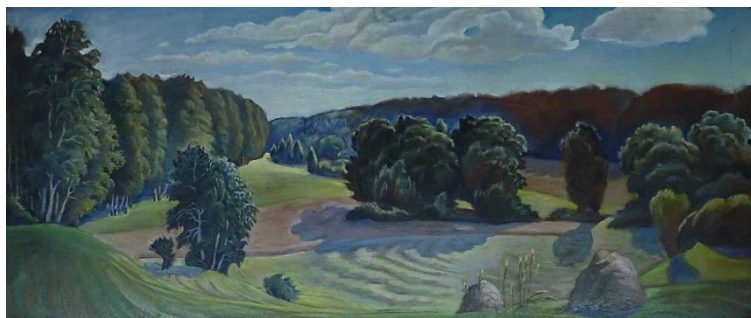

Рис. 5. Долина реки Воронки, Калинов луг. Картина И.В. Волочковой

В разных литературных и проектных источниках состав усадебных топосов несколько отличается [2; 4; 9; 10], но важно то, что все они непосредственно связаны с биографией и творчеством Толстого, многие объекты и уголья непосредственно сформированы им либо семантически наполнены биографическими и литературными ассоциациями. Из их состава видно, какое исключительное значение имели леса в жизни этого имения – их наименования занимают примерно половину перечисляемых топонимов, они численно и по площади доминируют (рис. 6). Частотность именованности определённых местоположений, как мы предполагаем, должна указывать на предпочтения актора (личности или общества) и их роль в текстуре и структуре ландшафта. Интересна площадная динамика ландшафта: из примерно 600 га угодий яснополянского поместья около 400 га было передано крестьянам по волеизъявлению Толстого, за семьёй оставалось около 200 га, а при организации музея-заповедника ещё 200 га были возвращены в её границы, и теперь мемориальная территория составляет порядка 400 га. Из них около двух третей – это лесопосадки, в которых преобладает берёза, а в оставшейся трети примерно равные доли занимают садово-парковый комплекс усадьбы с постройками, пашни и небольшие по площади, но индикативные по характеру распределения луга.

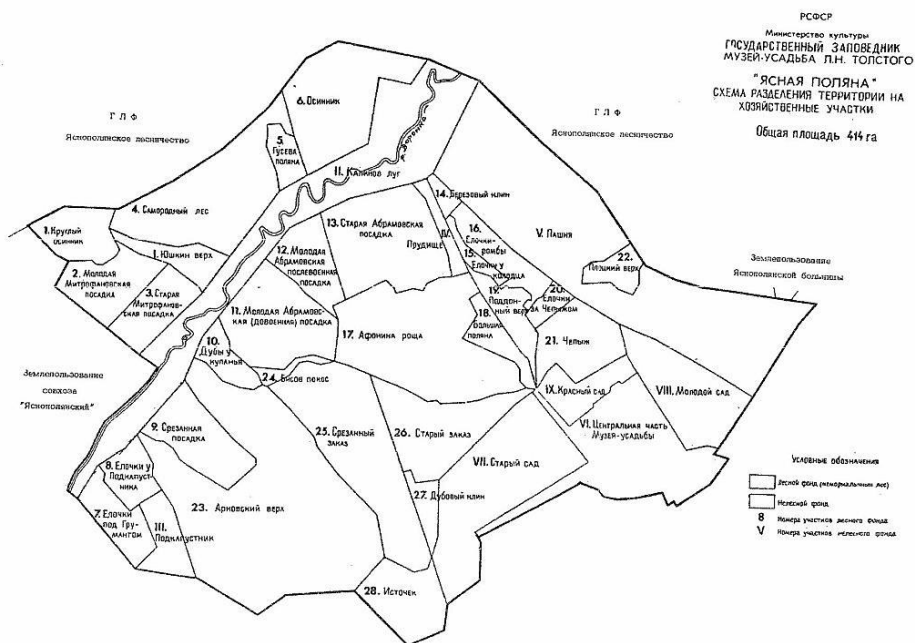

Рис. 6. Система топосов-угодий яснополянского поместья. Из материалов рекомендуемых принципов мемориализации насаждений [10]

Литературный портрет ландшафта (картина места)

В литературных произведениях Л.Н. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина», «Хаджи-Мурат», «Начала», «Утро помещика», «Воспоминания» и др.) запечатлены картины мест, которые его окружали. Эти места узнаваемы и сегодня в культурном ландшафте Ясной Поляны. Данный ландшафтный комплекс служит живой иллюстрацией к образам и событиям, созданным великим литературным гением, а также обширному эпистолярному наследию писателя и близких ему людей. В толстовском литературном и эпистолярном наследии ландшафт представлен двумя способами:

- а) точное предметное описание ландшафтных составляющих;
- б) личностное переживание, ассоциируемое с местом, временем года, звуком, ландшафтным элементом как небо, облако, дерево.

Пример первого – начальные страницы повести «Хаджи-Мурат», с колоритным описанием лугового разнотравья и пахоты. Или – сцены охоты на вальдшнепов в романе «Анна Каренина» с описанием леса, таяния земли, роста трав, щебета птиц, пролётов ястреба, уханья филина, звёздного неба. Или – поездка в деревню Грумант в «Воспоминаниях» по дороге мимо Старого и Молодого Заказов, с весёлыми спусками и подъёмами, мостом через Воронку, домом с садом в Груманте, студёным колодезем в леске у оврага, молочными угощениями, знакомыми радостными лицами и радостью бытия. Примеры второго способа ландшафтной презентации также пронизывают всё творчество писателя. Это и стремление обрести «зелёную палочку», которую следует признать «духом места» в Старом Заказе, и размышления князя Болконского перед казалось бы неживым, а потом ожившим дубом в романе «Война и мир» (в усадьбе распространены две формы дуба, различающиеся началом срока вегетации в 3 недели [5]), и романтические письма к жене из Ясной Поляны, передающие восторг перед красотой этого места в описании ночных концертов соловьёв, хоров лягушек, тишины, запахов, светотени густо одевшихся берёз Прешпекта, зарослей незабудок и глухой крапивы. Живой, реальный, подвластный тактильному ощущению усадебный ландшафт – катализатор восприятия и усвоения мыслей Толстого адресатом, и в этом одна из важнейших его функций. Ландшафт обладает множеством черт и особенностей, зафиксированных Толстым, и задача актуального управления им – сохранить всё то, что определяет дух и настроение этого места (рис. 7).

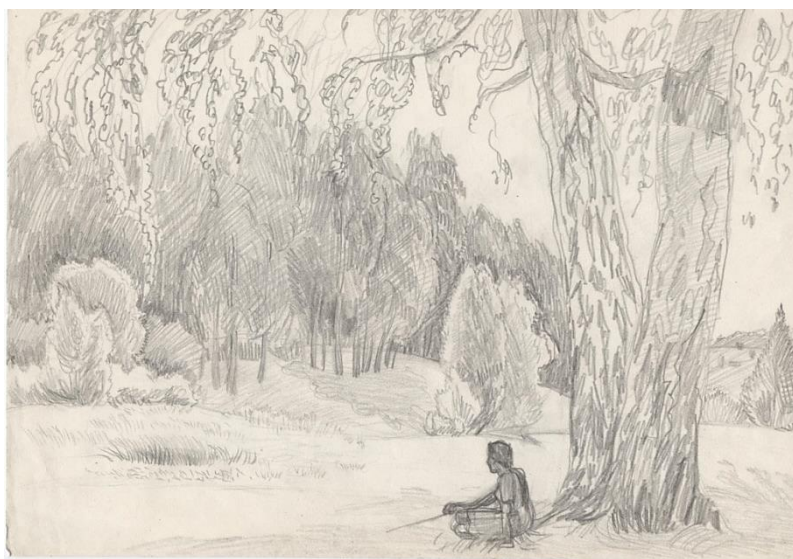

Рис. 7. На северном пограничье имения, склон к р. Воронке.
Рисунок И.В. Волочковой

Поддержание исторически значимых дидактических и хозяйственных функций

Помещичьи усадьбы России во многих случаях выполняли роль активных культурных центров, оказывавших существенное воздействие на развитие прилегающей сельской местности и являющихся местом культурного обмена и распространения новых идей [11]. Ясная Поляна – уникальный культурный и духовный центр, ставший таким благодаря гуманистическим идеям Л.Н. Толстого. Поиск достойного жизненного пути, гармонии с окружающим миром, умение чувствовать и понимать окружающую природу и сопереживать всему живому – эти умонастроения закономерно отразились на сфере управления ландшафтом. Важно отметить, что просветительские функции усадьбы (устройство школы для крестьянских детей, избы-читальни, амбулатории доктора Д.П. Маковицкого) были унаследованы музеем-заповедником и поселением, где детский сад, детский дом, школа, больница тесно связаны с фамилией Толстых и историей музея-усадьбы. Усадьба продолжает оказывать дидактическое воздействие на людей, которые живут в историческом ландшафте её окрестностей и продолжают формировать его.

Граф Л.Н. Толстой относился к помещикам, чья хозяйственная активность была очень высока и воплощалась в различных формах ландшафтного обустройства. И.С. Тургенев досадовал, что это отвлекает писателя от литературных занятий, но творчество Толстого свидетельствует, что эти занятия приносили радость и вдохновение, и нашли себе место на страницах его произведений, писем и размышлений. В усадьбе и на прилегающих угодьях занимались садоводством,

пчеловодством, земледелием, коневодством, оранжерейным хозяйством, и другими сельскими практиками, в результате чего сформировались и поддерживались основные параметры культурного ландшафта. В свою очередь ландшафт этот был воистину «кормящим», по выражению Л.Н. Гумилёва.

Плодовые сады занимали обширные площади и отличались исключительным сортовым разнообразием. С сада площадью в 10 га, доставшегося ему в наследство, Толстой учетверил площадь садовых насаждений, засадив участки пашни, прилегающие к парку. Здесь выращивались титовка, боровинка, харламовка, апорт, бель, белый налив, коробовка, арабское, плодовица, анис, мирончик, розмарин, аркады, кальвиль, зеленка, а более всего – антоновка, скрижапель, коричное, бабушкино, грушовка [5]. Сады приносили доход, сдавались в аренду под сбор яблок. Но особое значение имела лесоводческая деятельность графа.

Усадьба находится в полосе засечных лесов, на границе лесов и степей. Сокращение лесных площадей в пограничных условиях экотона уже тогда вызывало озабоченность, и Л.Н. Толстой осуществил грандиозный план преобразования принадлежавших ему земель – засадил лесами многие поля и залежи общей площадью около 180 га. При этом на площади в 140 га производились рубки до 1889 г. с последующим лесовосстановлением и на площади в 85 га – впоследствии, до 1910 г., из них многие – повторно [7; 12]. В первую очередь облесению были подвергнуты экологически уязвимые местоположения – по верховьям оврагов и балок (Плоцкий верх, Арковский верх, Поддонный верх), по крутым склонам эрозионных врезов водотоков. Это коренным образом изменило облик ландшафта. Основные лесные массивы в окружении усадьбы – результат творческого целеполагания одного человека, которому значительную помощь и поддержку оказывала в его начинаниях его жена С.А. Толстая. В посадках Толстой предпочитал берёзу – видимо, за скорость её роста, позволяющую прижизненно насладиться великолепием её светлых рощ и иметь запасы древесины, прибыль от продажи которой на тот момент была более весомой, чем от выращивания зерновых культур на пахоте (рис. 8). Но были в лесопосадках и ель, любимая Софьей Андреевной Толстой, и, немного – дуб, ясень, сосна, лиственница. В 30-е годы XX века обсуждался вопрос о лесохозяйственных перспективах усадьбы [7], тогда было принято решение о постепенном восстановлении коренных широколиственных лесов, характерных для данной местности с её преимущественно серыми лесными почвами. Это сложные неморальные биоценозы, где наряду с дубом и липой в древостоях присутствуют ясень, вяз и клён, в подлеске – рябина, черёмуха, лещина, жимолость, бересклет, травяной покров представлен эфемероидами и неморальным разнотравьем [5].

Рис. 8. Выход к пашне. Рисунок И.В. Волочковой

Хозяйственные функции усадьбы сохраняются по настоящее время и поддерживаются музеем-заповедником на площади более чем 400 га. Осуществляется программа восстановления ценных сортов яблонь в обширных яснополянских садах. Продолжаются занятия пчеловодством, оранжерейным хозяйством, осуществляется уход за парком, есть конный двор, поддерживаются флористическое разнообразие и продуктивность полей и лугов. Хозяйственные функции усадьбы являются значимым ландшафтообразующим фактором, представляют историко-культурную ценность и должны учитываться в программах сохранения и развития ландшафтного комплекса (рис. 9).

Рис. 9. В яблоневом саду. Картина И.В. Волочковой

Связи с окрестностями

С именем Л.Н. Толстого связаны многие места в Тульской области, в ряде из них образованы филиалы музея-заповедника «Ясная Поляна», в частности в родовых имениях Никольское-Вяземское, Покровское, Пирогово, принадлежавших родственникам Л.Н. Толстого и находившихся за несколько десятков верст от Ясной. Вместе с усадьбой они образуют единую мемориальную систему и в то же время представляют самостоятельную ландшафтную ценность. Писатель любил прогулки и регулярно посещал эти места, но более частым было посещение ближайших окрестностей и деревень Груманта, Телятинков, Кочаков, Грецовки, станции Рвы, станции Козлова Засека и др. Грумант – это яркие и радостные воспоминания детства. Кочаки – восхищение красотой церковных служб, переживание смерти близких людей, упокоенных на фамильном некрополе. И Кочаки, и Телятинки, и Грумант находятся в пешей доступности от усадьбы, соединяясь с ней лесными и полевыми дорогами и имеют прекрасные перспективы туристского развития при грамотном ландшафтном планировании и управлении.

Особый интерес в связи с биографией Л.Н. Толстого имеет бывший уездный город Крапивна, где граф исполнял обязанности мирового посредника, и где сохраняется типичный городской ландшафт старорусского поселения конца XIX века. Это поселение не было искажено современной застройкой и представляет собой редкий образец городских планировочных масштабов, пропорций, форм и дизайна, характерных для эпохи, в которой жил Л.Н. Толстой.

По соседству с Ясной Поляной расположено урочище «Косая Гора» – уникальный горнозаводской комплекс, основные сооружения которого были воздвигнуты во второй половине XIX века, а в первой половине XX, в советское время, реконструированы. Знакомство с заводом и условиями жизни рабочих произвели на Л.Н. Толстого весьма удручающее впечатление. Тем не менее, это соседствующая с усадьбой антитеза – индустриальный ландшафт, яркая и очень выразительная в ландшафтном и архитектурном отношении иллюстрация к истории горнодобывающей и сталелитейной промышленности в России.

Соответствие усадебного ландшафта требованиям ЮНЕСКО

По типологии культурных ландшафтов ЮНЕСКО ландшафт Ясной Поляны и окрестностей являет собой пример комплексности, где полноценно представлены рукотворный, эволюционировавший и ассоциативный типы при ведущем значении мемориальных ценностей.

Выдающаяся универсальная ценность культурного ландшафта Ясной Поляны состоит в том, что он является, с одной стороны, репрезентативным, наиболее полным образцом ушедшего в прошлое типа культуры – культуры русской усадьбы, а с другой стороны, благодаря ряду исторических обстоятельств, продолжает своё существование и сохраняет присущие ему исторические функции – духовные, социальные, хозяйственные. Это уникальный пример одновременно живой и музеефицированной русской усадьбы. Духовное и литературное наследие Л.Н. Толстого значимо для всего человечества, и тем большей ассоциативной ценностью обладает культурный ландшафт, многие черты которого сформированы благодаря усилиям этого гения русской литературы. Ландшафт запечатлел в себе образы, события и факты, связанные с его драматической биографией.

Культурный ландшафт усадьбы Ясная поляна с окрестностями *удовлетворяет следующим критериям*, установленным в Руководящих указаниях ЮНЕСКО [13]:

- (iii) Ясная Поляна – уникальное по своей сохранности свидетельство исчезнувшей в начале XX века русской помещичьей усадебной культуры, уникальный для России пример преемственности управления, назначения и облика дворянской усадьбы, дающий полноценное представление о жизни исчезнувшего к настоящему времени дворянского сословия;

- (v) Ясная Поляна – выдающийся по своей репрезентативности пример организации усадебного ландшафта и традиционного землепользования, характерного для русской дворянской усадебной культуры и русской деревни XIX века, практически утраченных в XX веке в результате необратимых социальных катаклизмов;

- (vi) Ясная Поляна в своей комплексности и отдельных элементах ассоциируется с важнейшими событиями биографии великого русского писателя Льва Николаевича Толстого, его идеями и литературными произведениями, сформировавшими *genius loci* этого уникального для русской культуры места и оказавшими огромное влияние на умозрения российского общества и всего человечества.

Дополнительные ценности. Кроме параметров универсальной, мировой ценности, Ясная Поляна обладает и иными достоинствами. Это редкое и яркое произведение усадебного лесоводческого искусства, созданное по замыслу Л.Н. Толстого в результате обширных лесопосадок на принадлежавших ему землях. Целенаправленное облесение обширной территории, создание своеобразного лесного каркаса значительно увеличило мозаичность и разнообразие ландшафта, улучшило экологические параметры среды и усилило лирические акценты русского пейзажа, запечатлённого в известных литературных произведениях Толстого. В усадьбе с окрестностями хорошо представлены коренные широколиственные леса (дуб, ясень, клён, липа), от-

личающиеся высокой репрезентативностью в отношении неморальных биоценозов, уязвимых под влиянием антропогенных изменений окружающей среды на южной границе зоны широколиственных лесов.

Значительные площади усадьбы (40 га, из них 30 га посажено Л.Н. Толстым и его родными на месте бывшей пашни) занимают плодовые сады, замечательные тем, что здесь сохраняется и воспроизводится высокое сортовое разнообразие яблонь, что можно рассматривать как сортовой рефугиум рода *Malus*. Экстенсивный характер традиционных сельскохозяйственных работ в угодьях усадьбы и окрестностей способствует сохранению высокого биоразнообразия квазиприродных травяных экосистем, сформировавшихся в результате многовековой земледельческой деятельности.

Аутентичность и целостность. Культурный ландшафт усадьбы Ясная Поляна полностью удовлетворяет таким требованиям ЮНЕСКО, как подлинность и целостность, его аутентичность – одно из ключевых достоинств данного объекта, выгодно выделяющее его из ряда российских аналогов. Все основные постройки на территории усадьбы, интерьеры, планировка садов и парков, мозаика лесов, полей и лугов являются подлинными, сохранившимися со времени жизни и деятельности Л.Н. Толстого. Застройка прилегающих деревень несколько изменилась и это создаёт определённые проблемы, которые предстоит решать, поскольку данный процесс требует соответствующих регламентаций. Планировка населённых пунктов сохранила исторические параметры.

Целостность усадебного ландшафта обеспечивается наличием всех необходимых составляющих его индикаторных элементов – от построек усадьбы до угодий поместья, а также достаточными размерами территории, которая отличается геосистемным единством, обилием функционально-исторических связей, богатством мемориально-ассоциативных сюжетов и единой историей природопользования.

Наличие аналогов. Яснополянский ландшафт не имеет близких аналогов на пространстве бывшей Российской империи несмотря на то, что целый ряд дворянских усадеб в советское время был взят на государственную охрану ввиду их исключительной историко-культурной ценности. Ясная Поляна является единственной, где высокая мемориальная ценность совмещается с репрезентативностью и подлинностью в отношении конкретной исторической эпохи и где основные культурные и хозяйственные функции усадьбы сохраняют преемственность в современной жизни. Что касается дальнего зарубежья, то феномен дворянской усадьбы не имел там такого историко-культурного контекста, значения, распространения и влияния на формирование историко-культурного облика стран. В ряду объектов Всемирного культурного наследия примеры мемориальных комплексов,

связанных с какой-либо выдающейся для мировой культуры личностью, встречаются чрезвычайно редко. Можно назвать фабричный посёлок Нью-Ланарк в Великобритании, связанный с именем утописта Роберта Оуэна, немецкий город Веймар, где творили великие Гёте и Шиллер, замок Вартбург, где в ссылке переводил Новый Завет Мартин Лютер, имение Конфуция в китайском городе Цюйфу, усадьбу Монтичелло в американском Шарлотесвиле, выстроенную американским президентом, архитектором и автором Декларации независимости Томасом Джефферсоном.

Сохранение и использование. Гарантом охраны яснополянского ландшафта выступает одноименный федеральный музей-заповедник, находящийся в ведении Минкультуры РФ, предшественником которого был созданный в 1921 г. по декрету ВЦИК музей под управлением Наркомпроса. Основная часть исторических угодий усадьбы и её имущественный комплекс передан в пользование этому учреждению культуры. В 1993 г. музей-заповедник был включён в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, что является одним из условий, согласно российскому законодательству, отнесения Ясной Поляны к объектам всемирного наследия. Для защиты мемориально-значимых окрестностей исторического поместья в 2013 г. было принято решение о придании им статуса объекта культурного наследия – достопримечательного места, и вслед за тем была разработана необходимая проектная документация. Достопримечательное место применительно к яснополянским реалиям может рассматриваться как буферная зона объекта, требование об установлении которой зафиксировано в методическом инструментарии ЮНЕСКО.

Достопримечательное место

Основные проблемы поддержания аутентичности культурного ландшафта возникают за пределами границ территории музея-заповедника, на землях иных землепользователей. Эти окрестности, как уже отмечалось, представляют дополнительную историко-культурную и мемориальную ценность и выполняют буферные функции в отношении исторического ядра территориального комплекса. В целях снижения негативных эффектов неупорядоченного градостроительного развития был разработан и утверждался поэтапно в 2013–2015 гг. «Проект достопримечательного места, связанного с жизнью и творчеством Л.Н. Толстого – усадьба Ясная поляна и её окрестности» (рис. 10). Проект был разработан ООО «Парковая реставрация – Гардарика» под руководством Ивана Ивановича Кроленко (1949–2017) и стал пионерной работой по уровню осознания важности природно-культурных взаимодействий, по вовлечению природных объектов в сферу проектного регулирования. В нём впервые с необхо-

димой детальностью и тщательностью рассмотрены те составляющие достопримечательного места, которым проектировщики по причине отсутствия должной квалификации либо усердия не уделяют требуемого внимания – это лесные, водные, болотные, сельскохозяйственные угодья, на которые не предусматривается градостроительный регламент. Но для Ясной Поляны именно эти угодья имеют принципиальное, ключевое значение в связи с их исключительной мемориальной ролью и геоструктурным значением в формировании уникального яснополянского ландшафта, без презентации которого особенности творчества Л.Н. Толстого понять нельзя.

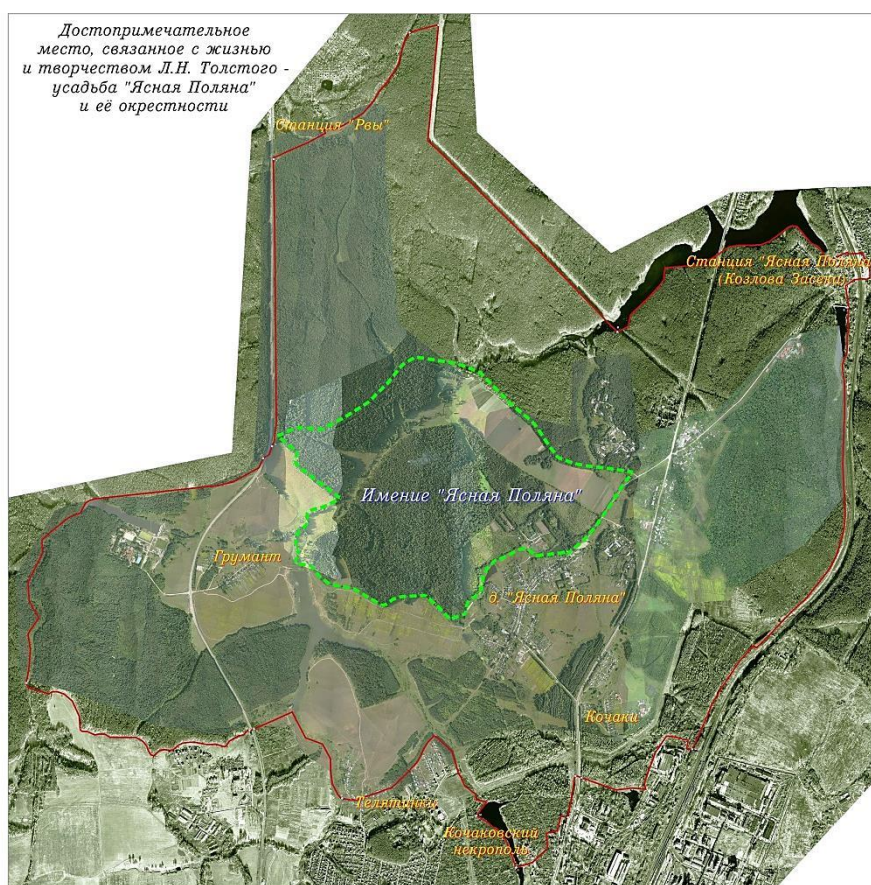

Рис. 10. Границы достопримечательного места и яснополянского имения на аэрофотоснимке. Из материалов Проекта достопримечательного места [9]

Лев Николаевич, как известно, вел весьма активный образ жизни и ближайшие окрестности были регулярно им посещаемы, что определило выбор основных радиусов территории проектирования. Локализация границ осуществлялась, исходя из особенностей строения эрозионно-балочной сети, особенностей фортификационного устройства засечных лесов и местоположения крупных современных инженерных линейных объектов – соответственно по врезам рек и ручьёв,

выраженным в рельефе линиям оборонных сооружений Засечной черты, авто- и железнодорожным магистралям и продуктопроводам. Предмет охраны насчитывает несколько десятков позиций и включает, во-первых, выявленные и существующие памятники и ансамбли, а во-вторых – систему основных топосов, о чем речь шла выше, систему визуальных взаимосвязей, архитектурно-планировочные характеристики. К сожалению, Министерство культуры РФ при утверждении документации самостийно сократило предмет охраны без согласия проектировщика, но это уже другая тема. Совокупность охранных требований привязана к сложившейся системе землеустройства, но исходит из исторических функций землепользования с учётом перспектив управляемого и целесообразного для мемориальной территории развития. Богатый картографический и иллюстративный материал проекта, надо надеяться, будет адаптирован к публикации и достойной картографической презентации яснополянского культурного ландшафта, чего крайне не хватает в ряду известных публикаций по этой территории.

Заключение

Основная проблема территориальных комплексов наследия, подобных усадебным комплексам, связана с их развитием. Сохранность наследия требует существенных ограничений в использовании элементов ландшафтного комплекса – в расширении границ поселений, создании современной инфраструктуры и застройки, изменении форм землепользования и т.д. Соблюдение условий сохранности – очень непростой и неоднозначный вопрос, особенно для обширного территориального комплекса с множественными субъектами права и видами деятельности. Даже активности основного гаранта охраны территории – музея-заповедника – далеко не всегда вызывают чувство оптимизма и веры в торжество разума. Соглашаясь, что естественные исторически обусловленные изменения объективно закономерны, следует подчеркнуть, что общественное признание «Ясной Поляны» объектом наследия задаёт направленность развития территории. Здесь первостепенная роль должна принадлежать музейным, научно-исследовательским, образовательным, просветительским, сервисным (по обслуживанию посетителей) и историко-хозяйственным (по поддержанию исторических элементов ландшафта) функциям. И все они в совокупности не должны «пилить сук», на котором основано их благополучие – аутентичность историко-культурного пространства Л.Н. Толстого. Вера в «зелёную палочку», закопанную на склоне оврага и обещающую счастье человечеству, вряд ли совместима с галопирующей урбанизацией, уродующей сельский пейзаж и природное очарование средней полосы России.

Литература

1. Кузьминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1976.
2. Никитина Н.А. Ясная Поляна. Путешествие с Львом Толстым. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2002. 208 с.
3. Пузин Н.П. Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 1998. 133 с.
4. Семёнов К.С. Музей-усадьба Ясная Поляна. Заповедник. Очерк-путеводитель. Тула, 1956. 96 с.
5. Солдатова Е.В. Естественные леса музея-усадьбы Л.Н. Толстого Ясная Поляна: история, состояние и сохранение // Русская усадьба. Вып. 10(26). М.: Изд-во «Жираф», 2004. С.176–186.
6. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
7. Семёнов К.С. История лесов Ясной Поляны за 100 лет. Задачи их сохранения и восстановления. Ч.2 – Ясная Поляна, 1952.
8. Глазунова О.Н. Гидронимы окрестностей Ясной Поляны // Русская усадьба. Вып. 11(27). М.: Изд-во «Жираф», 2005. С. 228–234.
9. Проект «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством Л.Н. Толстого – усадьба «Ясная Поляна» и её окрестности, ООО «Парковая реставрация – Гардарика», рук. И.И. Кроленко, 2012.
10. Рекомендуемые принципы мемориализации насаждений государственного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого Ясная Поляна». Парколесоустроительная экспедиция Центрального государственного лесоустроительного предприятия, Москва, 1993. 66 с.
11. Веденин Ю.А. Усадебный ландшафт как тип культурного наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. С. 164–185.
12. Солдатова Е.В. «Я очень рад, что не послушался Тургенева, не сделался только литератором» // Русская усадьба. Вып.13–14 (29-30). М.: Изд-во «Жираф», 2008. С. 242–248.
13. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, WHC UNESCO, 2009.

RUSSIAN ESTATE AS A PROMISING UNESCO WORLD HERITAGE SITE: on the example of Leo Tolstoy's "Yasnaya Polyana"

M. Kuleshova

culturalandscape@mail.ru

Moscow, Russian Federation

Abstract. *The Russian estate is a characteristic phenomenon of Russian culture, which had a significant impact on the images of Russia and the formation of its cultural landscape. At the same time, this cultural phenomenon is not yet represented in the World Heritage List for Russia. The article reveals the main values of Leo Tolstoy's estate Yasnaya Polyana, which are of universal importance; presents interconnectedness and interdependence of its natural and cultural characteristics. It is stated, that the territorial complex of Leo Tolstoy's estate Yasnaya Polyana fully complies with the UNESCO criteria for assigning objects to the of World Heritage.*

Keywords: *Russian estate, Yasnaya Polyana, world heritage, cultural landscape, criteria of value, landmark place, museum-reserve.*

For citation: Kuleshova M. Russian estate as a promising UNESCO World Heritage Site: on the example of Leo Tolstoy's "Yasnaya Polyana". *Heritage and Modern Times.* 2020;3(4):109–127.

References

1. *Kuz`minskaya T.A.* Moya zhizn` doma i v Yasnoj Polyane. Tula, 1976.
2. *Nikitina N.A.* Yasnaya Polyana. Puteshestvie s L`vom Tolsty`m. Tula: Izd. dom «Yasnaya Polyana», 2002. 208 s.
3. *Puzin N.P.* Dom-muzej L.N. Tolstogo v Yasnoj Polyane. Tula: Izd. dom «Yasnaya Polyana», 1998. 133 s.
4. *Semyonov K.S.* Muzej-usad`ba Yasnaya Polyana. Zapovednik. Oчерk-putevoditel`. Tula, 1956. 96 s.
5. *Soldatova E.V.* Estestvenny`e lesa muzeya-usad`by` L.N. Tolstogo Yasnaya Polyana: istoriya, sostoyanie i soxranenie // Russkaya usad`ba. Vy`p. 10(26). M.: Izd-vo «Zhiraf», 2004. S.176–186.
6. *Murzaev E.M.* Slovar narodnyx geograficheskix terminov. M.: My`sl`, 1984. 653 s.
7. *Semyonov K.S.* Istoriya lesov Yasnoj Polyany` za 100 let. Zadachi ix soxraneniya i vosstanovleniya. Ch.2 – Yasnaya Polyana, 1952.
8. *Glazunova O.N.* Gidronimy` okrestnostej Yasnoj Polyany` // Russkaya usad`ba. Vy`p. 11(27). M.: Izd-vo «Zhiraf», 2005. S. 228–234.
9. Proekt «Dostoprimechatel`noe mesto, svyazannoe s zhizn`yu i tvorchestvom L.N. Tolstogo – usad`ba «Yasnaya Polyana» i eyo okrestnosti, ООО «Parkovaya restavraciya – Gardarika», ruk. I.I. Krolenko, 2012.
10. Rekomenduemy`e principy` memorializacii nasazhdenij gosudarstvennogo zapovednika «Muzej-usad`ba L.N. Tolstogo Yasnaya Polyana». Parkolesoustroitel`naya e`kspediciya Central`nogo gosudarstvennogo lesoustroitel`nogo predpriyatiya, Moskva, 1993. 66 s.
11. *Vedenin Yu.A.* Usadebny`j landshaft kak tip kul`turnogo naslediya // Kul`turny`j landshaft kak ob`ekt naslediya. M.: Institut Naslediya; SPb: Dmitrij Bulanin, 2004. S. 164–185.
12. *Soldatova E.V.* «Ya ochen` rad, chto ne poslushalsya Turgeneva, ne sdelalsya tol`ko literatorom» // Russkaya usad`ba. Vy`p.13–14 (29–30). M.: Izd-vo «Zhiraf», 2008. S. 242–248.
13. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, WHC UNESCO, 2009.

Сведения об авторе

Кулешова Марина Евгеньевна, канд. геогр. наук, Вице-президент Научного комитета по культурным ландшафтам, Национальный комитет ИКОМОС (Россия). Москва, Российская Федерация.
Email: culturalandscape@mail.ru

Author of the publication

Marina Kuleshova, Ph.D in Geography, Vice-President of the Scientific Committee on Cultural Landscapes, National Committee of ICOMOS (Russia). Moscow, Russian Federation.
Email: culturalandscape@mail.ru

Дата поступления 01.12.2020

Принято к публикации 17.12.2020

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Новая книга о культурном наследии: «ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛОГИЯ ЧУКОТКИ»

В конце 2020 года вышла новая книга, затрагивающая тематику культурного наследия и культурного ландшафта – «Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году)»*, составителем которой является один из ведущих специалистов по культурному наследию северных народов И.И. Крупник.

Книга посвящается памяти пионера этнографического изучения Чукотки, второго начальника Анадырской округи Николая Львовича Гондатти (1860–1946). Предпринятая им в 1895 году экспедиция на Чукотский полуостров явилась уникальным проектом этнографического изучения края, в ходе которой за восемь месяцев удалось посетить с. Марково на Чукотском полуострове, устье р. Анадырь, бухту Провидения, мыс Чаплина, вплоть до с. Уэлен на арктическом побережье. Полученные в ходе исследования результаты были беспрецедентны для своего времени и актуальны сегодня.

В книге впервые дана развернутая оценка научного вклада Гондатти на основании его публикаций и неопубликованного архивного наследия, включая его дневники 1896–1897 гг., которые хранятся сейчас в г. Анадыре. Эти исторические документы сопровождаются материалами современного состояния науки о Чукотке, которые подготовлены группой российских и зарубежных авторов из Анадыря, Провидения, Москвы, Санкт-Петербурга, Вятки, Копенгагена и Вашингтона – этнографов, историков, музейных работников, специалистов по культурному наследию, родным языкам и национальным традициям народов Чукотки.

Выбор тем научных статей в значительной степени повторяет интересы самого Гондатти и основные направления исследований, с которыми связано его научное наследие. Это – народные экологиче-

* Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н.Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году): коллективная монография / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Сев.-Вост. комплекс. НИИ; [отв. ред. О.П. Коломиец, И.И. Крупник]. – М.: Изд-во PressPass, 2020. – 468 с.

ские знания, хозяйственная деятельность и культурные традиции народов Чукотки. Гондатти был также пионером локального («общинного») подхода в изучении культур и истории коренных жителей Чукотки. Эта тематика продолжена в статьях о коренных жителях полуострова, об истории чукотских и эскимосских поселений, о социальной организации чукотской общины, о топонимике. Заключительная часть книги посвящена «золотому фонду» наследия Чукотки. В ней собраны статьи о хранителях национальной культуры и людях, которые внесли важный вклад в сохранение знаний о языках, фольклоре и истории края.

Статьи сборника имеют особое значение для раскрытия темы нематериального наследия коренных народов Чукотки, и прежде всего «бесписьменной народной культуры», народных традиционных знаний и языка оленеводов, морских зверобоев, рыболовов, охотников, мастеров декоративно-прикладного народного искусства. Все они отражают сегодняшнюю или недавнюю этнографическую реальность и взгляд с позиций национальных общин и конкретных людей, описываемых в книге, т.е. то, что один из рецензентов образно назвал «понимающей этнографией».

Это издание очень интересно с методологической точки зрения, своим сопоставлением анализа исторических данных и архивных источников с анализом современных процессов состояния национальной культуры, начиная с самых первых подходов их изучения и фиксации до современных исследований, проводимых научным сообществом. Книга составлена таким образом, что она одновременно даёт достаточно полное осмысление современных знаний о коренных жителях Чукотки, проблем сохранения материального и нематериального культурного наследия. Издание также свидетельствует, что в обращении к теме изучения нематериального наследия коренных народов Севера важное место занимает культурно-ландшафтный подход.

Книга снабжена архивными и современными фотографиями, схемами-рисунками, схематическими планами, фрагментами дневниковых записей экспедиции Гондатти и других экспедиций, уникальными рисунками, переводом на английский язык. Она будет очень полезным изданием для этнографов, историков, специалистов в области культурного наследия и широкого круга читателей, интересующихся историей и современной жизнью национальных культур.

О.Е. Штеле

Дата выхода в свет: 29.12.2020. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 70x108 1/16. Тираж 100 экз. Заказ № 255/12.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского университета.
Адрес: ул. Профессора Нужи́на, д. 1/37, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация, 420008.
Тел.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Перепечатка допускается только с письменного разрешения редакции.

Approved for printing on 12.29.2020. Offset paper. Digital printing.
Format 70x108 1/16.
Circulation 100 pieces. Order No 255/12.
Printed from ready-to print file in the printing house
of Kazan University Publishing house.
1/37, Prof. Nuzhin str., Kazan, 420008, Russian Federation.
Ph.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.